

РАЙСА УОЛКЕР

ОСКОЛКИ
ВРЕМЕНИ

Файлы Хроноса

Райса Уолкер

Осколки времени

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уолкер Р.

Осколки времени / Р. Уолкер — «Эксмо», 2015 — (Файлы
Хроноса)

ISBN 978-5-04-155917-5

Все меняется. Кейт вступает в сотрудничество с отрядом сопротивления, чтобы предотвратить мировую катастрофу, планируемую Соулом. Им на руку ее способности в обращении с ключом ХРОНОСа. Но опасность возрастает: с каждым новым перемещением в прошлое или будущее Кейт запускает новый временной сдвиг, который полностью меняет окружающую реальность. Хуже всего, что Кейт начинает сомневаться в том, стоит ли ей вообще доверять своим союзникам и Кирнану. Девушка полна решимости и готова рискнуть всем, даже собственной жизнью, ради спасения мира. Вот только будет ли этого достаточно, если на кону судьба всех, кто ей дорог?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-155917-5

© Уолкер Р., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Райса Уолкер

Осколки времени

© Султанова Ф., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Эта книга посвящена Питу – моей константе в любой временной
линии.*

Глава 1

Бетесда, Мэриленд

8 сентября, 21:37

Джулия Моррелл Уотерс не любит тянуть время. Я едва успела прочесть записку, приветствующую меня в Пятой Колонне, как какой-то парень с коробкой пиццы начинает стучать в дверь Кэтрин. На коробке приклеено сообщение, оставленное на такой же бумаге, что и ее приветственная записка: *Макс приведет тебя ко мне. Выходи через заднюю дверь. Перелезь через забор, и он заберет тебя на следующей улице. Приходи одна. ДМУ.*

Коробка из-под пиццы пуста (да, Коннор определенно проверил ее, прежде чем вручить мне), но на капоте машины, ждущей у входа, красуется табличка Валенсии, так что Пятая Колонна хорошо постаралась. Безусловно, доставка из кафе «Пицца Валенсии» далеко не впервые подъезжает к дому в этом часу. Но парень, которого они прислали (Макс, кажется), больше похож на спортсмена или вышибалу, чем на разносчика пиццы.

– Она не поедет одна, – говорит ему Коннор.

У Макса, кажется, вот-вот глаза вылезут из орбит. Он отбирает у Коннора коробку, достает из кармана ручку и нацарапывает слово «прослушка!» на обратной стороне бумажки. Затем он отдает ее мне и указывает на кухню, где находится дверь, ведущая на задний дворик, будто все уже решено.

Но это не так. Я выхватываю у него ручку и пишу:

«Все равно не поеду одна».

Трей бросает взгляд на Кэтрин, все еще лежащую на диване, а затем на Коннора. Они кивают. Затем он постукивает себя по груди и указывает на меня.

Макс делает два угрожающих шага в мою сторону, и, судя по выражению его лица, я почти уверена, что он попытался бы перекинуть меня через плечо, если бы не Коннор и Трей, которые тут же двинулись к нему. Даже немного жаль, что они вступились. Этого парня неплохо было бы спустить с небес на землю, и будет еще лучше, если это сделает девушка вдвое меньше его.

И он явно не продумал все до конца. В инструкции Джулии сказано, чтобы я вышла через заднюю дверь. Если за домом наблюдают, будет крайне подозрительно разносчику пиццы вернуться к своей машине с пассажиром, особенно если тот будет усердно сопротивляться.

Дафна явно уловила атмосферу в комнате. Она снова лает, и как только Кэтрин отпускает ее ошейник, она занимает позицию рядом со мной, тихо рыча.

Макс качает головой, будто мы ведем себя совершенно неразумно, а затем достает что-то из кармана. Дафна снова рычит.

– Придержите свою собаку, ладно? Мне нужно позвонить в офис и узнать, что с вашим заказом.

Я опускаюсь на колени и приобнимаю Дафну. Она слегка расслабляется, но не сводит с него глаз.

Мы ждем. Наконец он говорит в трубку: «Они говорят, что заказали две. А не одну».

Макс слушает с минуту, а затем поднимает взгляд на нас четверых (пятерых, считая Дафну) и говорит: «Нет, не думаю, что это сработает... Ладно... да».

Он прячет телефон обратно в карман.

– Значит, две. Я скоро вернусь со второй пиццей.

– Конечно, – говорит Коннор. – Без проблем. Но мы получим скидку, верно? Вы ведь оплошали с заказом.

Макс закатывает глаза:

– Я уточню у своего босса. – Он задерживает на мне взгляд, снова смотрит в сторону кухонной двери и затем уходит.

Мы с Треем следуем инструкциям в записке и украдкой идем через черный ход. Перепрыгнув через забор, протискиваемся сквозь соседскую кипарисовую изгородь и видим машину «Валенсии», ожидающую у обочины. Макс снова разговаривает по телефону, высматривая нас через открытое окно со стороны водителя.

Автомобиль на деле оказался старой рухлядью. Думаю, раньше это было такси, потому что между передними и задними сиденьями есть перегородка. Как только мы садимся, Макс оборачивается и смотрит в окошко:

– Ладно, вот как мы поступим. Ты можешь поехать с ней, но тебе придется подождать в машине. По соображениям безопасности.

– Нет. – Трей открывает дверцу машины, и мы уже собираемся выйти.

– Подождите, – говорит Макс, поднимая руку. – Одну минуту.

В конце концов мы пришли к компромиссу. Макс конфискует наши телефоны и мой рюкзак. Трей сможет войти со мной в здание, но не в кабинет, когда я пойду к мисс Уотерс. Не сказать, что я восторге от таких условий, но до тех пор, пока у меня есть ключ ХРОНОСа, я смогу позвать на помощь, если мы попадем в беду.

Окна машины тонированные так, что снаружи почти ничего не видно. Макс только хмыкает, услышав слова Трея о том, что такой оттенок, вероятно, не совсем легален. Кажется, несколько минут назад мы пересекли кольцевую дорогу, но я плохо понимаю, где именно мы находимся. Мы едем минут двадцать, а это значит, что можем быть уже в Вашингтоне, Северной Вирджинии или все еще где-нибудь в Мэриленде.

Мы останавливаемся у ряда непримечательных таунхаусов и шагаем по непримечательному тротуару к непримечательной двери. Номер на двери отсутствует.

В гостиной явно кто-то был. Кофейный столик завален бумагой, конвертами, компьютерным справочником и парой детективных романов. Трей приземляется на диван с какой-то книгой Джанет Иванович¹. А Макс ведет меня в крошечный кабинет, на встречу с главой Пятой Колонны, отряда сопротивления, что борется с киристами изнутри, и, возможно, только возможно, поможет нам остановить ту глобальную катастрофу, которую планирует мой дед.

* * *

– Не в обиду, – начинаю я, тут же жалея об этом. Обычно именно после этой фразы человек обижается. – Но я тебя совсем не знаю. Вполне вероятно, что это ловушка, устроенная Солом. Я ни за что не отдам ключи или что-либо еще, пока не буду уверена в обратном.

Джулия Моррелл Уотерс слегка откидывает голову и пристально смотрит на меня. Она похожа на мать. У нее чуть темнее кожа, и она немного полнее, но глаза такие же темно-синие. А улыбка кажется такой же, хотя я видела ее лишь мельком, в самом начале, когда она благодарила меня за то, что я помогла ее родителям выбраться из Джорджии живыми. И хотя она на добрых сорок лет старше Делии, когда я в последний раз видела ту в Джорджии, очевидно, что Джулия была такой же потрясающей, как и ее мать.

¹ Джанет Иванович – американская писательница, автор любовных и детективных романов.

Однако ее тон и отношение к происходящему точно передались ей от Эйбела Уотерса, по крайней мере, то, что я вижу в данный момент. Потому что я только что подвергла сомнению ее приказы. Снова. Прямо, недвусмысленно, и на этот раз в лицо.

Я вовсе не хочу дерзить. Просто я устала и совсем не понимаю, почему нельзя было подождать до утра с этой встречей. Прошло меньше трех часов с того момента, как Эйбел, Делия и Кирнан выбрались из погреба Марты и сели на заднее сиденье машины Саймона в Джорджии 1938 года, с теми самыми ключами ХРОНОСа, которые я должна была забрать.

И я ведь не многого прошу, всего пары часов сна перед этой вынужденной словесной перепалкой с их дочерью было бы вполне достаточно. Да, мне неловко кричать на старую леди, но она ведет себя неразумно.

– Ты ведь понимаешь, что мы могли бы просто забрать то, что нам нужно? – говорит Джулия. – И именно так мы бы и поступили, если бы работали с братом Кир...

– Сол, – произношу я сквозь стиснутые зубы. За последние пятнадцать минут она повторила «брат Кир» с полдюжины раз, и это начинает раздражать меня. – Его зовут Сол Рэнд. Нет никакого брата Кира.

Джулия закрывает глаза и вздыхает:

– Да. Но когда работаешь под прикрытием, пытаясь свергнуть столь огромную и безумную организацию, как «Кирист Интернэшнл», приходится привыкать к правилам игры. Если не хочешь быть убитой, лучше взрастить в себе привычку называть их главного маньяка именно так. Знаешь, они ведь делают это. Они убивают людей, особенно тех, кто отказывается отдать то, что им нужно. Они не умеют просить по-хорошему.

Джулия тоже не сильно старалась *просить по-хорошему*. Она скорее приказала передать всё Пятой Колонне. Ключи, которые мы собрали, всю информацию, что у нас есть, образец из Шести Мостов. Все.

– Ладно, – говорю я. – Называй его как хочешь. И да, точно так же, как люди Сола, я уверена, что и вы могли бы просто взять и отобрать все, что вам нужно. Но имейте в виду, что мы не сдадимся просто так, и, если вы причините вред кому-либо из нас, я не стану сотрудничать с вами.

Говоря все это, я внимательно слежу за Джулией, потому что немного преувеличиваю. Возможно, у Пятой Колонны есть своя маленькая армия путешественников во времени, как и у Сола. Может быть, для предотвращения Отбора от меня им понадобятся только ключи и вся информация, которую мы успели собрать.

Но что-то в глазах Джулии говорит мне, что это не так. И, учитывая то, как они относились ко мне до сих пор, думаю, что они бы уже сделали все то, что она упоминала раньше. Они бы пришли и забрали все, что хотели, если бы не нуждались в моей помощи. И единственное, чем я могу им помочь, это своими способностями в обращении с ключом.

Почти каждый раз, когда я говорю, пальцы Джулии выстукивают тихий, но слышимый ритм. Она, кажется, ждет, что я продолжу, поэтому я добавляю:

– Только если вы уже не взяли все под контроль? Кирнан...

На ее лице мелькает странное выражение, когда я произношу его имя, но она не перебивает меня.

– Кирнан, – говорю я, – был совершенно уверен, что ключи, которые носят киристы, из времени твоих родителей. Из будущего. Те самые, которые принадлежали историкам, которых в тот день не было на поле. Это предположение все еще в силе?

Она кивает, продолжая постукивать пальцами. На столе лежит скотч, и я борюсь с желанием встать и примотать ее руку к спинке кресла.

Я ограничиваюсь многозначительным взглядом на ее пальцы, пока она не останавливается. Затем я спрашиваю:

– И ты хочешь, чтобы я помогла вам достать эти ключи?

– Так будет... проще, – признается она.

– Хорошо. Если вы хотите сотрудничать, то только на моих условиях.

– И что же это за условия?

У меня не было времени все обдумать, поэтому я решила не углубляться в детали:

– Во-первых, я решаю, кто будет в моей команде. Мне нужны люди, которых я знаю и которым доверяю.

– Мы уже это сделали. В вашем досье упоминались Харви Тилсон и одна из Синглтонов.

– В каком досье? Кто дал вам эту информацию?

– Мои родители. В основном моя мать, как только я поняла, что нам понадобится ваша помощь в этом деле.

Мои мысли возвращаются к той ночи в доме у Марты, когда Эйбел впервые сказал, что нам понадобятся союзники. Я не помню, чтобы упоминала Тилсона, хотя думаю, что это вполне вероятно. Но Шарлейн? С чего бы мне упоминать о ней?

– Я все еще не совсем понимаю, какую ценность представляет для нашей команды дочь Синглтонов, – говорит Джулия, будто читая мои мысли, – но к выбору Тилсона и того молодого человека у меня нет вопросов.

Окей... кажется, теперь я поняла. Под молодым человеком она, должно быть, подразумевала Кирнана, а он знал и о Тилсоне, и о Шарлейн.

– Так кто же еще? – спрашивает Джулия. – Кого еще нам нужно втянуть в это, чтобы ты чувствовала себя в полной безопасности и уюте?

Ее тон выводит меня из себя, но я стараюсь не обращать на это внимания.

– Кэтрин, Коннор и Трей. Мои родители...

– Почему? Твоя мать даже не знает обо всем этом.

– Ты права. Она не знает. И я это очень скоро исправлю.

– Нет, Кейт, – говорит она, откидываясь на спинку стула. – Я понимаю и ценю то, что ты беспокоишься о безопасности своей матери. Но мы уже приставили круглосуточную охрану к Пруденс и Деборе. Твоя мать в безопасности, и план, который мы разработали, сработает только в условиях секретности. Позволить тебе отклониться от плана ради подобных личных дел будет слишком рискованно для нас.

Я решительно качаю головой:

– Нет. Мама должна знать, что происходит, и я должна быть той, кто ей расскажет. Дело не в том, что я не доверяю вашей охранной службе, – здесь я немного приврала, потому что не уверена, *доверяю* ли сотрудникам их охранной службы, – просто я не смогу сосредоточиться ни на чем другом, пока она не вернется домой. Я уезжаю утром. Кэтрин согласилась...

– Мнение Кэтрин не имеет к этому никакого отношения! – Джулия останавливается и глубоко вдыхает. Ее голос по-прежнему тверд, но уже более мягок, когда она продолжает: – Судя по тому, что мне рассказали, она слишком больна, чтобы принимать разумные решения. Честно говоря, учитывая ее отношения с братом Киром в прошлом, я не уверена, что хорошие решения когда-либо были ее сильной стороной. Но если оставить это, то я не удивлена, что она поставила благополучие своей дочери превыше всего.

Джулия, может быть, и не была удивлена, но я была. Как только Коннор сообщил мне, что они, вероятно, нашли то место, где мама и Пруденс будут в четверг, я тут же начала выводить стабильные точки в Лондоне, готовясь немедленно отправиться туда. Кэтрин отговорила меня, напомнив, что сначала мне нужно немного отдохнуть и убедиться, что я прибуду с ясной головой. Но она также помогла мне найти ближайшую стабильную точку к отелю, где остановится мама, и лучшее время для перемещения. Мы только начали обсуждать детали, когда в дверь постучал Макс.

Я знаю, что Кэтрин больна, и да, иногда она принимает немного сомнительные решения. Я даже признаю, что говорила то же самое, что и Джулия, в отношении Кэтрин и Сола. Но мне

чертовски неприятно слышать, как эта женщина, эта незнакомка... так небрежно отвергает Кэтрин.

– Это подводит меня ко второму условию, – говорю я. – Не тебе решать, чье мнение имеет значение. Кэтрин потратила большую часть своей жизни, пытаясь исправить всю катастрофу, которую сотворил Сол.

– Как и я.

– Возможно, – признаю я. – Но у Кэтрин есть преимущество, которого у тебя нет, когда речь заходит о любых решениях, касающихся меня. Кэтрин *знает* меня. Она знает, что я не смогу сосредоточиться на том, что тебе нужно, если буду думать о маме. Поэтому, когда мы закончим здесь, я поеду домой и посплю. За последние несколько дней я спала всего пару часов. А потом я отправлюсь в Лондон.

– Да, да, – говорит Джулия, махнув рукой. – Знаю. Послезавтра они остановятся в отеле «Каунти Холл Марриотт». Смежные номера, четвертый этаж. Как я уже говорила, мы следим за каждым их шагом, даже за их личным общением. Я даже знаю, что они останутся на три дня, а затем...

– Почему мы вообще спорим об этом? – говорю я, повышая голос. – Почему это так важно? Я могу просто воспользоваться ключом. Если у нас так мало времени, то, как только я увижу, что моя мама в безопасности, тут же вернусь в этот час, в эту самую минуту, если ты настаиваешь.

– Дело не в этом, Кейт. Мы опасаемся, что в Лондоне ты скажешь или сделаешь что-то, что выдаст нас киристам. Они тоже следят за Пруденс. К тому же один из них часто путешествует с Пруденс, присматривая за ней и докладывая Саймону и Киру о ее действиях. Она... – Джулия опускает глаза и перебирает лежащие перед ней бумаги, – в общем, Пруденс уже давно не в состоянии понять, что ею манипулируют.

Я уже собираюсь спросить, кто этот человек, но тут до меня доходит:

– Кирнан? Нет. Он не на стороне Сола. Или Пруденс. По крайней мере, в этом ты права. Кирнан на нашей стороне. Он просто собирает у нее информацию. И у Сола.

Джулия одаривает меня снисходительной улыбкой:

– Мой отец говорил мне, что ты можешь так решить. Но ты ошибаешься. Некоторое время не было ясно, к *какой* именно фракции он принадлежит, но теперь мы знаем, что он с Киром. Он был замешан в этом с самого начала, Кейт.

Внезапно у меня пересохло во рту и стало трудно дышать. Мои легкие будто сжали в кулак. Пару мгновений я молчу, не в силах ответить. В конце концов я хрипло выдыхаю:

– Я тебе не верю.

– Мне очень жаль, но это правда. Фракции Пруденс пришел конец. Почти все, кто был на ее стороне, теперь либо примкнули к Пятой Колонне, либо перешли обратно в главную ветвь «Кирист Интернэшнл». А кто-то вообще никогда не отступался, оставаясь верным Бр... – она фыркает, – Солу. С самого начала. И я совершенно уверена, что Кирнан Данн принадлежит к последним.

– Ты ошибаешься. Я знаю Кирнана. Я знаю, кому он верен.

Джулия Моррелл Уотерс натянуто улыбается мне:

– Все меняется, Кейт. И это, вероятно, единственное неизменное во Вселенной – все меняется.

* * *

Спустя двадцать минут я снова сижу в машине Макса с Треем, направляясь обратно к дому Кэтрин. Я держу в руках защищенный паролем и зашифрованный планшет, который,

по указаниям, я должна использовать только тогда, когда нахожусь под полем ХРОНОСа. Это несложно, поскольку я никогда не выхожу за его пределы.

Макс оставил в моем ключе местоположение, и в пятницу утром я должна снова встретиться там с Джулией. Она заверила меня, что на этом планшете найдется более чем достаточно информации, чтобы занять меня до тех пор.

Она также заверила меня (и не раз), что с мамой все будет в порядке, а поехать в Лондон будет далеко не самым лучшим моим решением. И прежде чем покинуть кабинет, я пообещала ей, что не буду спешить выходить на связь с мамой.

Конечно же, я соврала.

На тот момент моей единственной целью было получить от Джулии как можно больше информации, а затем убраться оттуда к чертовой матери. Я не верю тому, что она рассказала мне о Кирнана, и это поставило под сомнение все остальное, что я услышала.

Я не могу говорить ни о чем важном в присутствии этого парня, Макса, поэтому, когда Трей спрашивает, как прошла встреча, я отвечаю немного уклончиво и прислоняюсь головой к его плечу по пути обратно в Бетесду. Судя по всему, я заснула, потому что, казалось, прошло всего несколько секунд, прежде чем я почувствовала, как Трей мягко дергает мою руку.

Макс притормаживает на том месте, где подобрал нас. Мы уже на полпути к изгороди, как он опускает стекло:

– Эй, Кейт. Ты оставила это на заднем сиденье.

Он держит книгу. Похоже на дневник ХРОНОСа.

– Прости, – говорю я. – Кажется, это не мое.

– Нет. Это *твое*. – Он смотрит мне прямо в глаза, а потом оглядывается на темно-синий фургон, припаркованный у обочины. – Вот, – настаивает он, протягивая мне книгу. – Может, заберешь уже?

Я забираю, и он тут же сваливает.

– Что все это значит? – спрашивает Трей.

– Не знаю. – Я бросаю взгляд на фургон, который обычно припаркован на улице перед домом Кэтрин. На фургон, который, по словам Кирнана, он нанял для слежки за домом и передачи Пруденс ложной информации о нашей деятельности.

Если верить его словам.

Голос, прозвучавший в моей голове, принадлежит Джулии, и мне очень не нравится то, что она заставила меня сомневаться в нем.

Однако если быть до конца честной с самой собой, слова Джулии только взрастили то семя сомнения, которое уже было посеяно. Это сомнение не покидало меня с тех пор, как я увидела Пруденс с Кирнаном в его хижине. И усилилось, когда он солгал мне о пребывании Саймона в Джорджии.

Но Кирнан все объяснил. И я ему поверила.

Я очень, очень хочу продолжать верить.

Бросив на фургон последний взгляд, я следую за Треем. Мы перелезаем через забор на задний двор Кэтрин, и спустя мгновение самая надежная из наших домашних систем безопасности (Дафна) подает сигнал тревоги.

Кэтрин и Коннор сидят на кухне. Мне хватает одного взгляда на лицо Кэтрин, чтобы понять, что ей не следовало дожидаться нас. Жаль, что Коннор не подсыпал ей в чай снотворного. Она выглядит опустошенной. Сомневаюсь, что она спала больше, чем я за последние несколько дней, но так как я на пять десятилетий моложе и не смертельно больна, то справляюсь с усталостью немного лучше.

Мы идем в гостиную, и я пытаюсь решить, как много смогу рассказать теперь, будучи уверенной, что за нами следят. Если не люди Джулии, то люди Пруденс, или Сола, или на кого там, черт возьми, работает Кирнан.

Коннор начинает задавать вопросы прежде, чем я успеваю сообразить, что ответить, поэтому я жестом останавливаю его. Я оглядываю комнату, прежде чем снова посмотреть на него. Он вскидывает брови, затем слабо кивает мне и откидывается на спинку дивана.

Я решаю сказать им то же, что и Джулии. Они ничем не смогут помочь мне, если я попаду в беду, и никак не смогут остановить меня, поэтому...

– Я решила не спешить с Лондоном. Сейчас это слишком рискованно. Джулия заверила меня, что с мамой все будет в порядке.

Трей с Коннором, кажется, сбиты с толку. Неудивительно, учитывая, насколько непреклонной я была в этом вопросе до встречи с Джулией.

Кэтрин даже не моргает, просто наблюдает за мной, наклонив голову набок. Ее взгляд падает к моим коленям, на которых лежат планшет, переданный мне Джулией, и дневник, который мне пришлось взять у Макса, а затем она снова смотрит мне в лицо:

– И ты уверена, что они смогут обеспечить ее безопасность?

– Думаю, да. Они следят за ее передвижениями не только традиционными методами, но и с помощью ключа. Мама с Пруденс приедут в Лондон послезавтра. Джулия говорит, что они останутся на выходные, а потом поедут на виллу у побережья Италии, принадлежащую Пруденс. Так что у нас есть немного времени.

Кэтрин задумывается на пару секунд, а затем кивает:

– Полагаю, что да, – она встает, протирая глаза. – Давай на этом закончим. Тебе нужно немного отдохнуть, Кейт. Нам всем нужно.

– Значит, наверное, мне следует отменить... ох! – Коннор останавливается на полуслове, уставившись в пол, где обутая в шлепанец нога Кэтрин очень сильно давит на его мизинец. – Эм... Отменить... нашу... вечеринку по случаю твоего возвращения.

Я не совсем понимаю, к чему все это было, но и спросить не могу теперь, когда нас слушают все киристы мира. У меня такое чувство, что Кэтрин все равно знает, что я лгу, поэтому я встаю и тяну Трея за руку:

– Идем. Я провожу тебя до двери. Тебе тоже не помешает немного поспать, и твой папа с Эстеллой, наверное, переживают.

Когда мы подходим к двери, он наклоняется и целует меня на прощание.

– Спасибо, – говорю я.

– За поцелуй? Всегда рад.

– Нет. За то, что ты здесь. За то, что поехал со мной.

Он бросает на меня встревоженный взгляд:

– Кейт, ты точно хочешь отменить поездку? Ты ведь была так уверена ранее, и...

– Я уверена, – отвечаю я, приложив палец к его губам. – Все меняется.

Глава 2

Бетесда, Мэрилэнд

9 сентября, 8:15

Солнце, нагло выглядывающее из крошечной щели меж задернутых занавесок, наконец-то заставляет меня проснуться. Мой будильник тоже сыграл свою незначительную роль более пятнадцати минут назад. Я сопротивляюсь искушению кликнуть на «отложить» и еще большему искушению использовать ключ ХРОНОСа и вернуться на пять или шесть часов назад, чтобы снова забраться в постель. Кровать просто огромная. Учитывая то, как крепко спала, я, вероятно, и не замечу своего двойника. Можно было бы просто свернуться калачиком на другой стороне, и...

Нет. Подними свою ленивую тушу с кровати.

И, хотя тело мое убеждено, что ему не помешало бы побольше отдыха, разум бушует. Поэтому я встаю, принимаю душ и натягиваю одежду. Несмотря на то, что мне хочется переместиться в Лондон прямо сейчас, я должна позавтракать и хотя бы пробежаться глазами по файлам Джулии и дневнику, который передал мне Макс.

Меня беспокоит предупреждение Джулии о том, что путешествие в Лондон может сорвать планы Пятой Колонны, но меня также беспокоит и сама Джулия. Я не знаю ее. И несмотря на то, что я не верю или по большей части не верю тому, что Джулия сказала о Кирнане, у меня не было ощущения, что она лгала мне. Похоже, она действительно верит, что Кирнан на стороне Сола, поэтому вопрос в том, почему она так считает.

Было бы неплохо поговорить об этом всем с кем-нибудь еще. Но учитывая то, что мы находимся под наблюдением, могу предположить, что это также распространяется на наши телефонные звонки и переписки. Вчера вечером, перед тем как лечь спать, я позвонила папе, чтобы узнать, как там дедушка, который довольно хорошо оправляется после инсульта, и рассказать ту же фальшивую историю о Лондоне. Он дважды спросил, уверена ли я, и по его голосу я поняла, что он подозревает что-то. Не могу вспомнить, когда я еще так откровенно лгала своему отцу. Оглядываясь назад, понимаю, что это было умно, потому что я, кажется, не сильна в этом.

В планшете наверняка есть важные файлы, которые я должна просмотреть, но вместо него я хватаю дневник. Макс явно из тех людей, которые строго следуют правилам. Если бы Джулия знала об этом дневнике, он отдал бы его мне до нашего ухода, когда вводил координаты места нашей следующей встречи в мой ключ. Что бы там ни было, это должно быть очень важным для Макса, раз он рискнул проверить такое за ее спиной.

Я поставила кофейник и насыпала хлопья в огромную миску, как любит Коннор, а затем вышла во внутренний дворик, чтобы понежиться в разбудивших меня лучах солнца. Когда я открывала дневник, из него вылетел сложенный клочок бумаги и приземлился прямо в мою миску с хлопьями. Я выуживаю его и открываю. Это записка от руки, всего два предложения. *Не смотри это в доме. Удали, когда закончишь, и верни дневник мне, никому больше.* Последние два слова подчеркнуты, и все это подписано буквой «М».

Я скомкала записку и сосредоточилась на дневнике. Он выглядит так же, как и остальные, – компьютер в обличии книги, которым вряд ли получилось бы обхитрить кого-либо, даже

из более ранних веков. Место под обложкой, где обычно появляется имя историка, зачеркнуто синими чернилами.

Просматривая страницы, я замечаю, что все они пусты, кроме первой, там всего одна ссылка со стандартным форматом ХРОНОСа для дат: 09192009.

Странно. Я ожидала увидеть страницы с записями или список ссылок, подобных тем, что были в конце дневника другой-Кейт. Я целыми днями щелкала по этим ссылкам и просматривала записи, сделанные мной из другой временной линии. Кейт Кирнана, мое альтер-эго, которое было стерто одним из сдвигов во времени, которые превратили киризм из большой идеи в голову моего деда в самую большую, самую могущественную религию в мире.

Я не в доме, поэтому требования, изложенные в записке Макса, выполнены. В любом случае, не думаю, что приборы для слежки смогут захватить видео из дневника ХРОНОСа. Люди без гена вообще не могут управлять дневниками, и, даже имея этот ген, для просмотра записей мне все равно не обойтись без этого крошечного диска за ухом. Но я все же решаю немного увеличить дистанцию между собой и Старшим Братом. Прихватив хлопы и дневник, я иду к садовым качелям на заднем дворе.

После того как я нажимаю на ссылку, передо мной открывается голографическое изображение пожилой женщины в инвалидном кресле. Вокруг нее возвышаются деревья и густая зелень, что кажется мне странным. Такую местность нельзя назвать легкодоступной для человека в инвалидном кресле.

Кроме того, это видео чем-то отличается от других записей, которые я смотрела, хотя поначалу мне сложно определить, чем именно. Но после того, как женщина складывает руки на своих коленях, я догадываюсь. Все записи другой-Кейт и все те, что я смотрела в дневниках Кэтрин, начинались с крупного плана руки или тела человека, записывающего видео, пока они не отходили от устройства. На этот раз я лишь мельком замечаю кончик пальца, а затем вижу женщину, сидящую в нескольких метрах от камеры.

Кто бы ни записывал это видео, он делает несколько шагов к инвалидному креслу, и я понимаю, что та женщина – Делия. У нее все такие же бездонные голубые глаза, но лицо ее уже утратило прежние черты юности. Подбородок стал мягче, а волосы белее и тоньше. Я наскоро подсчитываю – если ей было чуть за тридцать, когда они застряли в 1938 году, то здесь Делии больше ста лет. Выглядит очень неплохо для столетней, и я задумываюсь, жива ли она еще. Наверное, это маловероятно, но какова средняя продолжительность жизни человека, родившегося в конце двадцать третьего века, с неизвестно сколькими генетическими изменениями?

Чей-то голос произносит: «Запись идет». Затем Делия прочищает горло и начинает говорить:

«Привет, Кейт. Если Макс сделает все так, как я просила, то ты станешь первой и единственной, кто увидит это. Я надеялась, что все еще буду рядом, чтобы поговорить с тобой лично. Доктор Джун говорит, что я бы успела, если бы ела побольше брокколи и пила поменьше бурбона, но, как ты помнишь, я никогда не любила врачей или их советы. В общем, последние несколько месяцев я очень быстро устаю и решила, что больше не могу так рисковать и откладывать это дело. Поэтому я попросила Макса привезти меня сюда, в эту глушь, чтобы я могла поговорить с тобой без лишних ушей.

Джулия хочет как лучше, и она хороший человек, но ты, вероятно, заметила, что она многим пошла в отца. Я любила Эйбела всем сердцем и душой, но у него были свои недостатки, и одним из худших было то, что ты мог быть либо его другом, либо врагом. Мой Эйбел делил мир на «хороших» и «плохих», и, боюсь, Джулия почти такая же».

Делия тихонько смеется, а затем продолжает, сосредоточив взгляд где-то слева.

«Да и Макс унаследовал похожие взгляды. Если ты смотришь это, то не потому, что Макс согласен со всем, что я говорю. А потому, что он хороший мальчик, который любит свою пра-

бабку Ди и готов уважать ее последнее желание и сохранить этот маленький секрет от своей бабушки Джулии».

Она снова поворачивается и смотрит прямо в камеру.

«Ему не будет слишком трудно хранить эту тайну, потому что то, что я собираюсь рассказать, не так уж и сенсационно. Всего две вещи.

Во-первых, благодаря тебе и Кирнану мы с Эйбелом прожили вместе еще пятьдесят четыре года. Конечно, не без своих проблем, и я сомневаюсь, что ты удивишься, узнав, что история Саймона о жизни с киристами была приукрашена по сравнению с тем, что мы видели. Но он был прав, когда говорил, что они без предубеждений примут межрасовый брак, а на большее мы и не могли надеяться в 1938 году... черт, даже в 1978 году, если уж на то пошло.

Все проблемы, с которыми мы сталкивались, были вызваны скорее страхом Саймона. Он боялся, что наше внедрение в лоно киристов может нарушить их планы и повлиять на исторические изменения, внесенные ими. Мы держались в тени, но Эйбел сумел установить кое-какие контакты снаружи, которые помогли положить начало внешней ветви Пятой Колонны. Я знаю, что у тебя были некоторые сомнения, когда мы втроем уехали с Саймоном, но я правда думаю, что это было к лучшему.

Нам нельзя было иметь детей, потому что Саймон сказал, что Сол беспокоится, как бы кто-нибудь из них не смог воспользоваться ключами. Они думают, что появление Джулии было случайностью. Я ждала до последнего, прежде чем дать кому-либо знать, что беременна, и сделала это самым публичным образом – прямо посреди воскресной службы. Джулия родилась двумя месяцами позже, и они не спускали с нее глаз, но я позаботилась о том, чтобы она никому не говорила, что может активировать оборудование. В любом случае, она не умеет перемещаться. Джулия может видеть свет и даже несколько раз выводила стабильную точку, по крайней мере, так она утверждала, но она так и не научилась ее фиксировать. И все же, если бы она умела его активировать, Солу этого было бы достаточно, чтобы убрать ее.

Что и случилось с отцом Макса. У Энтони всегда было больше амбиций, нежели здравого смысла, и, я думаю, что взгляды киристов нашли у него отклик. Он думал, что Сол позволит ему вступить в круг приближенных, если он будет способен перемещаться, но спустя несколько дней его нашли мертвым. Несчастные случаи, похоже, случаются довольно часто с теми, кто околачивается вокруг Сола.

Макс никогда не позволял никому на ферме увидеть даже малейший признак того, что он может использовать ключ, и никогда, никогда не позволит. Разве не так, Макс?»

Я слышу, как он бормочет: «Да, бабушка Ди», и Делия продолжает:

«Во-вторых, я хотела тебе кое-что посоветовать. Следуй своим инстинктам. В последний раз, когда я тебя видела, ты корила себя за то, что побег Эйбела прошел не так, как планировалось. Да и Эйбел ничуть не облегчал ситуацию, но вот что я хотела сказать – ты действовала, полагаясь на свою интуицию, и я думаю, что она сослужила тебе хорошую службу. Я почти уверена, что Эйбел умер бы в этой камере, если бы ты не вмешалась.

Джулия скажет тебе, что Кирнан сейчас с Солом. Возможно, так и есть. Джулия может даже решить, что он имеет какое-то отношение к смерти Энтони – я знаю, что в это верил Эйбел».

Макс что-то говорит, чего я не могу разобрать, и Делия неодобрительно фыркает:

«По-видимому, Макс тоже верит в это, но, поскольку ему не было и двух лет, когда это случилось, он полностью полагается на слухи. И ему следовало бы быть благоразумнее. Мы с Эйбелом видели Кирнана в общей сложности три раза после того, как покинули подвал в доме Марты. По правде говоря, мы не знаем, что произошло. Но я думаю, что Эйбелу просто нужно было кого-то обвинить, когда Энтони умер, и Джулии, вероятно, тоже».

Она собирается сказать что-то еще, но качает головой. И спустя мгновение продолжает:

«Причастен ли Кирнан к смерти Энтони или нет, мне без разницы, Кейт, хотя мне хотелось бы быть лучшего мнения о нем. Суть в том, что Энтони перенял неверные идеалы и доверился неверным людям, и за эту ошибку он дорого заплатил. Но я подозреваю, что вопрос о том, кому верен Кирнан, важен для тебя, поэтому... опять же, доверься своим инстинктам, потому что Джулия... что ж, она склонна думать сердцем, а не головой. И хотя я уверена, она думает, что у нее все под контролем, тебе понадобятся все союзники, каких ты только сможешь найти, особенно если один из них окажется прямо посреди вражеского лагеря.

Просто помни, что Джулия нуждается в тебе. Отчасти потому, что ты можешь использовать ключ. У Пятой Колонны немалая группа поддержки, но им не хватает ключей. Саймон забрал наши с Эйбелом после того, как мы расстались с тобой в Джорджии. Не буду вдаваться в подробности, но Эйбел перехватил один из них еще в начале восьмидесятых. Если только что-то не изменилось между этим моментом и тем, когда ты смотришь это, то ключ, который носит Макс, – единственный, который у них есть. Во-вторых, им не хватает путешественников. Макс может использовать ключ раз или два в день, и ему требуется несколько попыток».

Макс что-то бормочет за кадром. Единственные слова, которые я улавливаю, это: «...уже всем разболтала о моих делах». Делия только пренебрежительно машет рукой и говорит:

«Тише, Макс. Перестань вести себя так, будто это что-то постыдное, ведь, видит бог, это чистая правда.

В общем, Кейт, даже если бы у Джулии было достаточно путешественников во времени и находились бы все ключи, когда-либо созданные ХРОНОСом, она все равно нуждалась бы в тебе, потому что ты единственная точная копия сестры Пруденс.

Поэтому не позволяй ей запугивать себя. Как ее мать, я нисколько не сомневаюсь, что она именно это и сделает, если ты ей позволишь.

Это все, что я хотела сказать. Желаю удачи. Можешь уже отключать, Макс».

Дисплей на мгновение вспыхивает, и Делия исчезает. Я перематываю назад и успеваю пересмотреть до середины, когда ко мне присоединяется Дафна, волоча свою старенькую потрепанную зеленую фрисби. Она бросает тарелку к моим ногам, а затем с раздражением опускается на траву, когда замечает, что я не в настроении играть.

Когда видео заканчивается, Дафна подталкивает фрисби к моим босым ногам. Намек!

– Прости, Даф. Я немного занята.

Она кладет свою рыжеватую лапу на пальцы моих ног и смотрит на меня своими большими карими глазами. В мире Дафны просто невозможно представить себе что-то более важное, чем фрисби.

– Ладно, ладно, – смеюсь я, – один разочек, но потом мне правда нужно будет идти в дом.

Спустя три броска Дафна на мгновение отвлекается на одну из своих заклятых друзей-белок, пробежавшую за гаражом. Она с лаем убегает, а я отступаю на кухню.

Кэтрин намазывает маслом ломтик тоста, судя по аромату, с корицей и изюмом. Она улыбается мне через плечо:

– Доброе утро, Кейт! Прекрасный денек, не правда ли?

Она необычайно бодра, но в ее голосе звучит фальшь. Настроение Кэтрин часто меняется из-за того, что опухоль давит на мозг, и она принимает лекарства, чтобы контролировать боль. Сейчас в ее голосе слышится резкость, которая часто появляется как раз перед тем, как она вспыхнет, и я инстинктивно готовлюсь к буре. Но... возможно, она просто устраивает спектакль для тех, кто может нас подслушивать?

– М-гм, – отвечаю я, доставая из шкафа кофейную кружку. – Я была снаружи, просматривала... некоторые файлы. Я возьму кофе, а потом поднимусь наверх и... и еще немного почитаю. Наверное.

У меня такое чувство, будто я читаю строки из пьесы – ужасно убогой, плохо написанной пьесы, которую никто никогда не захочет увидеть. Тем не менее мы должны что-то говорить, а я не хочу касаться ни одной темы, которая могла бы дать информацию наблюдателям.

– Кстати, – говорит Кэтрин, – шарф, о котором мы говорили, наконец доставили. Никогда не знаешь, что именно отправят, когда заказываешь онлайн, но ткань такая же красивая, как и была на сайте. Я оставила его на твоей кровати.

Мы никогда не искали шарфы в интернете. Костюмы биозащиты – да. Шарфы – нет.

– О, хорошо. Спасибо.

– Ты ведь говорила с Гарри, верно? Как поживает твой дедушка?

– Ему лучше. Дедушка уже дома. Физиотерапия начнется завтра. Папа постарается вернуться после этого, хотя бы ненадолго.

Кэтрин вчера разговаривала с папой, поэтому ей все это известно. Она просто застряла в том же тупике нашего разговора, что и я. Я беру свой кофе и спешу наверх, избавляя нас обоих от необходимости сочинять очередную бессмысленную болтовню.

Открыв дверь в свою комнату, я замечаю, что на кровати рядом с планшетом Джулии лежит подарочный пакет. Внутри лежит длинный шелковый шарф красивого бордового оттенка. Я приподнимаю его, и из складок ткани вываливается листок бумаги.

Он слишком быстро падает на пол для обычного листа. Развернув его, я вижу четыре прикрепленных булавок, примерно того же оттенка, что и ткань. Сама бумага – это инструкция о том, как завязать шарф, чтобы сформировать хиджаб.

Хорошая идея, Кэтрин. Чтобы как-то соответствовать, мне придется переодеться из моих шорт и футболки в более скромную одежду, но, если я прикрою волосы, у меня будет меньше шансов, что кто-то из людей Джулии или киристов в Лондоне, наблюдающих за мамой, узнает меня.

Я укладываю кое-какие вещи в рюкзак, и у меня заканчиваются отговорки для откладывания домашнего задания Джулии. Поэтому я беру планшет, который она мне дала, и набираю пароль, который Джулия заставила меня повторить пять раз, прежде чем я вышла из ее офиса.

На этот раз никакого видео нет, только почти пустой экран с четырьмя документами, помеченными одной цифрой. Документ под названием «1» – это записка, в которой мне предлагается открыть другие файлы, проверить информацию и добавить любые другие данные, которые у меня могут быть. Последнее предложение, выделенное жирным шрифтом, гласит: *«Не отключайте отслеживание изменений ни в одном документе!»* У кого-то явно проблемы с самоконтролем.

Файл «2» выглядит как заявление о приеме на работу. Все уже заполнено, включая личную информацию, например мой номер социального страхования. В конце страницы есть маленький желтый флаг с красным крестиком, указывающий на то, что некоторые юридические лица освобождают Джулию Моррелл Уотерс индивидуально и «Кирист Интернэшнл» коллективно от любой ответственности, если я получу травму, *«если только эта травма не произойдет во время действия, специально заказанного вышестоящим начальством»*. Есть отдельная строка для моей подписи и одна для подписи родителя или опекуна.

Зачем Джулии действовать в защиту «Кирист Интернэшнл»? Насколько я помню, это то самое сообщество, которое мы пытаемся уничтожить.

Файл «3» представляет собой графическое изображение временной шкалы с разноцветными блоками. Единственный ключ – это список номеров, присвоенных историкам, поэтому мне не ясно, означают ли цвета что-нибудь или они просто добавлены для визуального эффекта. Большинство блоков содержат один или два номера и местоположение, иногда с полной или частичной датой. Около половины блоков перечеркнуто. Некоторые места и даты в зачеркнутых блоках кажутся знакомыми – например, тот, что помечен как *Даллас, Техас*

11201963. Внутри два номера, 15 и 16, назначенные в их списке биологическим родителям моего отца, Тимоти и Эвелин Уинслоу.

08091938 приписан к 2, 3, 4: Эйбелу, Делии и Гранту, стажеру, который исчез как раз перед тем, как на ферме Марты начался тот ад. Этот блок затенен серым цветом с цифрой 4 в кружке, что заставляет меня задуматься, не узнали ли они, что случилось с Грантом. Перемещение Кэтрин 1969 года тоже указано там, но путешествие, которое она должна была совершить в 1853 году, отсутствует. *Порт Дарвин 1942* тоже указан, но без даты, и, коротко взглянув на раздел 1950-х годов, я заметила только светло-голубой блок с номером 19, который они присвоили Уоллесу Меллеру. Я почти уверена, что вчера вечером, когда мы были у Марты, я говорила Эйбелу и Делии о том, что забрала ключ в порту Дарвин... ну, в моем вчерашнем вечере. Однако не думаю, что Кирнан или я говорили что-нибудь о ключе Меллера, который мы забрали в Копенгагене.

Кроме того, они упустили информацию о всех ключах, которые Кэтрин собрала до того, как привлечь меня, так что обновление всего этого займет какое-то время. Моя первая мысль – «фу, домашнее задание». Но потом я вспоминаю, что это не обязательно должно быть моим домашним заданием. Заполнение этих пробелов – единственная работа, которую я могу поручить Кэтрин и Коннору.

Блоки все редют ближе к правому концу временной шкалы. Один назван как????2024, *Кир, Майами, Флорида*. Другой блок еще более загадочен и содержит только слово «Дедлайн» без определенного года. А блок просто вставлен где-то после 2030-х годов.

Затем следует длинное пустое пространство перед последним блоком, помеченным как 04272305, *Вашингтон, округ Колумбия, 25–48+*. Я не знаю, что означают цифры в конце. Список ниже включает только 24 пункта, а было всего тридцать шесть историков, считая дюжину тех, кто не должен был перемещаться в тот день. Почему там написано 48+?

Дата проста. 27 апреля 2305 года, когда Сол уничтожил штаб-квартиру ХРОНОСа – или уничтожит ее, в зависимости от точки зрения. Я полагаю, что он делал очень подробные заметки на собраниях своей команды в последние несколько месяцев и точно знал, где и когда каждый из его коллег приземлится. Таким образом, он мог вернуться назад и убить всех двадцать трех из них, убедившись, что никто не помешает его планам по созданию киристов. А возможно, он планировал убить только нескольких из них, если бы у него были союзники среди коллег. Его единственной ошибкой было предположение, что он сможет свободно путешествовать во времени и пространстве, как только штаб-квартира исчезнет, и не останется ничего, что могло бы привязать его обратно к точке его происхождения. Он тоже застрял во времени и был бессилен что-либо изменить.

Пока Пруденс не решила поиграть с одним из ключей.

Логичнее всего было бы вернуться назад, выбить этот ключ из рук четырнадцатилетней Пру и уничтожить его. Сол и остальные двадцать три историка застрянут там, где приземлятся. К маме вернется ее сестра. Пруденс не сойдет с ума... ну, скорее всего не сойдет с ума. Семья Кирнана, возможно, не покинет Ирландию. Двое детей Коннора будут существовать. А папа, вероятно, найдет Эмили из той альтернативной временной линии, и у них родятся два милых маленьких кудрявых мальчика.

Но в таком случае меня не будет существовать. Хотя размышления об этом не совсем радуют, я бы пошла на эту жертву, учитывая, что все наши доказательства указывают на то, что Сол уничтожит миллиарды людей во время Отбора, если мы его не остановим. Но Кэтрин убеждена, что этот план слишком рискованный. У Сола, возможно, был сообщник. Мы все равно можем оказаться в той же самой ситуации, и тогда меня не будет рядом, чтобы помочь им остановить это. Все остальные: Трей, папа, Кирнан и Коннор – согласны с Кэтрин в этом. Однако я не могу не задаться вопросом, не могут ли некоторые из них быть предвзятыми в поисках решения, которое включает в себя то, что я в итоге существую.

Мой взгляд возвращается к незакрепленному блоку «Дедлайн», висящему рядом с 2030-ми годами. В квадратике отмечены четыре пункта:

- 04272024
- 12252025
- 04272034
- ????

Первый пункт – это день и месяц, когда Сол подорвал штаб-квартиру ХРОНОСа, а также год, в который он переместился. Следующий – Рождество следующего года после его приезда, а третий, вероятно, – десятая годовщина его приезда.

Тот, кто написал этот список дат, похоже, выбрал события, имеющие отношение к Солу. Хотя я не уверена, что в списке есть Рождество... и название «Дедлайн» предполагает, что это, скорее всего, даты Отбора. Дата 2024 года поначалу кажется мне маловероятной, учитывая время и усилия, которые они вложили в создание религии киристов и организацию базы власти, но я легко поверю в то, что Сол решил потерпеть несколько лет двойственных воспоминаний, чтобы его приветствовали как мессию, как только он прибудет в прошлое.

Даже от одной мысли об этом у меня начинает пульсировать голова. И тот факт, что все три даты вычеркнуты, все, за исключением вопросительных знаков, вызывает холодную дрожь в теле.

Я закрываю диаграмму и перехожу к последнему файлу, безусловно самому подробному. Это сборник информации о ХРОНОСе и начале двадцать четвертого века, структурированный как Википедия, с гиперссылками на различные подразделы. Информации бы хватило, чтобы заполнить целую книгу. И притом довольно большую. Судя по редким заметкам, подчеркивающим неподтвержденное или сомнительное утверждение, сборник, по-видимому, был написан несколькими авторами. В дополнение к длинным разделам о ХРОНОСе есть еще один с надписью «История». Необычный выбор слова для периода почти в триста лет в будущем. Он разбит на подразделы: 2100–2199, 2200–2249, 2250–2299 и 2300–2305. Далее идут ссылки на разделы, посвященные правительству, экономике, демографии, моде и культуре.

Этот файл вызывает очень смешанные эмоции. Кэтрин придерживается строгого принципа «все, что тебе нужно знать» для любой информации о будущем и обычно считает, что мне не следует знать много о чем-либо. Когда речь заходит о ближайшем будущем, о событиях, которые я действительно могла бы застать, я согласна с ней. Я держусь подальше от этих мест в «Журнале стабильных точек» и рада видеть, что этот файл не выходит слишком далеко за пределы того, что люди 2300-х годов считали бы современной историей.

Но Кэтрин также склонна умалчивать о данных в отношении эпох, которые я вряд ли застану, если только она не беспокоится, что я оставлю какие-нибудь послания для своих прапра-правнуков. Приятно, что Пятая Колонна готова дать мне немного больше свободы, и я определенно очень внимательно прочту эти файлы, как только мама вернется в Вашингтон и я смогу сосредоточиться.

С другой стороны, само существование этого документа наводит на мысль, что Пятая Колонна считает, что Кирнан был прав – ключи, которыми владели киристы, были похищены из штаб-квартиры ХРОНОСа.

Это меня очень нервирует. Черная пустота с короткими вспышками статики – это все, что мы видим, когда выводим стабильную точку. Мне она не кажется сильно привлекательной.

Чем больше я об этом думаю, тем сильнее файл, который еще минуту назад казался огромным, теперь кажется мне довольно ничтожным. И, хотя я исследовала каждое перемещение, у меня также было немало фоновых знаний о тех эпохах из книг, фильмов и ТВ – крупицы исторических событий, которые я узнала задолго до того, как Кэтрин прибыла с медальоном. Мои фоновые знания, возможно, были неточными или даже совершенно неверными

в некоторых случаях, но они придавали мне какую-то уверенность. Прошое хоть в какой-то степени известно.

Но все, что я читала или видела в детстве о далеком будущем, – это чистый вымысел. Для перемещения в будущее у меня не будет ничего, кроме информации в этом файле и разрозненных воспоминаний Кэтрин о мире, каким она помнила его в своей молодости.

Все это не сильно обнадеживает, если мне придется отправиться в ту черную пустоту.

Глава 3

«Каунти-Холл», Лондон

10 сентября, 15:16

Из красного двухэтажного автобуса на уже переполненный тротуар высыпают туристы. Сегодня теплый солнечный день, поэтому я не удивлена, что в этом районе полно людей. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы избежать толпы, переместившись ранним утром, когда улицы были пусты. Я никогда не была в Лондоне, и хотя я, вероятно, слишком нервничаю, чтобы полностью насладиться им, все же было бы неплохо пару часов прогуляться вдоль Темзы, увидеть Биг-Бен и собраться с мыслями за чаем и крампетами². Хотя я не знаю точно, что такое крампет, звучит очень привлекательно.

Но мои планы относительно раннего приезда были нарушены. Стабильная точка, которую Кэтрин показала мне вчера вечером, как раз перед тем, как нас так грубо прервал Макс, находится прямо внутри узкого каменного входа в здание. Он полностью скрыт тенями. Кэтрин использовала это место для участия в марше Женского Освободительного Движения в 1971 году, и она клянется, что меня никто не увидит, только если кто-то встанет в тоннеле прямо рядом со мной.

Я поправляю булавки, удерживающие бордовый шарф на месте, и натягиваю рюкзак на одно плечо. Мне все еще кажется странным появляться на людях среди бела дня. Однако, похоже, Кэтрин была права. Никто из проходящих мимо людей не удостоил меня взглядом, когда я вышла из ниши. Хотелось бы мне не удивляться, когда информация Кэтрин действительно оказывается полезной, но на этой стадии ее болезни это правда большая редкость.

Повернувшись к реке, я замечаю огромного белого льва, стоящего на страже у южного входа на Вестминстерский мост. Я прошла по этой улице несколько раз на картах Google, прежде чем покинуть Кэтрин, и, хотя некоторые знаки изменились с тех пор, как в картах появились эти изображения, у меня все еще есть приятное чувство, что я была здесь раньше.

Несколько пассажиров экскурсионного автобуса читают справочник, стоя возле льва и пытаясь сориентироваться, в то время как другие направляются к дорожке вдоль Темзы, не останавливаясь. Думаю, они знакомы с этим районом или, может быть, они мельком увидели ту самую достопримечательность, когда ехали по мосту (Лондонский глаз³ было бы довольно трудно не заметить).

Молодой парень в темных очках прислоняется к основанию статуи льва. Я не узнала в нем Трея до тех пор, пока он не улыбнулся. Он не побрился, и на нем была соломенная шляпа (не из тех, что носят лодочники, а больше походящая на федору).

Я стою некоторое время, пораженная, а потом бегу ему навстречу. Ну, я пытаюсь бежать, но через каждые пару шагов мне приходится уворачиваться от пешеходов. Когда я наконец подхожу к нему, он заключает меня в объятия, сопровождаемые долгим поцелуем.

– Как... и *почему*... ты в Лондоне? И что это за хипстерский вид?

Треј ухмыляется:

² Крампеты – традиционные английские олады.

³ Лондонский глаз (*англ.* London Eye) – колесо обозрения в Лондоне, расположенное в районе Ламбет на южном берегу Темзы. Крупнейшее в Европе и одно из крупнейших в мире.

– Ну, твоим путем, конечно, быстрее, но самолеты тоже часто летают из Вашингтона в Лондон. Несколько раз в день, если точнее. И так как ты отправилась на день вперед, у меня было время догнать тебя. Я взял ночной рейс и поспал в самолете. Что же касается шляпы и очков, то считай их мужской версией твоей маскировки шарфом. Это идея Кэтрин. Она считает, что нам нельзя быть замеченными, пока мы здесь. Но мне это даже нравится.

– Ты очень похож на своего отца. Только моложе и неряшливее. И ты не ответил на вопрос «почему?».

– Это должно быть очевидно. Я здесь, потому что ты здесь.

– Но... ты не должен быть здесь, – я делаю шаг назад, медленно качая головой.

– Ты не рада меня видеть? – вопрос абсолютно риторический. В его глазах читается улыбка, и я уверена, что ответ был написан на моем лице, как только я увидела его.

Но он, должно быть, знает, что его присутствие здесь беспокоит меня, потому что быстро добавляет:

– Слушай, я знаю, что ты хочешь сказать. Мои родители в курсе, что я здесь. Они... ну, не скажу, что они были вне себя от радости, но они и не пытались меня остановить.

– Кэтрин...

– Кэтрин заплатила за билет, Кейт. Коннор собирался прилететь вместо меня, но был рад, что я вызвался. Он предпочел остаться с Кэтрин, на случай, если... ну, если он ей понадобится. Твой отец занят в Делавэре, а тебе нужна поддержка. Кирнан не связывался с тобой, поэтому тебе придется смириться.

– Нет. Ты для меня не тот, с кем *придется смириться*. И ты это прекрасно знаешь. Я просто... я не знаю, во что мы можем вляпаться. Мама вряд ли обрадуется, узнав, что я скрывала от нее что-то.

И хотя я знаю, что именно мне придется сделать это, рассказать маме тайну, которую я хранила в течение последних нескольких месяцев... тайну, которую ее собственная мать хранила всю свою жизнь, тайну, которая отравила большую часть разума ее давно потерянной сестры, – это не совсем то, чего я очень жду. Я все еще не знаю, как мне все это объяснить ей, хотя подозреваю, что мне придется показать на практике, точно так же, как когда я рассказывала все папе.

– И даже мама понимает, что Пруденс не стабильна. Она просто еще не знает почему.

Трей поднимает ладони вверх в жесте «ну и что»:

– Нестабильность Пруденс – это еще одна причина, по которой кто-то должен быть с тобой.

– Я не собираюсь оставаться здесь надолго, Трей. Вряд ли у нас будет время на осмотр достопримечательностей или еще чего-то подобного.

– Я здесь не для осмотра достопримечательностей. Несколько лет назад мы с мамой уже были здесь в роли туристов. А сейчас я в качестве прикрытия. Вторая пара глаз. Моральная поддержка.

Я успокаиваюсь и неуверенно улыбаюсь ему. Не стану отрицать, что мне нужна моральная поддержка и он только что перелетел через Атлантику, чтобы быть рядом. И он не раз говорил, что хотел бы сделать что-то, чтобы помочь мне, и что чувствует себя бесполезным. И это именно то, что он способен сделать, поэтому я не удивлена, что он ухватился за этот шанс.

Но лучше бы я делала все в одиночку. Кэтрин должна была это понять. Думаю, она бы поняла это, если бы все еще была в здравом уме. И да, она, возможно, не знает о пистолете в моем рюкзаке, но она точно знает о ключе ХРОНОСа. Если возникнут проблемы, этот медальон – мой запасной выход, и этим выходом не сможет воспользоваться Трей. Или мама. Поэтому, несмотря на то, что я действительно рада его видеть, все же беспокоюсь, что он может стать очередным оружием Пруденс, которое она использует против меня.

И все же Трей значительно крупнее меня. И крупнее мамы. Это может сыграть на руку, если мне понадобится помощь, чтобы дотащить ее до аэропорта Хитроу. Я не знаю, как отнесется служба безопасности аэропорта к тому, что он сядет в самолет с женщиной без сознания, но мы будем решать проблемы по мере их поступления.

– Они, наверное, знают, что ты здесь, – говорю я. И даже не знаю, кого имею в виду под «ними». Людей Сола? Пруденс? Джулии?

– Возможно. Коннор сказал, что он был осторожен, заказывая билет. И, в отличие от тебя, я никогда никому не обещал, что не отправлюсь в Лондон. Поэтому... что делаем дальше? Мы предупредим твою маму или просто появимся в дверях ее комнаты в отеле?

– Если бы я знала номер комнаты, может быть. Было бы немного странно спрашивать у нее это, когда она была в Лондоне, а я в – Бетесде. Я позвоню ей еще раз, как только мы окажемся в вестибюле. Сейчас я знаю только, что она живет в номере с балконом на четвертом этаже. И вроде бы в дальнем конце отеля – она сказала, что может коснуться Глаза, протянув руку.

Глаз, о котором идет речь, – это Лондонский глаз, также известный как Колесо Миллениума. Когда мама упомянула об этом, у меня в голове возник образ высокой башни с окошком в виде игольного ушка наверху, так что я представляла ее на восемьдесят седьмом этаже какого-нибудь отеля-небоскреба. Затем я загуглила его и была поражена жутким чувством дежавю, когда на экране появилось изображение огромного колеса обозрения, даже большего, чем то, на котором я каталась на Всемирной Выставке 1893 года.

Разница в размерах еще более очевидна, когда видишь его своими глазами. Это колесо проносится высоко над «Каунти-Холлом», опускаясь почти до реки.

Раннее послеполуденное небо почти полностью ясно-голубого цвета, хотя облака вдалеке, когда мы идем к Глазу, подсказывают, что может начаться дождь. Мы проходим мимо нескольких витрин, в том числе небольшого кафе, где продают сладости и кофе. Баннер возле Лондонского аквариума приглашает нас поплавать в маске с трубкой посреди акул. Кажется, именно этим я и занимаюсь последние несколько месяцев, поэтому я с радостью прохожу мимо.

В конце концов мы сворачиваем к главному входу отеля и, пройдя несколько метров по каменному тоннелю, входим в вестибюль. Нам открывается большая комната, частично освещенная голубоватым светом стеклянного потолка в виде купола. Хотя здесь не так уж много народу, я чувствую, что выделяюсь из толпы в этом шарфе, будто все смотрят на меня. И, возможно, они и правда смотрят, но я предполагаю, что в их мыслях вертится «девушка в хиджабе», а не что-то еще о моей внешности.

Я сажусь на одну из мягких скамеек в центре вестибюля и достаю телефон, дважды проверяя время. Сейчас 15:25, а это значит, что я только что завершила свой последний разговор по телефону с мамой.

– Молись, чтобы Пруденс не оказалась с ней в одной комнате. Надеюсь, что она спустится к нам сюда. Одна. Мне будет очень трудно объяснить ей все это, если Пруденс будет искажать каждое мое слово.

– Да. Я очень даже не против избегать Пру.

Я не могу его винить. В последний раз, когда Трей видел мою тетю, она была одета в почти-ничего-не-скрывающее кружевное белое платье, пытаясь выдать себя за меня в его спальне, в темноте ночи. Да, ничего не произошло, но она отлично дала мне понять, что она может добраться до людей, которых я люблю, поэтому мне лучше не перечить ей. Я могу только догадываться, не связалась ли она с мамой после трех десятков лет, чтобы донести до меня свое послание.

– Кейт? – В голосе мамы звучит удивление, когда она берет трубку, и в то же время радость.

Я отправилась на день вперед и позвонила ей, прежде чем покинуть Кэтрин, чтобы убедиться, что она и Пру действительно прибыли по расписанию. С точки зрения мамы, мы закончили тот разговор меньше трех минут назад.

– Ты что-то забыла мне сказать? – спрашивает она.

– Не совсем. Послушай, мам... ты одна?

– Да, – она вытягивает слово, будто смеется надо мной. – А что?

– Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

– Ладно, – говорит она, немного понизив голос. – Ну, давай. Пруденс здесь нет... у нас смежные комнаты, но я только что стучала к ней, и она не ответила. Думаю, она вышла на минутку.

Я оглядываю вестибюль в поисках Пруденс, хотя подозреваю, что она ушла с помощью ключа ХРОНОСа, а не более привычным способом. Она, вероятно, находится за много километров и много лет от этого отеля.

– Нет, мам. Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Не могла бы ты спуститься в вестибюль?

– О, очень смешно, Кейт.

– Мам, пожалуйста. Я здесь, внизу. Клянусь тебе. Здесь огромный стеклянный купол над вестибюлем, похожий на солнечные часы, – да, я могла бы взять эту информацию на сайте отеля, но надеюсь, что ей это не придет в голову. – Я все объясню, когда увижу тебя, но мне нужно, чтобы ты спустилась одна. Без Пруденс. Пожалуйста. На мне бордовый шарф, и мы сидим на одной из этих квадратных скамеек...

– Мы? Мама с тобой?

– Нет.

Последовала пауза, а затем она фыркает:

– Ну, конечно же, нет. С чего бы мне вообще предполагать, что она захочет увидеть свою дочь, пропавш... – Она внезапно замолкает, а когда через несколько секунд продолжает, ее голос звучит более приглушенно: – О. Так вот почему ты здесь. Она мертва, да?

У меня перехватывает дыхание, когда я вспоминаю, как вчера вечером стояла в гостиной Кэтрин и спрашивала то же самое о маме.

– Нет! Нет, мам. Кэтрин не умерла. Пожалуйста. Не могла бы ты просто встретиться со мной в вестибюле?

– Ладно, ладно. Я сейчас спущусь. Одна, раз уж ты так настаиваешь. Очень надеюсь, что это какая-то кросс-атлантическая шутка.

Но она не одна. Я понимаю это, как только двери лифта начинают открываться, потому что лифт залит знакомым голубым светом. Мама смотрит на меня извиняющимся взглядом, подходя к нам. Пруденс идет за ней по пятам, ключ ХРОНОСа открыто висит на длинной серебряной цепочке. Синий свет медальона резко контрастирует с черной водолазкой с длинными рукавами, которую носит Пру. Этот выбор одежды кажется довольно странным в такую теплую погоду.

Двое мужчин выходят за ними из лифта, и сначала мне кажется, что они с ними. Один высокий, другой ростом ниже среднего, и оба выглядят так, будто проводят немало времени в тренажерном зале. Высокий ловит мой взгляд и мгновение выглядит растерянно, затем они оба идут к стойке консьержа, склонив головы в разговоре.

– Прости, – шепчет мне на ухо мама, обнимая меня за плечи. И хотя я подозреваю, что она не могла запретить Пру тащиться следом, все же так будет сложнее.

– О боже, Дебора! – взвизгивает Пруденс, прежде чем шагнуть вперед и заключить меня в объятия. Я напрягаюсь в ожидании, что сейчас между моих ребер проскользнет лезвие ножа, но она просто кладет руки на мои плечи и держит меня на расстоянии вытянутой руки. – Ты не говорила мне, что приедет Кейт! И ты не говорила мне, что она такая прекрасная.

Это даже отдаленно не соответствует действительности. И все же, должна признаться, мне немного досадно слышать, как мама смеется над этим. Но ведь мамы должны думать, что их дочери прекрасны, верно?

Смех, однако, раздражает скорее Пру.

– И почему я не удивляюсь, услышав это от тебя? Последние семнадцать лет меня не покидало странное чувство, что я каким-то образом родила *твою* дочь. Твое лицо, твои кудри... – она смотрит на меня долгим озадаченным взглядом и качает головой. – Хотя сейчас их не разглядишь, под этим... с какой стати ты носишь хиджаб, Кейт? И у нее такие же зеленые глаза, как у Гарри, поэтому я не уверена, что в этой смеси есть что-то от меня.

Мама оглядывается на Пруденс:

– Не то чтобы я жалею. То, что Кейт выглядела как ты, всегда было утешением для меня, ведь ты... ушла...

Ее голос затихает, когда она смотрит на Пруденс, которая все еще сжимает мои плечи. Я чувствую быстрый рывок, и шарф растекается лужицей по моим плечам.

– Я никогда не понимала смысла этих вещей, – говорит Пру. – Это всего лишь волосы.

– Это лучше, чем татуировка в виде лотоса, – шиплю я достаточно громко, чтобы Пруденс услышала, но достаточно тихо, чтобы мама не смогла разобрать слов.

Пожав плечами, чтобы отстраниться от нее, я мельком замечаю двух мужчин, которые следовали за ними из лифта. Оба выглядят так, словно находятся в полной боевой готовности и смотрят прямо на меня. Это явно охрана. Вопрос, конечно же, в том, чья охрана. У того, что пониже ростом, что-то прикреплено к уху. У того, что повыше, возможно, такая же штука, но его волосы длиннее, поэтому я не могу толком разглядеть. Но то, что я могу разглядеть, – это его рука, странно лежащая на талии и спрятанная прямо под пиджаком. Значит, это *вооруженная* охрана.

– А кто этот красивый молодой человек? – спрашивает Пру.

Я неохотно отвожу взгляд от охранников и смотрю на Трея, который стоит в метре слева от меня, выглядя неловко.

Он делает шаг к маме, демонстративно игнорируя Пруденс:

– Трей Коулман, мисс Пирс. Я рад наконец-то познакомиться с вами.

Мама берет протянутую руку и на мгновение сжимает ее.

– Можешь звать меня Дебора, – говорит она и поворачивается к Пру. – Как бы я ни была счастлива видеть Кейт, я понятия не имела, что она присоединится к нам. И я определенно не знала, что она путешествует вместе со своим... парнем. Они встречаются всего несколько недель, и...

– Да ладно, Дебора, – говорит Пру, театрально закатывая глаза. – Ты такая старомодная. Разве ты не видишь, что они влюблены друг в друга? Я уверена, что никто из них не заинтересован ни в ком больше.

Последняя фраза буквально сочтется сарказмом, хотя я не уверена, насмехается ли Пру надо мной за то, что я недавно проводила время с Кирнаном, или над нами вместе, из-за ее маленького приключения в спальне Трея.

Мама, похоже, тоже уловила этот тон, потому что озадаченно посмотрела на Пруденс, прежде чем снова повернуться к нам:

– Что ж, приятно познакомиться с тобой, Трей, даже несмотря на то, что я сейчас немного сбита с толку. А Гарри знает, что ты здесь, Кейт... и что вы путешествуете вместе?

Я на мгновение задумываюсь над своим ответом. У папы сейчас достаточно переживаний, и я не хочу навлечь на него мамину ярость. Наконец, я просто киваю.

– Но почему, Кейт? Это такие огромные расходы, и я уже говорила тебе, что мы с Пруденс скоро вернемся в Вашингтон. Я беру отпуск до конца месяца. Мой руководитель в университете в Генуе очень понимающе отнесся к этому, когда я объяснила ситуацию.

Значит, Пруденс не призналась, что благодаря ей мама получила грант на исследования. Отлично. Это не так важно по сравнению со всем остальным, что она сейчас услышит, но это еще одна неприятная новость, которую мне придется рассказать маме.

– Разве не очевидно, Деб? Она не могла дожидаться встречи со своей тетушкой Пруденс после стольких лет!

Улыбка на лице Пру слишком широкая и яркая, чтобы казаться искренней, по крайней мере, на мой взгляд. Мама, кажется, тоже не убеждена, но она улыбается в ответ, сначала немного нервно, а после ее губы начинают подрагивать. Она тянется к нам и обнимает одной рукой Пруденс, а другой – меня, сжимая нас обеих в объятиях.

– Прости меня, Кейт, – говорит она, и в ее глазах собираются слезы. – Конечно, ты хотела приехать. Это просто невероятно – найти ее после стольких лет. Ты остаешься здесь или... – она снова смотрит на Трея, немного смущенно.

– Я забронировал комнату, – говорит Трей. – Не здесь, у них все было занято. Я остановился в «Парк Плаза» в нескольких кварталах отсюда. Думаю, что Кейт собиралась остаться с вами?

Я киваю и улыбаюсь, хотя вовсе не собираюсь сегодня ночевать в Лондоне. Если все пойдет по плану, мама полетит самолетом в Вашингтон, а я буду спать в своей постели у Кэтрин.

Пруденс хлопает в ладоши, будто чувствует себя обязанной вернуть всеобщее внимание к себе. Слабая полоска яркого голубого света пробивается сквозь толстую ткань ее левого рукава, когда она двигает руками. Довольно странное место для хранения запасного ключа ХРОНОСа, но думаю, что это объясняет ее одежду не по погоде.

– Хватит об этом! – говорит она. – Мы должны это отпраздновать! У них в библиотеке самое божественное послеобеденное чаепитие, с шампанским и этими маленькими бутербродами и...

Мама поднимает руку.

– Помнишь, Пру? – говорит она немного покровительственным тоном, который я слишком хорошо помню еще с тех пор, как была ребенком, и она пыталась уговорить мои порывы поехать в Диснейленд, или завести щенка, или еще что-нибудь. – Ты спрашивала, когда мы регистрировались в отеле. Нам следовало зарезервировать столик на несколько недель вперед.

Плечи Пру поникли, как у ребенка, который только что пропустил грузовик с мороженым. Но тут она распахивает глаза, и улыбка возвращается на ее лицо. Она хватает ключ ХРОНОСа на серебряной цепочке и, моргнув, исчезает.

Я ожидаю, что мама будет ошеломлена, но она скорее выглядит раздраженной.

– Черт возьми! Она сделала это снова! Ты ведь тоже это видела, Кейт? Трей?

Мы оба киваем, и она продолжает чересчур громко, как это всегда бывает, когда она напряжена:

– Ну, слава богу. Мне казалось, что я схожу с ума. Это уже третий раз за последние несколько дней. Вчера вечером, перед тем как мы покинули Италию, я смотрела прямо на нее, и... раз! И она исчезла. Это... невозможно!

Теперь на нас пялятся люди, и не только охранники, которые все еще дежурят возле стойки консьержа. Я не уверена, потому ли, что кто-то еще видел, как Пруденс исчезла, или потому, что мама волнуется, но мы привлекаем слишком много внимания. Я шикаю и веду маму обратно к скамейке.

– Именно поэтому я здесь, мама. Мы можем сейчас подняться в твою комнату? У меня есть логическое объяснение тому, что ты видела.

– Нет, – настаивает она. – Не может такого быть. Она прикасается к этой... штуке... и исчезает. Как же этому может быть логическое объяснение?

– Эта штука, – тихо шиплю я, – называется ключом ХРОНОСа, и именно по этой причине Пруденс только что исчезла. И когда ей было четырнадцать. Ключ позволяет ей перемещаться назад или вперед во времени.

Мамины глаза сужаются, и она одаривает меня своим «*Ну да, конечно*» взглядом, но, кажется, ее уверенность в невозможности объяснения, поколебалась. Она знает, что происходит что-то действительно странное, и она, должно быть, знает, что это связано с медальоном. Она просто не хочет в это верить.

Самый быстрый способ убедить ее – это демонстрация. Однако, в отличие от Пруденс, я не склонна перемещаться в переполненном вестибюле, особенно когда за нами наблюдают охранники.

– Давай вернемся в твою комнату, ладно?

– Нет. Нам нужно подождать здесь. Пру скоро вернется. По крайней мере, до этого она возвращалась. Но... – Она снова начинает оглядывать вестибюль. – Раньше это не занимало так много времени. Она возвращалась сию же минуту.

Я тяну ее за руку:

– Пру пойдет в твою комнату, если нас здесь не будет, верно?

Треј, который до сих пор хранил молчание, наклоняется и добавляет:

– Вам, вероятно, не хочется, чтобы все слышали то, что Кейт расскажет вам обо всем этом.

Мама снова начинает возражать, но вдруг замечает пару средних лет, сидящую через две скамейки от нас и наблюдающую за нами. Они, кажется, по большей части раздражены, поэтому это скорее реакция на шум, а не на необычную выходку Пруденс. Мужчина быстро переводит взгляд на большую клумбу в метре слева от нас, когда я смотрю на него в ответ. Женщина рядом с ним наблюдает еще мгновение, прежде чем решить, что клумбу рассматривать интереснее.

Мама сжимает губы.

– Пойдем отсюда.

Я краем глаза наблюдаю за охранниками, когда мы направляемся к лифтам. Кажется, они в замешательстве. Спустя мгновение тот, что пониже ростом, кивает в нашу сторону, и высокий парень торопливо пересекает комнату. К счастью, вестибюль широкий, и мы находимся на приличном расстоянии от него. Когда двери лифта закрываются перед нами, он все еще находится примерно в десяти шагах.

Как только мы оказываемся в маминной комнате, она сразу направляется к мини-бару. Я редко видела, чтобы она пила что-нибудь покрепче вина, но она опрокидывает крошечную бутылочку водки, выпрямляется и крепко зажмуривает глаза. Легкая дрожь пробегает по ее телу, и она садится на край одной из двуспальных кроватей.

Спустя мгновение она открывает глаза:

– Окей. Начинай объяснять.

Я достаю ключ ХРОНОСа и уже собираюсь начать, как вдруг замечаю окно. Хотя мама, возможно, и шутила о том, что может протянуть руку и прикоснуться к Глазу со своего балкона, она была практически права. Я не знаю, насколько хорошо пассажирам видны помещения из прозрачных наблюдательных капсул, которые медленно движутся к земле, но нет смысла рисковать.

Треј проследил за моим взглядом и задернул шторы. Без яркого солнечного света, проникающего внутрь, медальон заливают всю комнату голубым светом. Но мама и Треј этого не видят, поэтому я включаю лампу, стоящую у кровати.

Снова усаживаясь рядом с мамой, я протягиваю ей ключ:

– Я знаю, что ты ненавидишь эту штуку, и я это понимаю. Поверь мне, я прекрасно тебя понимаю. Может быть, я и смогу объяснить, не используя его, но так тебе потребуется гораздо больше времени, чтобы поверить во все это.

Я пробегаю пальцами по ключу, чтобы установить стабильную точку, а затем откатываю время назад до 15:25, сразу после того, как я позвонила маме из вестибюля. Сейчас будет немного неприя...

– Нет, – мама хватается меня за руку. Ее пальцы касаются края ключа, и она отдергивает их назад, как будто обожглась. – Я не хочу, чтобы ты пользовалась этой штукой, Кейт. Сними ее. Убери подальше.

– Прости, мам. Мне бы очень этого хотелось, но... – Я снова вывожу стабильную точку, двигаясь на этот раз быстрее, чтобы успеть моргнуть, прежде чем она отреагирует.

Когда я перемещаюсь, мама стоит у окна и смотрит на Темзу. Я тихонько откашливаюсь, чтобы привлечь ее внимание.

Она смотрит на кровать, где я сижу, и говорит:

– О, вот ты где... – прежде чем понимает, что в комнате находится ее дочь, а не сестра. На мгновение у нее отвисает челюсть, и она замирает, лишившись дара речи.

– Прости, мам, – повторяю я. – Примерно через двадцать минут ты все поймешь. – И затем я возвращаюсь в 15:46, примерно на десять секунд после того, как переместилась.

Мама теперь сидит на кровати, а не стоит у окна, но ошеломленное выражение ее лица почти не отличается от того, которое было у нее, когда я переместилась. Кроме того, она выглядит так, будто вот-вот упадет на ковер.

– Ты же была здесь... ранее. Почему я вспомнила об этом только сейчас? Что происходит, Кейт?

– Это тошнотворное чувство пройдет гораздо быстрее, если ты просто будешь держать руку на...

– Нет! Я не буду трогать эту штуку. Я хочу, чтобы ты его сняла. Прямо сейчас. Я серьезно, Кейт.

– Я не могу, я очень, очень хочу этого, но сейчас все так запутано, и мне нельзя его снимать. Вообще-то я и тебе принесла запасной.

– Нет, – снова говорит она, придвигаясь к тумбочке. – Держи эту штуку подальше от меня. И сними это. Пожалуйста, Кейт. Я не знаю, какая магия заставляет это работать, но оно проклято.

– Это вовсе не магия, – я хочу добавить, что и не проклятье тоже, но, учитывая те неприятности, которые эта штука принесла мне за последние несколько месяцев, мама может быть права.

– Это из будущего, из начала двадцать четвертого века. Кэтрин перенесла его с собой в 1969 год. Именно в этом году она и застряла. Она была в команде под названием ХРОНОС, которая изучает историю, отсылая людей назад, чтобы наблюдать за событиями тогда, когда они происходили. У них... ну, это был не несчастный случай, скорее саботаж. Поскольку в то время Кэтрин была беременна, вы с Пруденс тоже оказались в затруднительном положении. Пру унаследовала ген, который позволяет ей использовать ключ. Вот почему она исчезла много лет назад. Этот ген не... – я замолкаю на мгновение, пытаюсь найти правильное слово, – не выражен в твоей ДНК, но ты передала его мне. Вот почему я вижу этот свет. Помнишь, как я называла его голубым светом, когда была ребенком? Во всяком случае, когда ген активен, как это случилось у меня и Пруденс, человек может использовать ключ для перемещения между стабильными точками в разные времена и места. Вот так я и попала в Лондон.

Она смотрит на Трея, и он качает головой:

– Нет, я не могу видеть свет и пользоваться ключом. Я попал сюда самым обычным способом, восемь часов с Британскими Авиалиниями.

– И именно с помощью ключа я вернулась назад и изменила твои воспоминания. Я установила стабильную точку в этой комнате, а это значит, что я могу настроить время по координатам и вернуться к тому времени, когда ты была здесь ранее, сразу после того, как мы поговорили по телефону.

Я замолкаю на мгновение, ожидая, что она начнет задавать вопросы. Ее остекленевший взгляд беспокоит меня, и я решаю рассказывать ей все остальное в общих чертах. О том, что ее биологический отец охвачен манией величия и одержим желанием уничтожить значительную часть человечества, она должна узнать предпочтительно до того, как Пруденс вернется. И думаю то, что Кэтрин устроила их неудачный брак с папой, чтобы они произвели на свет меня, может подождать, наряду со многими другими пунктами, от которых у меня кружится голова каждый раз, когда я пытаюсь разобраться в них.

– Мам, – начинаю я, выуживая из сумки запасной медальон. – Мне очень нужно, чтобы ты это надела. Потому что то, что случилось только что, когда я вернулась и говорила с тобой... это была лишь крошечная рябь, небольшое изменение во времени. Ты помнишь это и вроде как не помнишь... только потому, что видела, как это произошло. Ты была здесь, когда я собиралась внести изменения. Но если произойдет серьезный сдвиг во времени, если кто-то снова изменит всю временную линию, и ты не окажешься под защитой ключа, то ты не осознаешь, что произошли изменения. Такое случалось и раньше. Все это началось еще тогда, когда мы были в Айове. Помнишь мои так называемые панические атаки?

Это почему-то привлекает ее внимание. Она внезапно встает с кровати, слегка вздрогнув, когда замечает Трея в кресле у окна, как будто она забыла, что он находился там. Затем она бросает на меня еще один странный взгляд и уходит в ванную, закрыв за собой дверь.

Через несколько секунд я слышу, как в раковине течет вода. Я жду около минуты, затем встаю и стучу в дверь. Нет ответа.

– Мам? – Вода утихает, и я стучу еще раз, громче.

Треј подходит и обнимает меня:

– Может быть, тебе стоит дать ей минутку? Она пережила довольно многое сейчас.

Я откидываю голову ему на грудь.

– Да знаю я, знаю. Но Пруденс может появиться в любую секунду и...

– Хочешь, я пойду в холл и буду следить?

– Я сомневаюсь, что это поможет. Пру, вероятно, установила стабильную точку в коридоре или в своей комнате. Может быть, даже здесь.

– Верно, – он встает лицом ко мне. – Но все же это лучше, чем ничего. Твоя мама, кажется, нервничает из-за меня. Может быть, ей будет легче слушать, если меня не будет в комнате. Не думаю, что Кэтрин продумала эту часть. Хотя, честно говоря, я тоже не продумал.

Мне совсем не нравится мысль о том, что Треј будет торчать в коридоре один. К сожалению, я не могу подобрать подходящих слов, чтобы объяснить ему это без того, чтобы это не звучало так, будто я думаю, что он не может позаботиться о себе, и он, вероятно, прав насчет мамы. Поэтому я киваю. Он быстро целует меня и выходит на улицу.

Я возвращаюсь и сажусь на кровать, стараясь терпеливо ждать.

У меня это плохо получается. Кажется, прошло только двадцать секунд, и я произношу:

– Мама? Треј вышел, чтобы мы могли поговорить наедине. И нам действительно нужно поговорить, прежде чем вернется Пруденс. И это может произойти в любую секунду, поэтому не могла бы ты, пожалуйста? Мне нужна твоя помощь.

Мама выходит и прислоняется к стене возле кровати. Она выглядит усталой. Обычно я не думаю о ней, как о женщине средних лет, но морщины вокруг ее глаз сейчас кажутся глубже, чем несколько недель назад.

– Значит, все, что говорила мне Пруденс, правда? Ну, я проверила кое-что из того, что она рассказала. Я никогда не обращала внимания на всю эту мифологию киристов. Честно

говоря, я вроде как даже избегала этого. Тот факт, что эти киристы использовали ее имя... было больно каждый раз, когда я его слышала.

Я с трудом себя сдерживаю, чтобы не сказать ей, что даже такое не помешало ей дать мне именно это кошмарное имя, но я прикусываю язык и позволяю ей договорить.

– Когда Пру рассказывала мне о «Кирист Интернэшнл», мне нужно было только ввести в поисковик *«сестра Пруденс»*, чтобы убедиться в ее истории. Ее изображения всплывали повсюду, некоторые были настоящими фотографиями. Но... ты хочешь сказать, что она действительно использует эту штуку для путешествий во времени? И ни у кого здесь не поехала крыша?

– Ну, у *тебя* точно не поехала, – я похлопываю по месту рядом с собой на кровати, потому что мама, кажется, все еще нетвердо стоит на ногах. Как только она присаживается рядом, я продолжаю: – Да, Пруденс использует ключ для путешествий во времени.

– А что насчет всего остального? Она сказала, что наш отец... не папа, а какой-то другой, биологический отец, о существовании которого я даже не знала, жив. Он застрелял где-то в будущем, и она пытается помочь ему избежать какой-то глобальной катастрофы. Это тоже правда?

– Нет. То есть да, Сол жив, но он и Пруденс *создают* катастрофу, а не предотвращают ее, – ее глаза сузились. – Хотя я не знаю, понимает ли это сама Пру.

Терпеть не могу находить оправдания для Пруденс. Я все еще слышу, как она на Всемирной Выставке говорит мне, что я могу либо присоединиться к киристам, либо встать в очередь вместе с остальными овцами, которых ободрут и зарежут. Мысль о том, что она невинная жертва, мне не очень нравится. Но я также знаю, что маме будет нелегко принять мое подозрение, что ее сестра, которую она очень любит, – злая стерва, убивающая людей.

Я делаю глубокий вдох, тщательно подбирая слова:

– Думаю, что Сол солгал ей о своих планах, по крайней мере, в самом начале. И я знаю, что она часто пользовалась этим ключом. Так часто, что даже меняла свою собственную временную линию. Меняла свои собственные воспоминания. Это нехорошо. Кэтрин говорит...

Я тут же жалею, что не могу вернуть свои последние слова обратно, потому что мамины глаза тут же вспыхивают при упоминании имени Кэтрин.

– А откуда ты знаешь, что мама не лжет? Она лгала *мне* всю мою жизнь! Может быть, этот Сол действительно пытается...

– Нет! – говорю я, вкладывая в это слово всю уверенность, какую только могу собрать. – Нет, мам. В 1912 году Сол протестировал это в одной деревне в Джорджии. Я видела груды тел детей, даже младенцев, которые умерли, потому что Сол бросил что-то в их колодец.

От одной мысли о сцене в Божьей Лощине у меня на глаза наворачиваются слезы, и мне приходится сморгнуть их.

Выражение лица мамы немного смягчается, когда она смотрит на меня, но она все еще не убеждена.

– А Пруденс?

Сначала я не понимаю ее вопроса, а потом качаю головой, когда понимаю, что она спрашивает, была ли ее сестра причастна к резне.

– Нет. Я не думаю, что она знает про это. Но я не могу быть уверена в этом.

– Как ты вообще можешь быть уверена в том, что произошло в 1912 году, Кейт? Как ты можешь знать, что Сол был виноват?

Потому что я там была. Я слышала, как он смеется, видела, как он кружится, поднося лицо к небу, словно трупы перед ним в той часовне были даром небес.

Упоминание о том, что в последнее время я близко лично общалась с маньяком... точнее, с несколькими из них, только усилит переживания мамы. Вместо этого я решаю немного приврать ради блага.

– Я смогла посмотреть это в ключе, мама. Сол был счастлив, когда натворил это. Блаженно счастлив. Думаю, что теперь у нас появился шанс остановить его. Кое-что изменилось за последние несколько дней. Теперь у меня есть союзники, люди, которые могут мне помочь.

По крайней мере, я надеюсь, что они у меня есть. Я все еще не могу избавиться от ощущения, что я все еще одна, или даже хуже того, если то, что Джулия думает о Кирнани, правда.

– Мне нужно как можно скорее вернуться в Вашингтон, – говорю я. – Я просто должна была сначала убедиться, что ты в безопасности. Я знаю, что она твоя сестра, но ты не можешь ей доверять. Я даже не уверена, в своем ли она уме.

По выражению лица мамы я могу сказать, что она тоже задумывалась над последним. Она собирается что-то сказать, но раздается стук, и за дверью слышится голос Пруденс:

– Дебора? Ты здесь?

Вот тебе и предупреждение от Трея.

Мама направляется к двери. Я хватаю ее за руку и вкладываю ей в руку запасной ключ ХРОНОСа.

– Пожалуйста, мама, – шепчу я. – Ты должна держать это при себе. И мы должны вернуться в Вашингтон. *Пожалуйста.*

Она берет ключ, вздыхает и кладет его в карман.

– Только на время, – она вытирает руку с медальоном о джинсы так, будто прикоснулась к чему-то противному. – Мы закончим этот разговор позже. И я не оставлю Пруденс здесь одну. Я не могу.

Пру входит, как только мама открывает дверь. Трей стоит позади нее у стены коридора, не сводя глаз с чего-то слева.

– Почему вы не подождали в вестибюле? – Пруденс бросает сердитый взгляд в мою сторону, прежде чем снова посмотреть на маму. – Ты ведь знаешь, я бы вернулась спустя мгновение!

– Разве? – Мама шмыгает носом. – Твой опыт в этом не так уж и безупречен. Когда ты исчезла в первый раз, тебя не было больше тридцати лет.

По лицу Пруденс видно, что это ее ранило, и я почти (почти) чувствую жалость к ней.

– Деб, я же тебе все объяснила. Это была не моя вина. Ты же сказала, что веришь мне! А сейчас... я отправилась назад, чтобы забронировать столик. К чаепитию.

Это театральное представление Пруденс, кажется, работает, хотя я почти уверена, что мама никогда не купилась бы на такое в моем случае, даже когда я была маленьким ребенком.

Она одаривает Пру извиняющейся улыбкой:

– Мне очень жаль. Я не хотела, чтобы все так вышло. Просто... все это так странно. Я больше не знаю, во что верить.

Пруденс бросает на меня самодовольный взгляд и, взяв маму за руку, тащит ее в коридор.

– Я знаю, – сочувственно говорит она. – Так много на тебя свалилось. Почему бы нам не спуститься вниз и не обсудить все за чаем и пирожными?

Пру ведет маму налево. Она все еще болтает о чае, но ее голос затихает, когда они сворачивают на перекрестке прямо по коридору и направляются к лифтам.

Мой взгляд был прикован к ним, поэтому мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что Трей все еще смотрит на то же самое место, справа от двери. Должно быть, он чувствует, что я наблюдаю за ним, потому что бросает взгляд в мою сторону, а затем обратно. И тут я замечаю тень на ковре. Это мужчина. Он кажется неестественно высоким, хотя я предполагаю, что это иллюзия из-за освещения в коридоре.

Кем бы он ни был, яркий синий свет, льющийся с его стороны, подсказывает мне, что у него есть ключ ХРОНОСа. И, хотя очертания тени на полу слишком расплывчаты, чтобы быть уверенной, мне кажется, что он держит пистолет.

Глава 4

«Каунти-Холл», Лондон

10 сентября, 15:47

Схватив свой рюкзак с кровати, я расстегиваю молнию переднего кармана и хватаю кольт. Трей все еще прикован к тому же месту.

К несчастью, если человек в тени держит в руках пистолет, то я не смогу к нему подойти. Обычно в фильмах стена с дверью всегда свободна от препятствий, поэтому героиня может прижаться к ней и развернуться вокруг дверного проема, вытянув пистолет. Очевидно, при планировании этого отеля не учитывались возможные перестрелки, потому что у стены расположен шкаф для багажа. Также подозреваю, что меня, по крайней мере отчасти, можно заметить с той точки, где стоит человек, из-за зеркальных дверей шкафа.

Я осторожно продвигаюсь вперед, но прежде чем успеваю подойти к двери, тень приближается ко входу. Мой пистолет наготове. Однако Трей слишком близок... и теперь он тоже движется. Я ловлю мимолетный взгляд очень знакомого лица, когда Трей хватается его сзади, толкая через дверь на пол.

– Черт возьми, вы что, спятили?

Он начинает подниматься, но Трей толкает его коленом обратно вниз.

– Ты идешь, Кейт? – кричит мама. – Мы устали держать лифт.

– Отправляйтесь! Мы встретимся с вами внизу.

Я жестом указываю Трею отойти. Он с беспокойством смотрит на пистолет в моей руке, затем убирает колено со спины Кирнана и идет к двери, закрывая ее за собой.

Кирнан приподнимается, потирая ушибленную голову. Он бросает настороженный взгляд на мой пистолет, теперь уже направленный в пол.

– Ты можешь убрать эту штуку, Кейт.

– Ты первый, – говорю я, кивая на кольт в его руке, идентичный моему, если не считать перламутровую рукоять.

Он пожимает плечами и, вставая, убирает пистолет в карман. Только тогда мне удастся разглядеть его лицо, и тут же весь воздух будто покидает мои легкие.

Он... изменился. Повзрослел. Не поседел и не покрылся морщинами, но я вижу, что он постарел. По крайней мере, лет на пять. Его подбородок теперь более четко очерчен, а глаза... я не могу точно определить, чем они отличаются, но по ним изменения заметны ярче всего.

Кирнан удерживает мой взгляд на несколько секунд, а затем протягивает руку Трею:

– Кирнан Данн. А кто ты?

Широкий шрам зигзагами тянется сантиметров на десять вдоль внутренней стороны руки Кирнана, прямо между запястьем и локтем. Шрама не было, когда я покинула его вчера вечером в Джорджии, но он и не свежий. Он будто выцвел – осталась серебристая узловатая линия на его коже.

Трей коротко пожимает протянутую Кирнаном руку, все еще настороженно глядя на него:

– Трей Коулман.

Как только отпускает руку Кирнана, Трей оглядывается на меня и говорит, оставаясь начеку:

– Он пришел с Пруденс. Они просто... возникли из ниоткуда... или что-то в этом роде, прямо там, в коридоре. У меня не было времени постучать, а он уже вытащил пистолет, поэтому...

– Все в порядке. – Я улыбаюсь ему и снова поворачиваюсь к Кирнану. – Почему ты здесь? Почему стоишь с пистолетом возле номера моей матери? Сколько времени прошло для тебя со вчерашнего вечера... со времен Джорджии? И что случилось с твоей рукой?

Кирнан отрицательно качает головой. У него странное выражение лица, я не могу точно сказать, то ли его забавляет шквал вопросов, то ли он раздражен.

– Как обычно, ответу на все по порядку. Пру позвала на чай. Я ее телохранитель, поэтому сделал все, как мне было сказано, – он кивает в сторону Трея. – Когда она вывела местоположение на своем ключе, мы увидели, что в коридоре притаился незнакомый мужчина, это объясняет наличие пистолета. С событий в Джорджии прошло примерно шесть лет для меня. А шрам... – он пренебрежительно качает головой. – Случайность. Выглядит хуже, чем было на самом деле.

Я в этом сомневаюсь. Шрам неровный и на вид очень жуткий, в некоторых местах шире моего большого пальца. На деле это, скорее, два шрама, потому что там есть еще линия поменьше, около двух сантиметров длиной, идущая почти параллельно. Оба пореза явно нуждались в наложении швов.

Я уже собираюсь выудить у него дополнительную информацию, когда Трей спрашивает:

– Значит, Пруденс не сказала тебе, что мы здесь?

– Нет, – отвечает Кирнан, скривив губы. – Я уверен, она решила, что будет забавно, если мы все встретимся в коридоре. Одним из побочных эффектов работы на сумасшедшую является ее чувство юмора. И она не знает о той маленькой игрушке Кейт. – Его взгляд останавливается на пистолете, который я все еще держу в руке.

– Я тоже не знал, – говорит Трей, бросая на меня обеспокоенный взгляд.

– Я же говорила тебе о пистолете, – я прячу его в рюкзак.

– Я не знал, что ты на самом деле носишь его с собой.

Мое мнение по поводу его ношения за последние несколько дней сильно изменилось. Неделию назад я была бы в ужасе от этой штуки, но тот факт, что я была вооружена, спас жизнь Кирнана и, вполне возможно, мою собственную, в Божьей Лощине.

– Я здесь, чтобы спасти свою маму. От сумасшедшей, как только что заметил Кирнан. Я подумала, что это может пригодиться. Почему ты вообще работаешь на Пру, Кирнан?

Он пожимает плечами:

– У нас общие враги. И несколько общих целей. Но мы опаздываем к чаю, поэтому детали придется отложить, – он мотает головой в сторону двери. – Пойдем?

Как бы мне ни хотелось сказать ему «нет», по крайней мере до тех пор, пока я не получу больше ответов, я не хочу оставлять маму наедине с Пруденс. Я не думаю, что она и правда обидит маму, хотя должна признать, что нынешний уровень нестабильности Пру тоже не лишает меня сомнений. В любом случае, она явно собирается убедить маму принять ее версию реальности. А в битве за сердце и разум каждая секунда, на которую я оставляю их наедине, не лишняя.

В лифте еще два пассажира, поэтому мы не разговариваем по пути вниз. Мы втроем просто стоим у задней стенки, неловко молча, а Трей время от времени бросает сердитые взгляды на Кирнана поверх моей головы. Я хватаю Трея за руку и переплетаю его пальцы со своими, надеясь показать, что никакой угрозы нет.

Если бы мне нужно было угадать, кто из них будет вести себя ревниво и собственнически, я бы выбрала Кирнана. Но то ощущение, что исходит от него, сильно отличается от того, что было в Джорджии. Та перемена в его глазах, которую я заметила ранее – усталость, и ничего

более. Возможно, он смирился. Та искра в глазах, с которой он смотрел на меня, исчезла. Ну, может быть, и не исчезла, но определенно притупилась. Отдалилась.

Эти перемены в нем приводят в замешательство. У меня такое чувство, будто стою рядом с незнакомцем. За шесть лет люди могут сильно измениться.

Может быть, он решил отпустить все и жить дальше?

Может быть, он решил переключиться на Пруденс?

Фи. Я осторожно приближаюсь к Трею, потому что даже если эта мысль не рациональна и абсолютно несправедлива, она беспокоит меня просто в немыслимых масштабах.

Мы с Треем входим в вестибюль, и Кирнан следует за нами, хватая меня за руку и удерживая.

– Дай мне свой ключ, – говорит он, вытаскивая свой из кармана.

– Зачем?

Кирнан закатывает глаза и тянется к черному шнурку на моей шее, на котором, как он знает, висит мой медальон ХРОНОСа. Его пальцы лишь на мгновение касаются моей ключицы, но этого все равно достаточно, чтобы вызвать дрожь, ведь он слишком близко ко мне. И как бы неловко это ни было в любое другое время, это в миллион раз хуже, когда рядом стоит Трей и видит все это.

Кирнан активирует свой ключ и вытаскивает мой из кожаного мешочка, не пропускающего свет, на случай, если вступаешь в контакт с кем-то имеющим ген ХРОНОСа. Он держит их вместе, передавая набор личных координат со своего медальона на мой. Некоторые стабильные точки являются стандартными для всех ключей: по-видимому, самые популярные направления. Менее часто используемые локации находятся в «Журнале стабильных точек», который есть у Кэтрин. Однако в случае с локальной точкой это самый быстрый способ поделиться ею, иначе придется вручную вводить строку координат, определяющую точное географическое местоположение, а затем еще один набор, определяющий точное время.

Трей все еще стоит в нескольких метрах от нас, настороженно наблюдая. Я жестом приглашаю его присоединиться к нам. Он пристально смотрит на Кирнана в течение секунды, затем подходит ближе.

– А как он попал в Лондон? – спрашивает Кирнан.

– Британские авиалинии.

Кирнан морщит лоб.

– А почему он носит с собой ключ? Я вижу его в кармане. Ты говорила, что Кэтрин этого не допустит. Что это может причинить ему боль.

За меня отвечает Трей:

– Это было неизбежно. Я был под полем ХРОНОСа, когда произошел сдвиг во времени. И... я сказал Кэтрин, что никуда не уйду. Что иду на это *добровольно*. Я не смогу помочь Кейт, если моя память будет постоянно стираться.

Кирнан все еще выглядит обеспокоенным, но он возвращает мне мой ключ и идет к регистрационному столу. Женщина указывает налево, и он направляется в ту сторону, махнув нам рукой, чтобы мы следовали за ним.

Спустя несколько минут мы уже находимся в библиотеке «Каунти-Холла», которая тянется вдоль фасада здания. Книжные полки от пола до потолка разделяют комнату на полуприватные обеденные уголки – маленькие круглые столики, покрытые белым льном, окруженные удобными на вид стульями.

Трей замечает маму и Пруденс за три столика от него, в нише с прекрасным видом на Темзу и Биг-Бен. Позади них стоит взволнованный официант. Я не понимаю, почему он так волнуется, пока не вспоминаю, что нас теперь пятеро, а стол накрыт на четверых.

Пру пренебрежительно машет рукой:

– Не беспокойтесь. Темноволосый – всего лишь мой телохранитель. Он постойт.

Кирнан кажется совершенно равнодушным к такому заявлению, но ее тон выводит меня из себя.

Я уже собираюсь вмешаться, как неожиданно нахожу союзника в лице официанта. Его губы сжимаются:

– Боюсь, что джентльмену придется сесть, если он хочет остаться с вами, мисс. Я был бы счастлив пододвинуть еще один стул, если бы вы, дамы, были так добры и немного отодвинулись к окну.

Мама немедленно подчиняется. Пру, напротив, бросает на официанта взгляд, который заставляет меня надеяться, что это одно из тех мест, где чаевые добавляются к чеку автоматически.

– Отлично, – рычит она, отодвигая стул на несколько сантиметров вправо. Я сажусь рядом с мамой, лицом ко входу. Трей быстро опускается на стул, который официант поставил рядом со мной, оставляя Кирнана завершать круг.

Официант ставит еще одно блюдо для Трея и разливает чай по чашкам. Затем он дает нам краткое описание блюд на многоярусном подносе в центре стола – разнообразные пирожные, которые выглядят слишком замысловатыми, чтобы их есть, а также разнообразные булочки и тонкие сэндвичи.

Когда мужчина договаривает, Пруденс прочищает горло и намеренно постукивает по ободку своего пустого бокала для шампанского. Официант заверяет ее, что сейчас вернется с шампанским, и торопливо уходит.

Мама берет с подноса бутерброд и спрашивает меня:

– Почему вы так задержались?

– Ну, лифт ехал медленно. А потом нам пришлось искать библиотеку, потому что вы не дождались нас в вестибюле.

Пру пожимает плечами:

– Я думала, они могут отменить нашу бронь, – на ее лице появляется хитрая усмешка. – Решила, что вы с Кирнаном просто вспоминаете старые добрые времена. Хотя, я думаю, это было бы неловко, при твоём новом парне.

Мама поперхнулась чаем и вопросительно посмотрела на меня. Я начинаю отвечать, но Трей опережает меня.

– Возможно, – говорит он ровным голосом, глядя прямо на Пру, – но не более неловко, чем сидеть за столом напротив тети, прокрадшейся в спальню её парня.

Брови Пру постепенно взлетают вверх, и она медленно хлопает в ладоши, улыбаясь все шире:

– О, тушё! После твоего... стоического... поведения в тот вечер я решила, что ты довольно милый, но скучный. Но, похоже, что у маленького питомца Кейт есть когти, – она краем глаза замечает выражение лица мамы, когда договаривает свою фразу. Мне кажется, что она, вероятно, забыла о присутствии сестры, потому что её лицо тут же бледнеет. Она снова приклеивает на лицо свою чересчур широкую улыбку. – О, превосходно. Наконец-то принесли пузырьки.

То, что Пру называет шампанское «пузырьками», вызывает у меня тошноту.

Официант по очереди наполняет каждый бокал. Не успевает он обойти стол, а бокал у Пруденс уже почти опустел. За его плечом я вижу двух охранников у входа. Высокий парень разговаривает с хостес, а коротышка наблюдает за нашим столиком, не сводя глаз с Пру. Когда они переключаются на меня, он понимает, что я смотрю на него в ответ, и быстро отворачивается.

Почти уверена, что в Великобритании я уже перешагнула законный возраст употребления алкоголя, но либо мама не в курсе, либо это её не волнует.

– А не могли бы вы вместо этого принести ей воды? – спрашивает она официанта. Я бросаю на нее раздраженный взгляд, хотя это больше для вида, чем что-либо еще. Меня вполне устраивает не пить сегодня никакие пузырьки. Я должна ясно мыслить.

– Хм, – говорит Пру. – Ей лучше пить воду из-под крана, чем из бутылки. Никогда не знаешь, что там внутри. Однако этому нельзя пропасть даром, – она берет мой стакан и смотрит на маму. – Не пойми меня неправильно, Деб. Я последний человек, который когда-либо жаловался на лишнее шампанское, но твоя пуританская жилка снова проявляется. С каких это пор ты стала так похожа на маму?

Учитывая мамино мнение о Кэтрин, я ожидаю, что Она обидится. И в выражении ее лица мелькает крошечный намек на обиду, но она только отвечает:

– Наверное, с тех пор, как я стала чьей-то матерью. – Она бросает на меня взгляд, а затем снова смотрит на Пруденс. – Матерью Кейт. С которой ты, кажется, уже довольно хорошо знакома. Ты не хочешь объяснить мне, как и почему ты оказалась в комнате ее бойфренда?

– Я преподавала твоей дочери урок, Дебора. Небольшое напоминание, чтобы она перестала играть в вещи, которых не понимает. «Кирист Интернэшнл» – это не игра. У нас есть серьезная миссия, и мы намерены ее выполнить.

Голос Пру слегка повышается с каждой фразой. Кирнан протягивает руку и мягко сжимает ее ладонь, многозначительно оглядывая комнату, после чего снова смотрит на Пру. Знаю, что он хочет сказать: люди смотрят, понизь голос, но Пруденс либо не понимает этого, либо ей все равно, потому что она отдергивает руку и говорит еще громче:

– Я пыталась защитить ее. Я думала, тебе бы хотелось этого!

– Конечно, мне бы хотелось этого, – говорит мама, – чего я не понимаю, так это почему ты не связалась сначала со мной, Пру. Она же *моя* дочь. Это моя работа – защищать ее, а не твоя, и я не могу этого делать, когда все держат меня в неведении.

Резкий взгляд в мою сторону дает понять, что этот упрек касается и меня. Я одариваю ее извиняющейся улыбкой и притворяюсь, что поглощена решением, какую сладость выбрать с верхнего яруса.

Мне до жути неприятно то, что мама чувствует себя отстраненной, но, честно говоря, если бы пришлось сделать это снова, я бы еще раз решила не говорить ей всего. Только... я бы, наверное, попыталась отговорить ее от принятия гранта на исследования, теперь, когда я знаю, чьи деньги в него вложены. Не то чтобы мне нравилось лгать маме. Просто не думаю, что она способна держаться подальше от всего этого. Мама не сможет стоять в стороне и смотреть, как я рискую. Она войдет в режим безумной матери-тигрицы и набросится на кого угодно: на Кэтрин, папу, даже на меня – если решит, что они ответственны за то, что подвергли ее детеныша опасности.

Но оттенок того же самого чувства мелькает в ее глазах, когда она смотрит на свою сестру.

Пруденс делает глубокий вдох:

– Я пыталась защитить и тебя, Дебора. Солу нельзя доверять. Он... – Ее взгляд вдруг превращается во взгляд напуганного оленя. Затем она поднимает свой медальон и моргает.

На мгновение воцаряется тишина, а затем мама говорит:

– Я, должно быть, начинаю привыкать к ее резким уходам. В четвертый раз это уже не так сложно пережить.

– Ключ у тебя в кармане, мама. Ты находишься под полем ХРОНОСа.

– Хм, – говорит Кирнан, на его лице удивление и капля восторга. – Думаю, что Пру не рассчитывала на это.

Я бросаю на него растерянный взгляд.

– Она совершила ошибку, верно? – продолжает он. – Пру не собиралась давать знать, что она не доверяет Солу. Поэтому она вернется и все исправит.

– Как именно исправит? – спрашивает мама.

– Скажет себе не говорить того, что она только что сказала. Это только мое предположение, но я видел, как она делала это достаточно часто в прошлом, поэтому это довольно обоснованное предположение.

– Почему она решила, что это сработает? – спрашивает Трей. Она знает, что у Кейт есть ключ ХРОНОСа.

– Да, но она пытается убедить маму Кейт. Ей нет дела ни до самой Кейт, ни до нас, – он поворачивается и смотрит на маму. – Не знаю, заметила ли ты, но у твоей сестры едет крыша. Нет. К черту это. У нее крыша уже совсем слетела. Честно говоря, это все равно что присматривать за ребенком. Временами она приходит в себя, и тогда она начеку. Но она не может сосредоточиться. Стоит только чему-нибудь привлечь ее внимание, и она убежит, как гончая за кроликом. И она не думает дважды перед тем, как поменять то, что ей кажется неудобным.

– Тогда почему ты не забрал у нее этот проклятый ключ? – огрызается мама. – Если ты ее телохранитель, то должен защищать ее. Даже от нее самой.

Это справедливое замечание, но Кирнан отрицательно качает головой:

– Она бы просто воспользовалась запасным.

– Тогда мы заберем и его тоже! – возражаю я. – Нас здесь четверо.

– Ну да, если только среди нас нет хирургов, это ничего не изменит. Проклятая штука имплантирована в ее руку.

– В ее руку? – спрашивает Трей. – Как?

– Апгрейд, который она получила некоторое время назад. А те два парня, на которых ты все время украдкой поглядываешь, Кейт? Ты права. Они из лондонского отделения Службы безопасности храма. Думаю, что они немного сбиты с тол... ку...

Кирнан замолкает, потому что Пру вернулась на свое место. Только вот... одна сторона моего разума настаивает на том, что она вообще не уходила, сидела прямо там в своем кресле в течение последней минуты. И она не говорила, что Солу нельзя доверять. Вместо этого она трещала о том, как его не стоит беспокоить всеми деталями, поэтому она собирается забрать маму к себе в Париж. А может быть, они поедут в Грецию. Или в Рим на несколько недель. Прямо сейчас она говорит что-то о Колизее и о том, что они вернутся в то время, когда он еще не был в руинах, и, может быть, посмотрят одно из тех гладиаторских шоу.

Несмотря на то что какая-то часть меня уверена, что она все это время сидела там и несла эту чушь, я также помню, как сидела здесь за столом, а стул Пру был пуст. Только я, мама, Трей и Кирнан. Двойственные воспоминания неприятны, будто у меня в голове сидит мышь, пережевывая нейронные связи или что-то в этом роде. Это больно – не яркая, ревущая боль, а просто немного неприятное ощущение.

Я на мгновение прижимаю ладони к глазам, потирая виски большими пальцами. Оглянув сидящих за столом, я замечаю, что все... то есть все, кроме Пруденс, кажется, борются с теми же самыми двойственными воспоминаниями. Мама выглядит так, словно крошечный сэндвич с ростбифом, который она съела минуту назад, собирается поспешно выбраться наружу. Трей с бледным лицом сверлит взглядом салфетку, лежащую у него на коленях.

Кирнан тоже выглядит немного встревоженным, но он ловит мой взгляд, и на его лице появляется выражение «вот что я имел в виду».

Я поворачиваюсь к Пру, хотя каждое мое слово адресовано маме:

– Мне очень жаль, тетя Пруденс, но мне нужно, чтобы мама вернулась домой. В Вашингтон. Мой дедушка болен, и я не знаю, как долго папа будет находиться в Делавэре. Кэтрин умирает. Мне нужно, чтобы хоть один из моих родителей...

– Ох, ох-ох. Перестань нести чушь о том, что тебе нужна твоя мамочка, Кейт. – Пруденс делает паузу и допивает остатки шампанского, а затем наливает себе еще. – До сих пор ты была совершенно счастлива держать Дебору в неведении. Если ты уже достаточно взрослая, чтобы лезть в чужие дела, то ты уже достаточно взрослая, чтобы справиться в одиночку, милая.

Глаза Пруденс горят ясно и остро, серо-голубые кинжалы нацелены прямо на меня. Яд в ее голосе напоминает мне о нашем разговоре на Выставке. Она слащаво улыбается мне, прежде чем продолжить:

– Ты не хотела, чтобы твоя мама мешала тебе, прерывая твои маленькие randevu в таунхаусе или задаваясь вопросом, в какие неприятности ты ввязываешься с бабушкой. Иначе ты бы с самого начала предупредила Дебору об исследовательской поездке.

Мои руки сжимают край стула, я наклоняюсь к Пру и сердито произношу:

– Если бы я знала, что за этой поездкой стоишь ты...

Пруденс прерывает меня громким смехом:

– Ты не догадалась? А я тут беспокоилась, что действовала слишком о-че-вид-но... – Она смотрит на верхний ярус чайного подноса, не сводя глаз с маленького слоеного торта, покрытого красным джемом.

На ее лице загорается детская радость, когда она берет десерт и принимает.

– Думаю, это малина. Я обожаю малину!

Пру вонзает зубы в маленький кусочек торта и вздыхает от удовольствия:

– Определенно малина! Вот, Деб, возьми другой кусочек. Тебе понравится.

Мамина рука скользит под стол и накрывает мою, которая все еще сжимает край стула. Она все еще держит ее там, отвечая своей сестре, что торт действительно выглядит восхитительно. Мягко сжав напоследок мою ладонь, она протягивает руку, чтобы взять сладость у Пруденс.

Это был едва заметный жест. Я не думаю, что Кирнан или Трей заметили это, хотя сейчас они оба странно смотрят на меня. Они, наверное, думают, что слезы собрались в моих глазах от того, что сказала Пруденс, или потому, что я волнуюсь, что мама сердится. Но нет, это слезы облегчения. Я ни на секунду не верю, что мы с мамой уже поговорили и обо всем, о чем нужно, и я почти уверена, что оставшаяся часть разговора будет состоять в основном из криков в мою сторону, но это маленькое пожатие передало мне сообщение, которое не могло бы быть яснее, если бы она произнесла эти слова вслух.

«Мы пройдем через это вместе».

* * *

С лица Пруденс не сходит дружелюбное выражение в течение следующих двадцати минут или около того, пока она с удовольствием пробует различные сладости с подноса и опрокидывает еще несколько бокалов шампанского. Кирнан протягивает ей маленькую синюю таблетку, когда она принимается за четвертый стакан, но она только смеется и смахивает таблетку на пол.

Она принимает какие-то антипсихотические препараты? Ей не мешает.

Пру продолжает подкладывать всякое в мамину тарелку. Похоже, она не замечает, съедено ли остальное. По большей части нет. Несмотря на то что все это выглядит очень вкусно, думаю, что все слишком взвинчены, чтобы есть.

Официанты, которые, кажется, чересчур внимательны к соседним столикам, широко обходят нашу компанию. Может быть, кто-то из них заметил, как Пруденс исчезла ранее? Или, может быть, они просто заметили, что все остальные за столом ведут себя так, будто Пру – это бомба, которая вот-вот взорвется?

Однако мне кажется, что это я сейчас взорвусь. Трудно сидеть здесь, попивая чай, когда у меня столько дел. У меня нет времени на Безумное Чаепитие с Пруденс.

Должно быть, мое беспокойство отразилось на лице, потому что, подняв глаза, я замечаю, что Пруденс наблюдает за мной. Ее разум, по-видимому, прояснился, по крайней мере, сейчас.

– Что случилось, моя маленькая племянница? Ты слишком нервничаешь. Ты куда-то спешишь? – она оглядывает сидящих за столом с кислым выражением лица. – Похоже, ни у кого

из вас нет праздничного настроения. Я заплатила за неограниченное количество пузырьков, а ты еще не допила свой первый бокал, Деб. Мы должны были веселиться.

Мама опрокидывает остатки своего шампанского, но не тянется к бутылке, чтобы снова наполнить бокал.

– Все это очень вкусно, Пру. Я просто немного устала. Путешествия всегда меня утомляют. Может быть, нам стоит вернуться в номер...

– Чтобы ты могла собрать свои вещи и отправиться домой со своей любимой дочерью, – это утверждение, а не вопрос, и Пру горько улыбается маме, протягивая руку за ключом ХРОНОСа.

– Чтобы я могла немного отдохнуть, Пру. Я все еще хочу кое-что посмотреть в Лондоне, прежде чем мы отправимся в Грецию, или Рим, или куда бы ты ни решила поехать дальше. Я поеду с тобой, если ты согласишься оставаться в настоящем времени, чтобы я и правда могла следовать за тобой.

– Мама! Нет! – Я ошеломленно поворачиваюсь к ней. – Пожалуйста. Нам нужно поговорить об этом.

Мама не сводит глаз с Пруденс, но ее рука тянется под стол и сжимает мое колено.

Мой первый порыв – отмахнуться от ее руки и начать спорить, но тут она впивается пальцами чуть сильнее, и я замираю. От старых привычек быстро не избавишься. Я помню это сжатие колена с тех пор, как я была еще совсем ребенком, когда капризничала, сидя рядом с мамой в модном ресторане. На похоронах ее коллеги, когда она не могла найти няню. В машине, в Айове, когда она пыталась отговорить полицейского от штрафа за превышение скорости.

Знаю этот сигнал. Он означает сидеть тихо и не шевелиться.

И я помню, как мама мягко сжала мою руку ранее. У нее есть план. Не уверена, что мне он понравится или я соглашусь с ним, но она что-то задумала.

– Думаю, ты права, Пруденс. Кейт уже достаточно взрослая, чтобы справляться со всем самостоятельно. Приехав домой, я только помешаю ей. И, – продолжает она более сухим тоном, – поскольку у меня, по-видимому, уже нет работы, к которой я могла бы вернуться... что ж, отпуск был бы очень кстати. Сестринское путешествие.

Мама снова поворачивается ко мне, улыбаясь с сожалением:

– Мне очень жаль, что вы вдвоем проделали весь этот путь, если вашей целью было вернуть меня обратно. Тебе нужно вернуться в школу, юная леди. Я не санкционировала эту спасательную миссию, и я очень счастлива здесь с Пруденс. Нам нужно наверстать несколько упущенных десятилетий. И, как я уже сказала тебе по телефону, мы вернемся в штаты через несколько недель. Пру говорит, что у нее остались дела в Вашингтоне и во Флориде.

– Это точно хорошая идея? – удивленно спрашивает Кирнан.

Пруденс поворачивается к нему, сверкая глазами:

– Ты здесь не для того, чтобы оспаривать мои решения, Кирнан. Я гораздо лучше тебя разбираюсь в том, что такое хорошая идея. Может быть, тебе стоит сбегать домой?

Кирнан пожимает плечами, но взгляд, которым он одаривает ее, отвечает на мой предыдущий вопрос. Если он и переключился, то только не на Пру.

– Без проблем, – он отодвигает свой стул и кивает сначала маме, а затем Трею. – Было очень приятно познакомиться с вами, – он очень отчетливо постукивает пальцем по карману джинсов, где сквозь ткань просвечивает свет его ключ ХРОНОСа. – Кейт, будь осторожна, ладно?

Пруденс смотрит ему вслед, а потом говорит:

– Мне нужно кое-что проверить дома. Давай пойдем на Глаз в девять, ладно? И возьмем побольше пузырьков.

– Звучит очень весело, – говорит мама. – Я подожду тебя наверху.

Пру держит медальон в руке и явно собирается переместиться, когда выражение ее лица снова меняется, и теперь она выглядит озадаченно:

– Куда... я куда-то собиралась, Деб? Я не могу вспомнить.

– Ты сказала, что тебе нужно пойти домой и кое-что проверить, но... – Мама оглядывается на других людей в ресторане. – Давай сначала вернемся в номер, хорошо?

– О, нет-нет-нет. Теперь я вспомнила. Билеты на Глаз. Может, мне зарезервировать места для Трея и Кейт? О, и, наверное, еще один для Кирнана. Вы ведь еще не встречались с ним, не так ли? – Пру смотрит на соседнее кресло, как будто пытается что-то вспомнить. – Или... встречались?

– Да, но только мельком. И не беспокойся о билетах для Кейт и Трея. Они не задержатся.

Глава 5

«Каунти-Холл», Лондон

10 сентября, 17:24

Как только мы возвращаемся в мамину комнату, первые несколько минут она ругает меня за то, что я не рассказала ей все сразу. Поначалу мне кажется, что ей не очень хочется делать это в присутствии Трея, но это быстро проходит. Выплеснув на меня все, что скопилось, она требует полной истории. Затем мама устраивает перекрестный допрос, и мне приходится повторить все. У меня такое чувство, будто я снова в Джорджии, где меня допрашивал помощник шерифа Биб.

К тому времени, как допрос закончился, облака над рекой превратились в розово-лиловые полосы. Не знаю, то ли у мамы закончились вопросы, то ли она просто устала, как и я. Даже Трей, кажется, утомился, а он даже не участвовал в нашем разговоре.

Мама откидывается на спинку ближайшей к стене кровати и закрывает глаза. Я лежу поперек другой кровати, лицом к ней. Трей сидит рядом со мной, держа в руках газировку, которую мы только что пили.

После нескольких минут молчания я говорю:

– Ты не можешь оставаться здесь, мама. Пруденс опасна. Я знаю, что ты беспокоишься о ней. Я понимаю. Кэтрин тоже беспокоится за нее. И Кирнан.

– А ты? – спрашивает мама.

Я собираюсь сказать, что тоже беспокоюсь за нее. Наверное, так было бы вежливее, но я не хочу лгать. В последнее время я так часто этим занимаюсь, а мама уже наслушалась вранья и не будет больше этого терпеть.

– Я не знала ее, когда она была другой, мама. Пруденс доставила мне много хлопот. Я не желаю ей зла... – Замолкаю, вспоминая, как несколько дней назад узнала, что она была в доме Трея, и поправляю себя: – Ну, большую часть времени я не желаю ей зла. Но меня беспокоит, что она часть плана, который может стать причиной смерти множества миллионов людей. А еще я переживаю, что она может причинить вред людям, которых я люблю. Включая тебя, мама. Я не могу просто оставить тебя здесь.

– Она не причинит мне вреда. – Голос у мамы звучит ровно и устало, но в нем нет и намека на сомнение.

– Ты не можешь знать этого наверняка.

– Могу. Она не причинит мне вреда. И я, возможно, смогу ей помочь, – она наклоняется вперед и обхватывает руками колени, положив подбородок так, чтобы ее глаза были на одном уровне со мной. – И что еще важнее, Кейт, возможно, я смогу помочь тебе. Судя по тому, что ты рассказала, мне нечего делать в Вашингтоне. Я буду волноваться каждый раз, когда ты будешь так рисковать. Если мне придется сидеть там, смотреть и ничего не делать, я стану еще более сумасшедшей, чем Пруденс. А если я буду с ней, то смогу следить за ней. Я смогу сообщать вам, где мы находимся. Ну, за исключением тех случаев, когда она перемещается, но даже тогда я могу заставить ее рассказать мне, куда и... в какое время... она отправляется.

– Нет, если она знает, что ты поддерживаешь связь со мной.

– Кейт, вчера она сказала мне одно и то же трижды, слово в слово. В течение десяти минут. Я думаю, что смогу справиться с ней. Возможно. Но сможешь ли ты справиться с ее охраной?

– С какой охраной? – спрашивает Трей.

– Те бандиты в костюмах, – говорит мама. – Что вышли из лифта вместе с нами ранее. Когда мы были во Флоренции, было два других парня, и я почти уверена, что еще двое преследовали меня в Генуе за несколько дней до того, как она связалась со мной. Что-то вроде Службы безопасности киристов. У них у всех этот голубой цветок на тыльной стороне ладони. И вот что странно... думаю, Пру не осознает, что они преследуют ее. А может быть, они следили за ней так долго, что она их уже не замечает.

Наверное, на моем лице застыло удивление, потому что мама смеется и говорит:

– Я не совсем слепая, Кейт. Не думаю, что эти ребята профессионалы. Они слишком заметны, тебе не кажется?

Я делаю мысленную заметку спросить Кирнана, на кого именно эти парни действительно работают, если он вообще знает это. Несмотря на то что мы называем их Службой безопасности киристов, нельзя понять, на кого именно они работают. Они здесь для того, чтобы защищать Пруденс или присматривать за ней? Она их наняла? Или они работают на Сола? Или на Джулию?

– Кстати, о ребятах из Службы безопасности, – говорит мама, – не уверена, что доверяю этому Кирнану. Он кажется слишком взрослым, чтобы быть... влекомым... к любой версии тебя в любой временной линии.

– Согласен, – вмешивается Трей, и я легонько толкаю его локтем.

Мама одаривает Трея легкой улыбкой, первой, которую я вижу на ее лице с тех пор, как мы вернулись в ее комнату.

– А сколько ему лет?

– Когда я видела его вчера вечером в Джорджии, ему было двадцать. Может быть, около двадцати одного года.

– Значит, если для него прошло шесть лет, ему уже двадцать семь, – говорит Трей. – Почти старец.

Мама смеется:

– В обычной ситуации я бы на это обиделась, но в данном случае вынуждена согласиться. Мне не нравится то, как он смотрит на тебя, Кейт.

Если ее беспокоит то, как он смотрел на меня сегодня, я действительно рада, что она не видела Кирнана со мной раньше.

– Тебе не о чем беспокоиться. Он видит во мне свою Кейт, мама. Не меня.

– Ты уверена, что он понимает разницу? – спрашивает она.

– Да. Он понимает.

Я не уверена, что вчера вечером ответила бы ей с такой же уверенностью. Учитывая, что Трей сидит здесь рядом со мной, я, вероятно, все равно сказала бы «да», хотя и не уверена, что это была бы чистая правда.

Но теперь?

– Что он делал с твоим ключом? – спрашивает Трей. – Когда мы вышли из лифта?

– Устанавливал локальную стабильную точку. Должно быть, у него есть информация, которую он не может дать мне здесь.

– И ты уверена, что можешь ему доверять? – спрашивает мама. – Что он не... ну, не знаю... не сдаст тебя?

Я думаю, не сказать ли им о подозрениях Джулии, но мне кажется предательством делать это, если я и сама им не верю. Трей и мама уже достаточно подозревают Кирнана.

– Он спас мне жизнь на Выставке, мама. Рисковал своей жизнью ради меня и этого дела снова и снова. Ты уверена, что Пруденс не причинит тебе вреда? Я точно так же уверена насчет Кирнана. И по крайней мере в этом вопросе мне не нужно притворяться. Кирнан не причинит мне вреда. Он не мог так сильно измениться.

– Она права, – неохотно говорит Трей. – Он не причинит ей вреда. Он в нее влюблен. Я вижу это по его глазам.

Опять же, я не могу не думать о том, как хорошо, что они встретили этого Кирнана, а не того, который был на шесть лет моложе.

– Что, – продолжает Трей, – не сильно меня радует, но, с другой стороны, я знаю, что он ее прикроет. Думаю, что она права, мисс Пирс. Мы можем ему доверять.

– Дебора, – рассеянно произносит мама. Она замолкает на мгновение, а затем ударяет кулаками в подушку рядом с собой, издавая короткий крик разочарования. – Я не хочу, чтобы ты пользовалась этим проклятым ключом! Я хочу, чтобы ты вернулась домой, в школу, и была в безопасности. Я борюсь с очень сильным желанием улететь домой и заботиться о тебе, пока тебе не исполнится восемьдесят.

Она несколько раз глубоко вдыхает, а затем неуверенно улыбается мне:

– И именно поэтому я должна остаться здесь. Думаю, именно поэтому ты не рассказала мне все это раньше, и, хотя я все еще не в восторге от того, что меня держат в неведении, я понимаю, почему ты... и твой отец, – мрачно добавляет она, – решили, что лучше будет отложить это дело.

– Папа умолял меня рассказать тебе все до того, как ты уедешь в Италию, – говорю я, сдерживая обещание, данное ему несколько недель назад. – Правда.

– Конеч-е-ечно, – улыбается мама и бросает в меня подушку. Я отпрыгиваю в сторону как раз перед тем, как она коснется меня. – Доблестная попытка, но я на это не куплюсь.

* * *

Уже почти девять, когда мы с Треем покидаем мамин отель. Темза похожа на черное бархатное полотно, усеянное карнавальными огнями, отражающимися от Глаза и зданий, возвышающихся вдоль набережной. Прекрасно... даже волшебное. Это место идеально бы подошло для долгой романтической прогулки вдоль реки, если бы не влажный, холодный ветер, хлещущий вокруг «Каунти-Холла».

Я вздрагиваю, стягивая бордовый шарф, все еще висящий у меня на шее так, чтобы прикрывать плечи. Тонкая, как шепот, ткань почти так же бесполезна для защиты от ветра, как и для маскировки. Жаль, что я не надела ничего теплее этой легкой блузки.

Мы поворачиваем направо, проходя мимо парка, который почти так же ярко освещен, как и Глаз. Трей тянет меня к себе, потирая ладонью мою руку, пока мы идем.

– Так лучше?

– Да. Свитер Пруденс теперь не кажется таким уж неуместным.

– Как ты думаешь, у нее действительно есть ключ от ХРОНОСа прямо в руке?

– Они могут изменять людей так, чтобы они могли путешествовать во времени. Вживить медальон по сравнению с этим пустяк, поэтому я не вижу причин не верить Кирнану на слово.

Эта мысль, конечно же, напоминает мне вчерашние слова Джулии. Я просто надеюсь, что я права насчет честности Кирнана.

Однако сейчас я не хочу думать ни о чем подобном, поэтому меняю тему разговора:

– Когда ты летишь обратно?

– У меня билет на послезавтра, но я узнаю, смогу ли обменять его на более ранний.

– Мне ужасно неприятно то, что тебе пришлось проделать весь этот путь, а я здесь потерпела неудачу.

– А в чем именно неудача? Ты пришла сообщить своей маме, что происходит, и теперь она знает.

– Нет. Она должна была вернуться со мной – ну, технически, с тобой – а она остается. Но теперь ее решение остаться основано на полной информации, которой у нее раньше не было. И у нее есть ключ. Я видел, как она реагировала поначалу, поэтому тот факт, что ты убедила ее взять ключ ХРОНОСа, – это большая победа.

Я пожимаю плечами, но думаю, что он прав. Мама обещала постоянно носить ключ и не показывать его Пру. Мы разработали план общения через ее университетскую электронную почту, и Трей снова запустил приложение геолокации на ее телефоне, позволяя мне отслеживать ее местоположение, если мне нужно будет быстро добраться до нее. При условии, конечно, что они с Пруденс будут вблизи городов, достаточно исторически значимых, чтобы иметь стабильную точку.

Я все еще чувствую себя плохо из-за того, что Трей проделал весь этот путь.

– Тебе лучше остаться завтра. Посмотреть достопримечательности.

– Нет, только если ты тоже не останешься.

– Я не могу, Трей. То есть я могла бы, но я составлю паршивую компанию. Мне нужно вернуться и выслушать все крики и претензии, – он бросает на меня недоуменный взгляд. – Джулия. Если у нее есть люди, которые следят за мамой, я почти уверена, она знает, что я была здесь.

– Тогда я улечу на самом раннем рейсе. Здесь я тебе не нужен.

Мы переходим улицу за зданием отеля «Каунти-Холл», и я замечаю зеленовато-белую вывеску с ангелом милосердия через несколько магазинов. Трей ведет нас в Старбакс, ни секунды не колеблясь. Если мне нужна была еще одна причина любить его, я только что нашла ее.

Внутри совсем немного посетителей, вероятно, потому, что 9 вечера – немного поздно для кофеина. Мы берем два больших кофе навынос. Трей выбрал с молоком и сахаром, и я поддразниваю его насчет того, что его хипстерский вид прекрасно сочетается с заказом, и тут я замечаю два знакомых профиля снаружи. Один высокий, другой низкий, оба сложены, как бульдоги. Даже не видя их лиц, я знаю, что это те самые парни, которых Кирнан и мама называли Службой безопасности киристов.

Тот, что пониже ростом, входит в парадную дверь, а тот, что повыше, огибают здание и направляется к боковой двери.

– Идем отсюда! – Я тяну Трея за руку, оставляя свой кофе на стойке.

Мы успеваем добраться до боковой двери первыми только потому, что высокому парню преградила путь пара, выталкивающая коляску к мощеной площади между этим зданием и следующим. Я сильно пинаю дверь, застав его врасплох, она врезается ему в плечо, и мы с Треем бежим через площадь.

Здесь нет ни укрытия, ни переулка, в который можно было бы нырнуть, поэтому либо мы бежим от них, либо сражаемся. Конечно, если они решат использовать оружие, мы обречены в любом случае. Я не собираюсь вытаскивать пистолет посреди площади, где гуляют семьи.

Коротышка что-то кричит и бежит за нами. Его приятель следует в нескольких метрах позади. Трей галантно спас мой кофе и бежит с занятыми руками. Маленькие зеленые крышки не рассчитаны на такую встряску, и кофе выплескивается двумя тонкими струйками, пока мы бежим. Коротышка уже совсем близко, и я слышу, что он кричит:

– Сестра! Стой! Мы с храмом!

Без шуток. Именно поэтому мы и бежим.

Подождите-ка. Сестра? Он думает, что я Пруденс.

Я останавливаюсь. Трей останавливается через несколько шагов, бросая на меня озадаченный взгляд, как раз когда Коротышка подходит ко мне. Я напрягаюсь, готовая драться в

случае необходимости, но парень наклоняется, упершись руками в колени, пыхтя и пытаясь отдышаться.

– Прости, сестра. Я не хотел тебя напугать. Мы служим в Ламбетском храме, и нам поручено следить за тобой. Убедиться, что здесь, в Лондоне, тебя никто не побеспокоит. Они сказали, что сегодня вечером ты не выйдешь из отеля... разве что пойдешь на Глаз с гостем. Они сказали, что завтра нам нужно будет быть начеку, потому что ты будешь ходить по магазинам и болтаться по городу.

Я бы с удовольствием выяснила, какая именно группа поручила этим ребятам следить за Пруденс, но не могу придумать, как получить эту информацию, не вызвав подозрений. Может быть, они и сами не знают.

Высокий парень говорит:

– Мы были озадачены той пожилой женщиной, которая перемещалась то туда, то сюда. Мы даже думали, что это ты, пока Эдди не присмотрелся.

Эдди, он же коротышка, кивает:

– Я видел твое лицо в окнах храма каждое воскресенье, еще когда был мальчишкой. Мы оба видели, – он бросает настороженный взгляд на Трея. – Потом мы увидели, как ты уходишь, и я сказал Шону, что мы должны пойти за тобой и убедиться, что все в порядке. Что он не беспокоит тебя и вообще ничего такого.

Колеса в моей голове начинают вращаться. Какая ложь уменьшит вероятность того, что они доложат обо всем тому, кто их нанял?

– Эм... на самом деле вы следили не за тем человеком, – говорит Трей. – Хотя мы здесь отчасти по той же причине, что и вы. Келли так похожа на изображение сестры Пру в нашей часовне, что кто-то предположил, что она может быть хорошим двойником... ну, вы знаете, для безопасности.

Я на мгновение опешила, потому что он назвал меня тем же самым фальшивым именем, что и во время нашего посещения храма на шестнадцатой улице, где я получила отвратительный шрам на бедре из-за одного из доберманов. Но это было в другой временной линии, что означает, что Трей ничего из этого не помнит.

Я на мгновение выкидываю эту загадку из головы и добавляю:

– Все говорят мне, что я похожа на сестру Пруденс. Наш учитель сказал, что, может быть, именно так я должна следовать Пути, чтобы помочь ей быть в безопасности, будучи приманкой или чем-то еще. Так или иначе, он сказал брату Конвеллу, и они послали сестре Пруденс мою фотографию. И она попросила меня встретиться с ней здесь, в Лондоне.

Трей делает шаг ближе и обнимает меня за плечи.

– Мы заметили вас, ребята, в вестибюле и еще раз, когда пили чай. И когда Келли узнала вас там, это напугало ее.

Он все еще держит мой кофе, поэтому я забираю его у него. Когда я это делаю, Коротышка бросает взгляд на мою руку, где должна быть татуировка лотоса, основанная на нашей поспешно созданной истории прикрытия. Я быстро кладу другую руку сверху и дрожу, как будто использую кофе, чтобы согреть их, а затем смотрю за их плечи, где Глаз вращается над верхушками зданий.

– Если вы здесь, то кто присматривает за сестрой Пруденс? Она сказала, что они собираются покататься на Глазу в девять, верно?

Двое парней нервно переглядываются.

– Ты права, – говорит высокий парень. – Может, нам лучше вернуться?

– Извините за путаницу, – кричит другой через плечо, когда они спешат через площадь к дощатому настилу.

Мы на мгновение задерживаем дыхание, а затем идем дальше в более спокойном темпе, потягивая то, что осталось от нашего кофе. Отель Трея находится через соседнюю улицу и один

квартал – высокое, изогнутое строение, которое больше похоже на гигантскую скульптуру, чем на отель.

– А ты быстро сообразил. Но кто такая Келли?

Глаза Трея слегка расширяются.

– Просто прикрытие. Я подумал, что мне следует на всякий случай избегать твоего настоящего имени...

– Хорошая идея. Просто... ты использовал то же самое фальшивое имя, когда мы были в храме киристов... в другой временной линии. Мне кажется странным, что ты придумал такое же имя.

В тусклом свете уличных фонарей трудно сказать, но мне кажется, что он покраснел. Он на мгновение замолкает, а затем качает головой и улыбается.

– Келли была коллегой моей мамы и часто приходила на ужин, когда мне было лет двенадцать-тринадцать. Она тогда только-только закончила колледж, темноволосая, хорошенькая. Скажем так, она произвела на меня яркое впечатление.

– Какого рода впечатление?

– Влюбился без памяти. Я несколько недель был подавлен, когда ее отправили за границу. Было так плохо, что я даже позвонил ей однажды в субботу, прикрываясь опросником, просто чтобы услышать, как она говорит. Мой голос сорвался на полуслове, поэтому я почти уверен, она поняла, что это я.

– Так вот в чем был большой секрет. Тот, о котором ты упоминал в видео, которое оставил для себя, и который, как ты сказал, никогда никому не рассказывал?

Трейд распахивает дверь. Вестибюль отеля «Парк-Плаза» похож на его фасад – гладкий и современный, с большим количеством черного и вкраплениями ярких цветов. Теперь, когда мы оказались внутри, под светом прожекторов, я определенно могу сказать, что он покраснел, и я чувствую себя немного виноватой за то, что дразнила его.

– Да. Но классно, что она не рассказала моей маме.

– А может, она все-таки рассказала и это твоя мама самая классная?

Трейд смеется.

– О нет. После встречи с мамой ты поймешь, что это совершенно не в ее характере. Она бы нашла десятки способов подразнить меня по этому поводу, может быть, не прямо, но... если бы она знала, я бы знал, что она знает.

– Теперь ты совсем взрослый. А что, если эта Келли вернется и решит, что ей нравятся мужчины помоложе?

– Ух... Я почти уверен, что она замужем и у нее есть дети, – он улыбается. – А что такое? Ты что, ревнуешь?

– Конечно, нет, – чопорно отвечаю я и улыбаюсь ему. – Окей. Может быть, немножко ревную.

Думаю, мой ответ возвращает мысли Трея к источнику его собственной ревности, потому что, когда мы собираемся войти в лифт, он говорит:

– Как ты думаешь, что Кирнан хотел тебе сказать?

– Ну, я не знаю. Я свяжусь с ним, как только вернусь к Кэтрин.

– А зачем ждать? Ну, только если ты не слишком устала? Это значительно упростило бы наше соглашение о равном времяпрепровождении.

В общем, Трейд довольно спокойно отнесся к тому, что я работаю с Кирнаном. Его единственная просьба заключается в том, что каждый раз, когда я путешествую с Кирнаном, я вижу с ним сразу после. И знание того, что Трейд ждет меня дома, как правило, очень помогает справляться с очарованием Кирнана.

– Ты могла бы отправиться прямо сейчас, узнать, что ему нужно, и вернуться до того, как прибудет обслуживание номеров с ужином.

Я не знаю, то ли дело в том, что мы только что вышли из лифта, то ли во фразе «обслуживание номеров», то ли в том и в другом, но мне вдруг вспомнился наш последний катастрофический опыт с гостиничным номером. Трей, должно быть, думает о том же самом, потому что он печально улыбается мне, открывая дверь.

К счастью, в этом номере только двуспальная кровать, а не чудовище королевских размеров, как в номере в Вашингтоне. Кроме того, за ванной комнатой есть гостиная зона с диваном, столом и частичным видом на Глаз. Колесо медленно вращается вверх. Неужели мама и Пруденс сидят в одной из этих неоновых машин и потягивают пузырьки?

– Боюсь, что на этот раз клубники в шоколаде не будет, – говорит Трей и, увидев выражение моего лица, заключает меня в объятия. – Я шучу! Кстати, Эстелла была очень довольна этой клубникой.

– Хорошо. Я рада, что хоть кто-то извлек приятное из этого кошмара. Трей, я так, так...

Он прижимает палец к моим губам:

– Эй. Я тоже кое-что из этого извлек, Кейт. Тебе пришлось уйти... ну, исчезнуть, скорее чтобы заставить меня понять, что я не могу оставаться в стороне. Если ты здесь, то и я здесь.

– Но твои родители... – начинаю я. Он снова прикладывает палец к моим губам и ухмыляется, когда я раздраженно покусываю его зубами.

– Мои родители привыкнут. Как я уже сказал папе, мне восемнадцать. Это война, ставки на которую выше, чем на любую другую. Если бы я пришел и сказал родителям, что иду служить в морскую пехоту, они бы рассердились, но признали бы, что это мой выбор.

– Разве твоя мама рассердится, если ты пойдешь в армию? Она ведь работает на правительство, верно?

Он смеется:

– Моя мама была бы в десять раз злее моего отца из-за армии. Госдепартамент ближе к Корпусу мира, чем к Корпусу морской пехоты. Но... она работала с Джулией Уотерс. Не совсем точно, но я помню, что мама упоминала это имя несколько лет назад. Это одна из немногих вещей, которые вызвали у меня двойственные воспоминания. Это и барбекю в честь Кэррингтон Дэй – у меня немного болит голова, когда я думаю об этих вещах. Как и о том, что сделала Пруденс сегодня за чаем.

– Тебе следовало держаться подальше, Трей. Кэтрин и Коннор не должны были впускать тебя в дом. У тебя нет гена ХРОНОСа, и мы никак не можем знать, что это может сделать...

– Тише. Не вини ни Кэтрин, ни Коннора. Они даже не пустили меня, когда я постучал в первый раз. Коннор подошел к двери и сказал, что я должен уважать твое решение. Я просидел там на качелях добрых полчаса, надеясь, что ты выйдешь, а потом заработал вот это... чувство, будто внутри все переворачивается. Наверное, это и был сдвиг во времени? Когда все прошло, я пошел домой, думая, что просто позвоню тебе утром. Я был в машине, когда мне пришло в голову, что Тилсон может знать кого-то, кто мог бы проанализировать образец, который вы привезли из Джорджии.

Он замолкает, качая головой.

– Он даже не понимал, что когда-то встречался со мной. Никаких воспоминаний о вечеринке по случаю выхода на пенсию. Он сказал, что уволился из Брайар Хилл двенадцать лет назад. Но вот что странно, Кейт. Он помнит, как встречался с тобой в 1990-е годы, но больше ничего об этом не сказал. Потом я снова сел в машину и поехал к Кэтрин, стуча в дверь до тех пор, пока Коннор не ответил, и практически пробился внутрь, чтобы они меня послушали.

Он замолкает, как будто ждет, что я что-то скажу, но я просто смотрю на ковер. Как бы он ни старался взвалить вину на свои плечи, ему не грозила бы никакая опасность, если бы я не втянула его обратно в эту заваруху. Если бы я не выследила его, не вручила ему тот конверт, он был бы в безопасности.

Через мгновение он приподнимает мой подбородок так, что мне приходится смотреть прямо на него.

– И ты тоже не вини себя, Кейт. Я сделала свой выбор, и ты должна принять это. Совсем как мои родители. Моя жизнь, мой выбор. Единственным минусом является то, что мама и папа могут увидеть в тебе военного вербовщика, по крайней мере, сначала. Но они все равно привыкнут.

– Ты, кажется, вполне уверен в этом, но...

– Я уверен. Думаю, что для этого есть даже математическое доказательство. Спроси своего отца. Они любят меня, а я люблю тебя, поэтому, *ipso facto*⁴, они полюбят и тебя.

– Не думаю, что это работает так. Иначе вся эта история с Ромео и Джульеттой сложилась бы ина... че...

Когда я осознаю, что именно он только что сказал, я придвигаюсь ближе, снимаю с него шляпу и фальшивые очки. Затем я притягиваю его для поцелуя.

Он только что сказал «я люблю тебя», и, в отличие от того момента на крыше, в его голосе не было ни сомнения, ни колебания. Только утверждение.

И, *ipso facto*, мои сомнения тоже исчезли.

⁴ *Ipso facto* (лат. «по фактам») – на основании известного разумно заключить, что...

Глава 6

Где-то рядом с пляжем

26 апреля 1905 года, 19:00

Учитывая дату на координатах, я ожидаю увидеть хижину в Джорджии или, возможно, склад в табачной лавке Джесса, когда перемещаюсь. Но это гостиничный номер, и вместо обычных джинсов Кирнан одет в темные брюки и рубашку с глубоким вырезом спереди. На спинке стула висит пиджак от костюма, в руке он держит сложенную газету, а у ног лежит матерчатый мешок. Он сидит у открытого окна, глядя на синее море. Солнце висит низко над горизонтом, придавая дощатому настилу и небольшому участку пляжа сразу за ним серовато-оранжевое сияние.

То, что он смотрит в окно, почти так же неожиданно, как и это местоположение. Раньше, если Кирнан ждал меня, его глаза были прикованы к стабильной точке. Даже если он был зол, он все равно смотрел вперед, как будто у него была физическая потребность увидеть меня в ту же секунду, как я появлюсь.

Я тихонько откашливаюсь, и он поворачивается ко мне.

Он отрастил усы и длинные бакенбарды. Они ему не подходят. Он небрежно улыбается мне – не той широкой, безумной улыбкой, к которой я привыкла, но все же это лучше, чем хмурый взгляд.

– Где мы находимся? – спрашиваю я.

– В Истборне. Примерно в восьмидесяти километрах к югу от Лондона.

– И почему мы в Истборне?

– Потому что Гудини здесь, – резко отвечает он. – Прежде чем иметь дело с настоящим и будущим, сначала нам нужно забрать этот ключ из прошлого. И сегодня наш лучший шанс.

Кирнан протягивает мне газету, сложенную так, чтобы было видно объявление:

Первое появление в Истборне всемирно известного и Настоящего ГУДИНИ. Победитель большого Конкурса Наручников, как утверждает лондонская иллюстрированная газета Daily Mirror. 17 марта 1904 года. Он настоящий. Не подделка. Настоящий.

Кирнан указывает на заголовок примерно в середине страницы:

ВЫЗОВ!

ГАРРИ ГУДИНИ, ипподром, Истборн

Дорогой сэр. Извините нас, но мы выяснили, что трюк с ящиком, который Вы демонстрируете, НЕ НАСТОЯЩИЙ, а заранее прорепетированный, и мы можем доказать это, если Вы позволите нам соорудить обычный ящик, из которого Вы, ПРИГВОЖДЕННЫЙ И ПРИВЯЗАННЫЙ, мы гарантируем, не сможете выбраться, не РАЗЛОМАВ ЯЩИКА. Если Вы не желаете принять вызов публично, Вы можете попробовать в частном порядке; если Вы согласны, дайте нам знать, когда мы сможем начать, и наши люди будут в вашем распоряжении. – Господа Корнуэлл & Сын, строители и подрядчики, Гроув-роуд и Эшфорд-роуд, Истборн.

Гудини принимает вышеупомянутый вызов В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ, 26 апреля, на ипподроме в Истборне. Всем разрешено взять с собой молоток и гвозди.

Когда я поднимаю глаза, Кирнан вываливает на кровать из матерчатой сумки молоток, гвозди и сложенный листок бумаги.

– Вот уже несколько недель я слежу за его выступлениями здесь и в Шотландии. Несколько недель назад попытался организовать встречу, передав одному из его помощников листовку Гудини, это может объяснить акцент на подлинности в объявлении, которое ты держишь. Поэтому я не могу этого сделать. Но у тебя, возможно, есть шанс. Режиссер-постановщик будет удивлен, если девушка полтора метра ростом добровольно согласится забить гвоздь.

– Полтора метра и восемь сантиметров. И я могу забить гвоздь. Однажды я построила домик на дереве, – я не уточняю, что он накренился и не выдержал бы и исхудалую белку до того, как папа взял дело в свои руки и привел в порядок. Я могла бы признаться в этом Кирнану помладше, но...

– Не имеет значения. Эти ребята разбираются в шоу-бизнесе. Они выведут тебя с полуджиной крепких парней просто для визуального эффекта.

– На сцену? – произносятся эти два слова, я чувствую, как колотится мое сердце.

– Нет, – говорит он, глядя на меня так, словно я сошла с ума. – На задний двор, в переулок. Конечно, *на сцену*. Как только ты окажешься там, просто подойди поближе и брось эту записку в ящик Гудини. И убедись, что твой медальон виден.

Я разворачиваю записку. Это просьба о личной встрече в баре отеля «Куинс» сразу после представления, написанная над грубым наброском медальона. Ниже следует вопрос: какого цвета его свечение?

– Передай ему это, – говорит Кирнан, – и он встретится с тобой.

– Я не думаю, что это хорошая идея, Кирнан.

На самом деле, я думаю, что это ужасная идея. Я просто с ума схожу от одной мысли выйти на сцену. Я постепенно достигла той точки, когда могу довольно хорошо импровизировать в путешествиях во времени, но эта импровизация никогда не пугала меня так, как сцена. До этого я выступала только дважды... ну, трижды, если считать катастрофичный фортепьянный концерт, когда мне было девять лет, но это была не настоящая сцена. Первый раз это случилось в пятом классе. Меня заставили выступать в школьной пьесе, когда какой-то ребенок заболел гриппом. Три года спустя, на выпускном вечере средней школы, я споткнулась о шнур микрофона директора и упала лицом вниз на сцену, раздавив свернутый диплом, который он мне только что вручил.

Однако я не склонна признаваться в этом Кирнану в его нынешнем настроении. Возможно, это и не имеет значения, поскольку он игнорирует меня. Он подходит к шкафу и достает оттуда платье.

– Оно немного великовато, так что я сомневаюсь, что тебе понадобится корсет, но он есть в комод. Туфли, шляпка и все такое – в шкафу. Шпильки и расческа вон там.

Кирнан поворачивается, собираясь уйти, и я хватаю его за руку. Предупреждение Джулии всплывает в моей голове, как большая неоновая вывеска, и перемена в его общем отношении не очень помогает мне успокоиться.

– Стой. Может, сначала поговорим? Я бы хотела узнать кое-какие сведения об этом деле. Я знаю, что Гудини был художником-беглецом и фокусником, но...

– Нам нужно попасть на ипподром пораньше, чтобы ты была ближе к первым рядам, – говорит он, убирая мою руку со своего плеча. – Одевайся. Мы можем поговорить после шоу.

Я проверяю время начала шоу, указанное в статье – 8 часов вечера.

– А далеко до театра?

– Пара минут ходьбы.

Я уже слышала от него эти «пару минут» и знаю, что это может означать что угодно – от трех кварталов до трех километров. Но прежде чем я успеваю попросить разъяснений, он уходит.

Я вздыхаю и рассматриваю платье. Оно изысканнее, чем тот наряд 1905 года, который я носила в Бостоне, с метрами бледно-зеленого шелка и странной кружевной накидкой. Судя по тому, как она устроена на вешалке, плащ ниспадает на плечи и почти достигает талии спереди, ныряя вниз в глубокий V-образный вырез сзади. Из-за глубокого выреза лифа мне нравится, что спереди есть кружево, даже если это выглядит немного странно.

Вскоре я обнаруживаю, что это платье не снабжено липучкой на спине, поэтому, несмотря на несколько минут скручивания моего тела в крендель, некоторые пуговицы остаются расстегнутыми.

Я сижу на кровати и пытаюсь привести свои волосы в порядок, когда входит Кирнан, даже не потрудившись постучать. Он тихо ругается, когда видит, что я не готова, и быстро застегивает расстегнутые пуговицы. Затем он берет щетку и собирает мои волосы, прежде чем закрепить шляпу и вытянуть несколько передних локонов.

Все это занимает меньше двух минут. Выражение лица Кирнана безразличное, деловитое, когда он поворачивает меня, проверяя мой внешний вид. Такое его поведение просто сейсмический сдвиг по сравнению с тем, что было несколько недель назад (ну, по крайней мере, для меня это было несколько недель назад), когда он помогал мне надевать одежду 1905 года, которую держал в магазине Джесса. Тогда его пальцы задерживались на моей коже, будто он искал какой-то предлог для физического контакта.

А теперь он словно одевает ребенка, который опаздывает на школьный автобус... ребенка, который ему не особенно-то и нравится. Я знаю, что у меня не может быть и того и другого. Мне следовало бы вздохнуть с облегчением, и в каком-то смысле так оно и есть. Но этот сдвиг в его личности слишком резок, слишком экстремален, чтобы я могла просто принять его без вопросов, особенно после того, как Джулия усомнилась в его лояльности. Я не знаю, что изменило его, что превратило его в человека, которого я едва узнаю, но нам нужно поговорить.

Я хватаю его за руку, когда он прячет щетку в ящик стола. Он снова отстраняется и бросает мне на колени черную бархатную ленту.

– Повесь сюда свой ключ. На шнуре он выглядит глупо.

Ленточка покороче определенно лучше выглядит с платьем, и так Гудини точно заметит ключ, но опять же, его слова и этот тон будто совсем чужие. Я прикрепляю ключ к ленте и завязываю его на шее.

– Так лучше? – спрашиваю я с неуверенной улыбкой.

– Сойдет, – он протягивает мне вечернюю сумочку. – А теперь, может, уже пойдем?

Улыбка застывает на моем лице.

– Кирнан, кто-то помочился в твой кофе? Почему ты так себя ведешь?

Он раздраженно фыркает и отвечает с притворным терпением:

– Кейт, нам надо идти, иначе мы опоздаем. Сделай мне одолжение и постарайся вести себя серьезно.

И тон его голоса, и слова как пощечина. Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, и отвожу взгляд, чтобы скрыть их. Когда я оглядываюсь назад, на его лице мелькает что-то похожее на раскаяние, но он быстро берет себя в руки.

– Ясно, – я выхватываю кошелек у него из рук. – Но как только мы закончим, ты *расскажешь* мне, что, черт возьми, с тобой происходит.

* * *

Кирнан не преувеличивал. Ипподром находится менее чем в трех минутах езды от отеля «Куинс». Первые два квартала мы идем по дощатому настилу. Стаи чаек носятся по пляжу, и он в значительной степени принадлежит только им. Одна одинокая пара жмет друг к другу на плавучем бревне в метре или около того за пределами досягаемости прилива. Здесь холодно – достаточно холодно, чтобы я пожалела, что Кирнан не добавил к моему костюму пальто, а не этот бесполезный плащ.

Театр находится в квартале от берега. Здесь свободная рассадка, и люди уже толпятся, поэтому, возможно, Кирнан был прав, предложив приехать пораньше. Конечно, он легко мог бы установить координаты так, чтобы я переместилась за час или два до начала шоу, и избежать спешки в последнюю минуту.

Мы протискиваемся в переднюю часть театра, чтобы я была на месте, как только они начнут звать добровольцев. Кирнан положил молоток и гвозди в маленькую вечернюю сумочку, которую я держу в руках, и из нее теперь торчит рукоять. Это выглядит глупо, и я задаюсь вопросом, не переигрывает ли подготовка Кирнана мою роль беспомощной маленькой женщины.

Когда мы входим в роскошный красный зал, перед нами примерно триста мест, поэтому мое первое впечатление – он гораздо меньше того, что был в парке Норумбега, где Кирнан исполнял свой номер Будини. Затем я смотрю вверх и вижу, что над нами два уровня сидений. Большинство этих мест уже заполнено, поэтому я предполагаю, что это менее дорогой вариант.

Я нахожу два свободных стула во втором ряду, чуть левее центра. Кирнан кладет свою программу на сиденье рядом со мной и говорит, что вернется позже.

– Не спускай глаз с режиссера, – он кивает на приоткрытую дверь сбоку сцены. – Затем громко объяви, что у тебя есть молоток и гвозди. И не обижайся, если они будут смеяться над тобой.

– А почему я должна принимать это на свой счет? Я не выбирала этот костюм, поэтому они будут смеяться над тобой, а не надо мной.

На его лице проявляется слабый призрак его старой усмешки, но почти сразу же исчезает. Он направляется в дальнюю часть театра. Места вокруг меня начинают заполняться в течение следующих нескольких минут, и добрая четверть зрителей держит молотки и гвозди.

В конце концов, какой-то измученный мужчина толкает дверь и открывает ее. Он оглядывается и снова исчезает. Примерно через минуту он возвращается с маленьким блокнотом в руках.

– Я вижу гораздо больше молотков, чем мы ожидали. Мистер Гудини был бы очень рад, если бы каждый из вас забил гвоздь или два, но я думаю, что местная пожарная команда может посоветовать не пускать толпу на сцену. Поэтому мы выберем четную дюжину людей.

Руки взлетают вверх. Некоторые добровольцы, все мужчины, встают. Некоторые из них выглядят как профессиональные борцы, если они вообще есть в 1905 году. Я энергично машу рукой, но режиссер меня не замечает. Он протягивает маленький листок бумаги шести или семи мужчинам, явно собираясь выбрать самого крупного и мускулистого.

Тот факт, что я на одну-две головы ниже всех окружающих, мне не помогает. Хотя стул не выглядит особенно прочным, он должен выдержать мой вес, поэтому я забираюсь наверх. Как только я восстанавливаю равновесие, я машу сумочкой.

– Выберите меня!

Несколько человек вокруг меня начинают смеяться. К ним примешивается еще и несколько насмешек.

– Вы выбрали только мужчин, – я внезапно осознаю свой американский акцент в море британцев и тот факт, что все смотрят на меня. – Мне кажется, вы им заплатили. Почему бы не дать девушке шанс?

Управляющий закатывает глаза.

– Да, пусть будет чертова дюжина, – кричит кто-то с задних рядов.

– Держу пари, что она все равно не сможет попасть в этот чертов гвоздь. Дайте нам что-нибудь, над чем можно посмеяться. – Этот голос явно принадлежит Кирнану, и большинство мужчин усмеваются.

Женщина, стоящая впереди, бросает в сторону Кирнана неприязненный взгляд:

– Двенадцать мужчин и ни одной женщины – это едва ли справедливо.

Другой мужчина кричит:

– А я говорю, дай им молоток, и, может быть, они перестанут тявкать о том, что хотят голосовать.

Думаю, во фразе «дайте им молоток» был подтекст. Очевидно, женщина, которая попросила немного гендерного равенства, согласна, потому что ее губы сжимаются.

Режиссер пожимает плечами.

– Ладно, пусть будет чертова дюжина. Если что-то случится с мистером Гудини, это будет на вашей совести, леди, – он отрывает еще один клочок бумаги и протягивает мне. – А теперь слезайте со стула и ведите себя прилично.

Он оглядывается на тех остальных, кого выбрал.

– Представление пройдет в конце шоу. Когда вынесут ящик, вы выйдете на сцену. Гудини, скорее всего, немного пошутит, потом залезет внутрь, и мы закроем крышку. Каждый из вас подойдет по очереди. По два гвоздя на каждого – время не резиновое.

Он проскальзывает обратно за дверь сцены, и я опускаюсь на стул.

Кирнан возвращается минут через десять и садится на свое место.

– Здорово справилась.

Я фыркаю:

– Не надо мне этого. Я слышала, что ты там говорил.

– Просто разогревал толпу. Проверенная временем практика как среди шоуменов, так и среди политиков. Когда ты поднимешься туда, убедись, что находишься в начале очереди, прежде чем они закроют ящик. Я сунул несколько шиллингов парню, стоящему сзади, и велел ему крикнуть: «дамы вперед», так что, думаю, проблем не возникнет, – он быстро пробегает глазами по мне, а затем его взгляд задерживается на моей груди. Но без задних мыслей, он будто только оценивает эффект. – Сними этот плащик и оставь его здесь.

Я бросаю на него уничижающий взгляд, а затем протягиваю руку назад, расстегивая кружевное болеро. Сняв его, я тут же бросаю его ему на колени.

– Доволен? – спрашиваю я.

Его рот слегка приподнимается вверх, и я не могу сдержать мысль, что этот новый Кирнан смог бы посоревноваться с другом Шарлейн, Бенсеном, в сдерживании мимики. В случае с Бенсеном у меня было ощущение, что это просто его натура. Кирнан же, напротив, редко пытался скрыть от меня свои эмоции – позитивные или нет, взаимные или нет. Или если он пытался, то всегда безуспешно. Поэтому все, что он делает и говорит, – это просто игра.

Затем занавес поднимается, и я обращаю свое внимание на сцену, где происходит действие.

* * *

Две помощницы Гудини, одна из которых – его жена Бесс, заковали его в кандалы и сковали цепями более десяти минут назад. Затем его прикрыли занавесом, чтобы он извивался не под взглядом публики, и отошли в сторону сцены.

Зрители двадцать первого века давно бы зевнули и вышли, но люди на ипподроме пристально смотрят на занавес, скрывающий Гудини. Некоторые читают театральную программу, а другие тихо болтают со своими спутниками. У остальных глаза прикованы к сцене, они ждут. При выборе музыки пианист, по-видимому, руководствовался необходимостью создать атмосферу предвкушения. Время от времени раздаются всеобщие вздохи, когда силуэт локтя Гудини или какой-то другой части тела виднеется из-за ткани. Но в основном они просто наблюдают и ждут.

Яркий синий свет виден над занавесом и еще немного под ним, но я почти уверена, что никто, кроме Кирнана, Гудини и меня, не видит его. Вообще-то я не знаю, где сейчас Кирнан. Он пробормотал какое-то извинение и ушел еще до того, как Гудини вышел на сцену.

Это уже четвертый трюк Гудини за вечер, причем каждый явно рассчитан на то, чтобы придать импульс главному событию. В первом акте был карточный фокус, за которым последовало нечто, называемое метаморфозой. Руки Гудини были связаны, затем его поместили в большой мешок и заперли в ящике. Бесс задернула занавеску перед собой и коробкой. Затем мы услышали три быстрых хлопка, и когда занавес открылся, Гудини уже вышел из ложи, а Бесс была внутри, связанная в мешке.

Третьим эпизодом был побег из молочного бидона, наполненного водой, трюк, который Гудини начал выполнять несколько лет назад. Я помню, что видела его в каком-то телевизионном шоу, которое я смотрела давным-давно, «Внутри Магии» или что-то в этом роде, так что я знаю, в чем секрет. Верхняя часть бидона не приварена. Он просто толкает ее вверх и вылезает наружу.

Внезапно красный занавес распахивается, и Гудини торжествующе шагает к зрителям, держа над головой цепи и кандалы. Он начал шоу в смокинге, постепенно раздеваясь во время различных выступлений. Сейчас на нем черный костюм, очень похожий на тот, что Кирнан носил в парке Норумбега.

Глаза у Гудини темные и пронзительные – пожалуй, самая характерная его черта. Хотя он и невысокий, но мускулистый. Темные волосы разделены пробором посередине, и, видно, их пытались пригладить в знак уважения к нынешней моде, но они, похоже, не оценили усилий по их укрощению.

До того, как начать трюк, Гудини попросил нескольких добровольцев осмотреть снаряжение, убедиться, что цепи настоящие и он не прячет где-нибудь ключ. Один из них заглянул ему в рот, а другой осмотрел медальон на шее. Он прикреплен к кожаному ремешку и заправлен в верхнюю часть его купального костюма. Конечно, для всех остальных в зале ключ выглядит, как простой бронзовый диск, тонкий, как пластина, который невозможно использовать для побега.

Что меня озадачивает, так это то, что я все еще вижу синий свет от его ключа. В первых двух побегах он был приглушен коробкой и бидоном, но на этот раз я могла видеть свет над и под занавеской. Гудини ни разу не переместился, даже на секунду.

Толпа аплодирует, сопровождая это свистом и радостными возгласами. Гудини несколько раз поклонился, затем кивнул своим помощникам, приветствуя их аплодисментами. Они делают реверанс, и как только шум стихает, Гудини передает цепи Бесс. Затем он идет к зрителям, стоя совершенно неподвижно, пока все не замолкает.

– Уважаемые дамы... и... господа, – начинает он громко и отчетливо, с легким акцентом, который я не могу идентифицировать. – Мне доставляет огромное удовольствие видеть вас здесь сегодня вечером, вы станете свидетелями нашего следующего трюка с освобождением. Некоторые утверждали, что мои таланты сверхъестественны, но я уверяю вас, что они являются тайной, основанной только на мастерстве и атлетизме, без какой-либо помощи великого запредельного. Однако другие утверждения вызывают еще большую тревогу, чем утверждения о сверхъестественной помощи. Как многие из вас, возможно, знают, одни... личности... здесь, в Истборне, заявили, что я мошенник.

Он замолкает, когда по комнате разносится смесь свиста и смеха.

– Эти люди, очевидно, не верят словам вашей полиции, которая публично подтвердила, что я сбежал из их тюрьмы в прошлый понедельник. Эти люди настаивают, что высвобождение, свидетелем которого вы стали сегодня вечером, – это сценический трюк и ловкость рук. И они верят, что изобрели контейнер, который может поймать... великого Гудини.

Его взгляд скользит по первым нескольким рядам, пока он продолжает:

– Они бросили выз... – Он вздрагивает, когда его глаза проходятся по месту, где сижу я. Но больше всего меня смущает то, что он смотрит прямо мне в лицо. Он, кажется, даже не замечает медальона, несмотря на то, что он находится спереди и в центре моей, теперь почти открытой груди. Он пристально смотрит на меня в течение нескольких секунд, и его глаза ни разу не опустились на ключ ХРОНОСа.

Когда Гудини приходит в себя, он поднимает руки и смотрит на публику:

– Они бросили мне вызов, и я отвечу на него сегодня же вечером.

Освещение меняется, и двое мужчин вкатывают большую коробку в центр сцены. У молодого парня через плечо перекинут моток веревки. Гудини представил их как Корнуэлла и Сына, строителей, которые бросили вызов в газете, а затем сказал:

– Ни у кого, случайно, нет с собой молотка и гвоздей?

Все смеются. Примерно треть зрителей поднимает молоток.

– Превосходно! Жители Истборна всегда наготове.

Я воспринимаю это как сигнал отойти в сторону от сцены. Никто из остальных добровольцев еще не начал выстраиваться в очередь, но они начинают двигаться, когда это делаю я. Двенадцать человек следуют за мной, образуя стройную линию позади меня. Похоже, Кирнан был прав, полагая, что его взятка была излишней.

Гудини бросает на меня нервный взгляд и снова смотрит на толпу.

– Эта юная леди, кажется, очень нетерпелива. Вы уверены, что сможете забить гвоздь, мисс?

Зрители хихикают, но я только киваю и поднимаюсь по четырем ступенькам на сцену, пока у меня не сдали нервы.

Чисто логически я осознаю, что большинство людей в театре на самом деле не смотрят на меня. Почти все они следят за тем, как Корнуэлл и Сын связывают Гудини.

Но мой разум не полагается на логику, когда я нахожусь на сцене, и мое тело, кажется, начинает бастовать. Мне приходится напомнить своим легким втянуть воздух, но мои нервы находятся в полной боевой готовности. Я чувствую, как каждый взгляд в зале физически касается меня, ползает по мне, как муравьи по шоколадному батончику.

Пока мужчины завязывают последние узлы на веревках, Гудини кивает в сторону левой стороны сцены, где стоим мы.

– Я хочу поблагодарить этих зрителей, которые согласились помочь мне в этом испытании. Ваши сегодняшние действия помогут очистить мое доброе имя. Ибо два этих джентльмена ошибаются. Я не мошенник, не шарлатан, не фальшивка. Я тот самый, единственный, настоящий Гудини.

Как раз в тот момент, когда я гадаю, как он заберется в ящик со связанными ногами, молодой человек хватается Гудини за плечи, а старший – за ноги. Они поднимают Гудини и начинают опускать его в ящик. Как только он оказывается внутри, они тянутся к задней стороне коробки, за крышкой.

– Стойте! – У меня пересохло во рту, и это прозвучало как кваканье, поэтому я попыталась еще раз: – Подождите!

Мужчины останавливаются, держа крышку в полуметре над ящиком. Теперь все в театре действительно смотрят на меня.

Я сглатываю и бросаюсь вперед, роняя молоток и гвозди.

– Поцелуй! Я хочу поцеловать Гудини на удачу.

Публика теперь воет. Гудини сидит в ящике, его темные волосы и вдовий мыс делают его похожим на графа Дракулу. Он бросает взгляд в зал, где по внешнему проходу к сцене спешит грузный парень, вероятно телохранитель.

Но зрители явно ведутся на это – вероятно, это эдвардианский эквивалент девушки, бросающей свои трусики на сцену во время рок-концерта. И шоумен в Гудини одерживает верх над его чувством осторожности. Он качает головой, очень отчетливо, и телохранитель останавливается в трех рядах от сцены, все еще наблюдая за мной, но не приближаясь.

Затем Гудини улыбается толпе.

– Как же мне поступить?

Кто-то кричит:

– Поцелуй ее!

– Было бы очень невежливо с моей стороны отказаться, – говорит он и продолжает театральным шепотом: – Но только в щеку, дорогая. Моя жена смотрит.

Тут он определенно прав. Бесс стоит за кулисами и смотрит прямо на меня. Но ее взгляд направлен не на лицо. Она смотрит на ключ ХРОНОСа.

Слегка наклонившись вперед, я касаюсь губами щеки Гудини. Я убеждаюсь, что он видит сложенную записку, прежде чем засунуть ее в карман его костюма.

А потом я бегу со сцены, вниз по ступенькам и прямо по проходу к выходу. Как бы мне ни хотелось остаться и внести свой вклад в защиту прав женщин, но если я сейчас взмахну молотком, то промахнусь мимо гвоздя и разобью себе палец.

Улица теперь пуста, вероятно, потому, что большинство жителей и туристов находятся внутри ипподрома, наблюдая за Гудини. Я возвращаюсь туда, откуда мы пришли, к океану, ускоряя шаг, и потому, что там холодно и сыро, и потому, что я хочу, чтобы между мной и этой сценой было как можно больше расстояния.

Кирнан догоняет меня, прежде чем я успеваю отойти на целый квартал, и бросает мне кружевную накидку.

– Что ж, это было интересное зрелище.

Я ловлю накидку и натягиваю ее на плечи, не сводя с него глаз.

– Твоя проклятая записка попала к нему. Ты счастлив? Я ненавижу быть на сцене. *Ненавижу.*

– Серьезно? – Он выглядит искренне удивленным. Более того, на этот краткий миг он выглядит искренним. Он похож на того Кирнана, которого я знаю.

– Я ненавидела это с самого детства. А что, твоя Кейт никогда тебе этого не говорила?

Он не отвечает, заставляя меня задаться вопросом, может быть, его Кейт каким-то образом победила страх сцены. Может быть, она не запнулась на полуслове в той дурацкой пьесе... а может, тот ребенок вообще не заболел гриппом.

Очень редко случается, что я упоминаю что-то о себе, чего Кирнан еще не знает, и это явно застало его врасплох. И пока его маска опущена, я хочу получить кое-какие интересные меня ответы.

– Ладно, я свое дело сделала. А теперь твоя очередь. Чем ты занимался последние шесть лет? – Я борюсь с желанием добавить, что он должен начать с того, что превратило его в абсолютного придурка, но я решаю оставить это при себе.

– Ты еще не закончила, Кейт. Ты все еще должна убедить его отдать нам ключ. Это был заключительный акт шоу, поэтому тебе нужно добраться до отеля «Куинс» и...

– Ты хотел сказать, что *мы* должны добраться. Ты ведь идешь со мной, так?

– Нет. Как я уже говорил, он скорее отдаст его тебе, чем мне. Я уже столкнулся с его охранниками в Эдинбурге. Вот почему я сегодня держался подальше. Вот почему я ношу эти дурацкие усы.

– Я не думаю, что он пользуется ключом, Кирнан. Свет... он не исчезал, даже на мгновение, когда он освобождал себя за занавесом. И это ведь ты занимался изучением его личности. Если ты ожидал, что я сделаю это в одиночку, почему не привел меня раньше и не рассказал мне о нем побольше?

– У меня остается не слишком много времени теперь, когда я тройной агент. Ты знала, что Гудини скоро появится, так почему же ты сама не потрудилась его исследовать?

– Когда? Когда бы я это сделала, Кирнан? Может быть, у тебя и было шесть лет, но последние несколько дней все было как-то беспокойно. И да, для меня прошло всего несколько дней с тех пор, как мы были в парке Норумбега. Кроме того, я спала всего ничего с тех пор, как оставила тебя в Джорджии.

Я делаю глубокий вдох, собираясь продолжить свою тираду, но останавливаюсь и смотрю на него, складывая воедино кусочки того странного поведения, которое он демонстрировал с тех пор, как появился возле номера мамы в отеле. Есть только одна причина, по которой он так спешит. Ему нужна помощь, чтобы достать ключ, и он не хочет проводить со мной больше времени, чем это необходимо. Но почему?

Я знаю, что нам нужно забрать ключ Гудини, но я не могу полностью доверять Кирнану, пока не выясню, почему он ведет себя так странно. И я ни за что не пойду на эту встречу без дополнительной информации. Кирнан, похоже, убежден, что Гудини использует этот ключ. А я так не думаю. И еще мне хотелось бы знать, где и когда он раздобыл эту чертову штуку.

– И это все, что ты хотел мне сказать? Вся информация, которую ты хотел мне сообщить, прежде чем я отправлюсь одна на встречу с человеком, у которого, как ты говорил, есть вооруженные телохранители?

– Я буду поблизости...

– Чтобы сделать что? Подлатать меня после того, как его охранники застрелят меня?

Я бросаю на него напоследок сердитый взгляд и мчусь вперед, ныряя в переулок между двумя обветшалыми деревянными зданиями и дергаю за бархатную ленту на затылке. Мой ключ ХРОНОСа падает мне на ладонь. Когда я вывожу дисплей, я вижу, как Трей говорит по телефону в своем гостиничном номере и заказывает ужин. Сумка с ноутбуком лежит у его ног. Информация, которую я могу получить с помощью этого ноутбука, может быть, и не является непосредственным исследованием, которое проводил Кирнан, но поскольку он, похоже, не склонен делиться своей информацией, мне ничего больше не остается.

– Что ты делаешь? – спрашивает Кирнан.

Я проверяю время – 21:52, и щелкаю большим пальцем, устанавливая локальную точку.

– Спокойно. Я вернусь.

– Кейт...

Глава 7

«Парк-Плаза», Лондон

10 сентября, 21:14

Трей прерывает свой разговор с сервисом обслуживания номеров, пытаюсь подавить смех, когда появляюсь я. Он останавливается, увидев выражение моего лица, хотя я злюсь не на него.

Я не совсем понимаю, почему он смеется, пока не опускаю глаза и не понимаю, что все еще в дурацком вечернем платье 1905 года.

– Прости, – говорит он, хотя я не знаю, извиняется ли он передо мной или перед человеком, принимающим наш заказ.

Спустя несколько секунд он вешает трубку и улыбается.

– А ты быстро. Выглядишь очень мило. Но я не знал, что ужин будет официальным.

– Не будет. На самом деле у нас будет рабочий ужин. Я очень надеюсь, что у тебя есть запасная рубашка или пижама или что-то еще, потому что я не могу работать в этом ужасном платье.

Пять часов спустя у нас уже есть пополняющееся досье Гудини, подкрепленное различными онлайн-статьями, несколькими фан-сайтами и тремя электронными книгами, которые я скачала. Мы свернулись калачиком в нашей привычной позе на диване, и я счастлива обнаружить, что мы очень хорошо работаем как исследовательская команда, в которой я просматриваю материал на своем планшете, а Трей печатает и упорядочивает мои заметки на своем ноутбуке.

Я не читала те книги досконально, а просто просматривала их в поисках вещей, которые казались мне важными. В первой книге утверждалось, что Гудини был своего рода шпионом во время Первой мировой войны. Хотя я не была полностью убеждена в этом пункте, автор представил некоторые довольно веские доказательства в поддержку этого утверждения. Вторая книга рассказывала о дружбе Гудини с Артуром Конаном Дойлом, автором книг о Шерлоке Холмсе, и об их взаимном увлечении возможностью общения с умершими. Последняя книга на самом деле была написана Гудини, но я немного подозрительно отношусь к любой автобиографии, особенно написанной знаменитостью. Правда ли там описана или только то, во что Гудини, как артист, хотел бы, чтобы его обожающая публика поверила?

В разных источниках мы нашли три разные истории о том, как он встретил свою жену Бесс. Полдюжины рассказов, отличающихся в ключевых моментах, рассказывают о встрече с поклонницей, которая могла привести или не привести к смерти Гудини. И есть множество теорий о том, как ему удавались некоторые из его самых смелых трюков.

Единственное, что бросается мне в глаза, – это тот факт, что Гудини работал в Мидуэй-Плезанс на Всемирной Выставке 1893 года. Он не был хедлайнером, просто одним из множества подростков-фокусников. В зависимости от того, какому источнику верить, он либо выступал в составе «Братьев Гудини», либо был уличным фокусником, переодетым индусским факиром. Один источник говорит, что он, вероятно, делал и то и другое, работая на улицах целый день, а затем выполняя свой фирменный трюк «Метаморфоза» в рамках выступления «Братьев Гудини» по вечерам.

Трейд читает отрывок, на который я указываю, и отдает планшет обратно.

– Это может быть очередное совпадение, Кейт. Они правда случаются. Вспомни тот отрывок, который ты читала минуту назад о Гудини и этом Гарри Келларе. Почти такое же имя, что и у твоего отца, но здесь нет никакой связи. Просто они оба носят разные версии довольно распространенного имени. Как ты уже говорила, Выставка привлекла огромное количество артистов. Все, кто мог позволить себе поездку в Чикаго, отправились туда, потому что там у них было бы больше шансов заработать деньги в условиях жесткой экономики.

Я неохотно киваю. Он прав, но...

– А еще это была отличная приманка для тех, кто путешествовал с ключами ХРОНОСа, – спорю я. – В основном Кэтрин и Сол, но Кэтрин сказала, что там обучались еще несколько агентов ХРОНОСа, как в ее время, так и ранее. А еще ведь есть люди ХРОНОСа следующего поколения. Я тоже была там. Кирнан тоже был там. Как и его отец, и Пруденс, и Саймон. Я думаю, может быть, кто-то потерял ключ. Это самый логичный ответ на то, как он оказался в руках Гудини.

– Значит, Гудини нашел его? И он просто оказался одним из немногих людей на земле, кто унаследовал ген, позволяющий ему использовать его? Не знаю. Мне верится в это меньше, чем в то, что Гудини мог быть потомком одного из застрывших агентов ХРОНОСа. Или, может быть, кто-то из историков ошивался с мамой Гудини или его бабушкой и она стащила у него запасной ключ на память?

По-моему, это звучит безумно, но он прав. Это не более безумно, чем если бы кто-то потерял ключ на Всемирной Выставке, а Гудини просто случайно унаследовал ген, который позволил бы ему использовать его.

– У настоящих агентов ХРОНОСа не было запасных ключей, – говорю я. – Я помню, как Кэтрин вся искорежилась, узнав, что у меня было два ключа, когда мы застряли в гостиничном аду. Так что если кто-то и потерял запасной ключ, то это был один из их потомков.

Я отодвигаю поднос с остатками нашего ужина в сторону, чтобы поставить компьютеры на кофейный столик. Затем я кладу голову на плечо Трея. Уже почти два часа ночи, и недостаток сна бьет по нам.

– Думаю, что на самом деле не имеет значения, как и где Гудини получил ключ. Если только я не планирую вернуться и помешать ему получить его. А я не планирую. Было бы почти невозможно точно определить дату или место, особенно если он не нашел ключ на Выставке. Но я хочу проверить библиотеку Кэтрин, прежде чем делать что-то еще. Проверю, изменилось ли что-то во временных линиях.

– Значит, план Кирнана встретиться с ним в Истборне все еще имеет смысл, верно?

– Да, – признаю я, – но я ни на секунду не поверю, что Гудини отдаст ключ без боя. У этого парня есть телохранители, во множественном числе. Я не собираюсь ни в кого стрелять, чтобы забрать ключ, а Кирнан не будет присутствовать на встрече, так что...

– Почему не будет?

– Он говорит, что они его узнают. Что у нас будет больше шансов получить ключ, если я отправлюсь одна.

Трей вскидывает брови:

– Но ты ему не веришь.

Я пожимаю плечами:

– Возможно, Кирнан и прав. Он уже несколько недель вертелся у них перед носом. Сегодня вечером он носил какие-то дурацкие усы в качестве маскировки и прятался в дальней части театра, поэтому я думаю, что он пытается избегать людей Гудини, которые связывают меня с ним. Но... просто... – я выпускаю долгий вздох разочарования. – Я не могу точно сказать, но что-то не так, Трей. Он теперь другой. Не просто взрослый, а... абсолютно другой.

– Значит, ты думаешь, Кирнан уже не тот? Думаете, это какая-то другая версия его, из какой-то другой временной линии, или?..

– Думаю, что это вполне возможно, но нет, я не считаю так. У него на лбу такой же шрам... то есть теперь он постарел и выцвел, но на том же месте. Дело скорее в том, что он изменился в характере.

Я пытаюсь придумать какой-то способ выразить это дипломатично, таким образом, чтобы не задеть чувства Трея, но я устала, и ничего такого не приходит в голову, поэтому я просто выпаливаю это:

– Он был влюблен в меня, Трей. Это было очевидно во всем, что он делал и говорил, в том, как он смотрел на меня. И хотя я рада, что он остыл, мне кажется, будто он просто не может находиться рядом со мной. Как будто он ненавидит меня.

Трей качает головой.

– Нет. Я не заметил ничего подобного. И на случай, если ты не заметила, я был очень внимателен, когда он был рядом. Я думаю, что более очевидным объяснением является то, что ему было неприятно видеть меня здесь, в Лондоне, с тобой. Может быть, он отталкивает тебя, чтобы не навредить еще больше.

Я обдумываю это, и на первый взгляд, Трей, возможно, прав. И все же я не могу избавиться от ощущения, что происходит что-то более значительное. Я просто надеюсь, что не то, о чем думает Джулия.

– Ладно, – говорит Трей, – достаточно о Кирнэне. Когда вы встречаетесь с Джулией?

– Завтра утром. В девять часов вечера. – Мой голос очень ясно передает отсутствие энтузиазма.

– Я бы с удовольствием поехал с тобой, если бы не тот факт, что я буду где-то за Атлантикой, – говорит он. – Мой рейс вылетает в восемь тридцать, и даже с учетом разницы часовых поясов я все равно не приземлюсь раньше полудня.

– Ты не успеешь поспать. И даже если бы ты вернулся во времени, они дали мне только координаты. У меня нет физического адреса. Но я постараюсь сделать так, чтобы с этого момента ты был включен.

– А что насчет Тилсона?

– Я не знаю, будет ли он на собрании или нет. Все, что я знаю, это то, что у Джулии было его имя, а также имя Шарлейн, и она сказала, что втянула их в группу, чтобы я чувствовала себя в «безопасности и уюте».

– Нет. Мне было интересно узнать про образец. У тебя была возможность поговорить с Кэтрин и Коннором о том, чтобы передать его ему?

– Забыл? И у стен есть уши. Наши компьютеры тоже могут прослушиваться. Скоро нам придется прибегнуть к запискам.

– Жаль. Я видел твой почерк. – Я толкаю его локтем в ребра, и он смеется. – Просто... скажи Кэтрин и Коннору, что я не даю на Тилсона. Я не давал ему никакой конкретной информации о том, что нам нужно. Я думаю, ему можно доверять... ну, ты ведь слышала его на барбекю... – Он качает головой, и я понимаю, что его беспокоит двойственная память.

– Да. А еще не слышала его... Давай просто постараемся не думать об этом.

– Я согласен. В любом случае, я хочу сказать, что если Тилсон работает с Джулией, и ты решишь, что не доверяешь ей...

– Что тогда? Мы поместим объявление в газете: «*Требуется ученый для анализа опасного вещества. Кирнэнам не беспокоить*»? – Зевнув, я закрываю лицо руками и прижимаюсь к изгибу между его плечом и грудью, который, кажется, специально создан для моей головы. – Ты был прав, когда позвонил Тилсону. Он наш лучший вариант. И если он говорил тебе правду о нашей встрече в 1990-х годах, то я почти уверена, что жребий уже брошен.

* * *

Бетесда, Мэриленд

10 сентября, 21:00

Я проснулась несколько минут назад на диване в гостиничном номере Трея, с головой на подушке, а не на его груди. Должно быть, мы уснули прямо там, потому что кровать осталась нетронутой, если не считать пропавшей подушки. Я смутно помню, как он встал, но это все. К стакану с водой на кофейном столике была прислонена маленькая записка:

Не хотел будить тебя, но пришлось уехать рано, чтобы успеть на первый рейс обратно в Вашингтон. Люблю тебя. Позвоню, когда приземлюсь. Трей.

Итак, я взяла платье, которое надевала на ипподром, и переместилась с 8:22 утра по лондонскому времени обратно в 9 вечера прошлой ночи, по времени Бетесды, мечтая, чтобы и Трей мог отправиться тем же самым коротким путем.

Меня так и подмывало вернуться к утру, чтобы у меня было такое же расписание, как и у всего остального мира. Но мне нужно поработать пару часов, прежде чем я встречу с Джулией, и я бы предпочла прийти вовремя. Если она находится в поле действия ключа, останутся ли у нее двойственные воспоминания, если я сначала пропущу встречу, а потом вернусь назад, чтобы все-таки быть с ней? Я не уверена, но от одной мысли об этом у меня так сильно болит голова, что я предпочла бы просто избежать этой проблемы, если это возможно.

Я переодеваюсь из одежды, которую одолжила у Трея, и иду по коридору в библиотеку. Комнату заливают густой голубой свет, исходящий как от ключей в центре, так и от трубок, идущих вверх по стенам между книжными полками. Я не знаю, как это работает, но эта хитроумная конструкция Коннора держит ключи в состоянии постоянной активации и увеличивает поле ХРОНОСа, поэтому теоретически мы в безопасности без ключа в любом месте дома и большей части двора. Я говорю теоретически, потому что теперь это скорее резервная система. Я не снимаю ключ даже в душе и подозреваю, что Коннор и Кэтрин делают то же самое. Устройство здесь, в библиотеке, издает слабый гул, который я редко замечаю, если только в комнате не тихо, как сейчас. Этого достаточно для Дафны, чтобы она держалась подальше, несмотря на то, что под стулом у Коннора всегда полно вкусных крошек.

Сейчас Коннор сидит за компьютером, пристально глядя на экран. Он был в наушниках, поэтому не слышал, как я вошла. Я почти уверена, что он играет в одну из своих игр, пока я не подхожу ближе и не вижу таблицу, на которую он смотрит.

Я бросаю вечернее платье 1905 года на стул рядом с ним. Он поднимает глаза и снимает наушники:

– Ты решила немного пройтись по магазинам в Лондоне?

Я криво улыбаюсь ему:

– Разве это похоже на то, что я бы купила? Это выбрал твой прадед. Мне просто нужно, чтобы ты спрятал это вместе с другими костюмами на время, – я киваю в сторону экрана. – Что это?

Он немного отодвигается в сторону, и я придвигаю стул Кэтрин, чтобы лучше видеть.

– Это обновленная... ну, частично обновленная версия электронной таблицы, которую отец Трея составил вместе с резюме различных финансовых холдингов киристов. Это все... немного вводит в ступор.

– Как так?

– Ну, существование этого... – Коннор замолкает. Он просто смотрит на меня в течение минуты, а затем бормочет проклятие себе под нос. – Пойдем. Мне нужно подышать воздухом.

Я озадаченно смотрю на него и иду за ним вниз, через кухню.

Когда я вижу дверь во внутренний дворик, до меня доходит мотивация Коннора – он не может говорить из-за подслушки.

Я иду за ним на задний двор. Я все еще босиком, и трава мокрая, поэтому я предполагаю, что у нас недавно шел дождь. Качели на скамейке тоже покрыты каплями. Коннор вытирает сиденье подолом рубашки, и мы плюхаемся на него.

– Ну, просто заноза в заднице, – тихо произносит он. – Я заказал кое-что, что будет противодействовать любым обычным средствам, которые они используют для наблюдения за домом. Утром я проверю почтовый ящик и посмотрю, не пришло ли письмо. В любом случае... вот, что я хотел сказать. Существование этой Пятой Колонны заставляло меня надеяться, что «Кирист Интернэшнл» станет слабее. Что они должны были делать что-то изнутри. Я имею в виду, что это своего рода задача Пятой Колонны, верно?

Я киваю, и он продолжает:

– Но насколько я могу судить, киристы теперь сильнее, чем когда-либо. Я бы сказал, наверное, на десять процентов, с точки зрения числа последователей, и, может быть, на двадцать процентов богаче. Их доходы в настоящее время превышают ВВП некоторых стран – причем стран приличного размера. В отличие от многих других религий, это богатство сконцентрировано на центральном уровне.

– И ты задаешься вопросом, почему это все еще так, даже с Пятой Колонной?

– Нет, – говорит он. – Мне интересно, почему все стало хуже, чем раньше. Я не очень понимаю все это, – он пожимает плечами. – Как бы то ни было, я так понимаю, ты нашла свою маму? И Трей нашел тебя?

– Да, и то и другое. Но ситуация с мамой очень сложная. Где Кэтрин?

– Она легла спать пораньше, но я сомневаюсь, что она уже уснула. Я пойду и приведу ее, – он поднимается с качелей. – Кофе готов, если хочешь. Как раз то слабое девчачье пойло, которое, кажется, так нравится тебе и Гарри.

Я фыркаю, следуя за ним.

– Оно вовсе не легкое. Мы просто предпочитаем что-нибудь такое, что не проест дырку в кружке.

Через десять минут я снова качаюсь на качелях со своим кофе и банановым маффином, который уже немного почерствел, но я голодна и не хочу больше ничего искать. Дафна вприпрыжку бежит через лужайку, за ней следуют Кэтрин с Коннором, несущим пару стульев из патио.

Дафна кладет свою голову мне на колени на пару с влажной, покрытой травой лапой, поэтому я решаю немного погладить ее, лишь бы не смотреть на Кэтрин. Это уже второй раз за последние несколько дней, когда я возвращаюсь с задания с чувством неудачи – сначала, не сумев получить ключи от Эйбела и Делии, а теперь, не убедив маму вернуться в Вашингтон. Я могу только надеяться, что из этой тучи тоже пробьется луч солнца, хотя комментарий Коннора о нынешней мощи «Кирист Интернэшнл» заставляет меня задуматься, были ли у нас вообще лучи солнца.

Вся эта история с Пятой Колонной может оказаться ловушкой. Может быть, это Джулии нельзя доверять, а не Кирнану? А может быть, я вообще никому из них не могу доверять.

Я решаю не думать об этом пока. Кэтрин сидит напротив меня, держа на коленях планшет и дневник с моей встречи с Джулией, а также какие-то бумаги и зеленую папку с надписью: «*Домашнее задание Кейт*», нацарапанной на лицевой стороне почерком Коннора. Это

вызывает легкую улыбку на моих губах, но она быстро исчезает, когда я снова смотрю на лицо Кэтрин.

– Итак, – говорит она, – когда Дебора возвращается домой?

– Я ей все рассказала. Она не вернется.

Выражение лица Кэтрин почти не меняется, но я вижу, как слабый огонек надежды в ее глазах гаснет.

– Она не настроена против нас. Просто... мама считает, что там, с Пруденс, от нее будет больше пользы, чем здесь. И возможно, она права.

Следующие несколько минут я рассказываю о событиях в офисе Джулии в Лондоне, о своем кратком путешествии в 1905 год и о странном поведении Кирнана.

Кэтрин, которая все это время молчала, наконец заговаривает, когда я перехожу к части о Кирнани:

– Ты все еще ему доверяешь?

– Я... хочу доверять ему. И мне кажется, что в глубине души я доверяю. Тебе удалось вывести видео Делии из дневника?

Кэтрин слегка смущенно качает головой и протягивает мне планшет и дневник:

– Я пыталась, но... думаю, лекарства мешают. А может, и сам Фред.

– Фред?

– Опухоль. Я назвала его в честь раббину, который был у меня в детстве. Как и эта опухоль, он был злобным маленьким дьяволом, склонным кусаться.

Окей. Мне нечего на это ответить, кроме как спросить, что такое, черт возьми, это «раббину». Поскольку этот вопрос, похоже, уведет нас в сторону от обсуждаемой темы, я просто киваю.

– Без проблем. Я просто подумала, что ты могла бы уловить что-то, чего не уловила я, но сообщение было довольно простым. Делия сказала, чтобы я доверяла своему сердцу, когда дело касается Кирнана. Джулия обвиняет его в смерти своего сына, отца Макса, поэтому у нее немного предвзятое отношение. И Трей думает...

Я делаю паузу и смотрю на Кэтрин, не зная, как она отреагирует на то, что я приплетаю его оценку ситуации. Но она просто смотрит на меня, слегка приподняв брови, ожидая продолжения.

– Трей считает, что мы можем ему доверять. Он говорит, что наблюдал за Кирнаном все то время, пока мы пили чай с Пруденс, и он не верит, что Кирнан сделает что-нибудь, чтобы навредить мне. И да, эти выводы основаны только на одной встрече, но...

– Если у кого-то и был стимул не доверять Кирнану, так это у Трея, – говорит Коннор. – И он будет хорошим судьей в этом деле, лучше тебя, Кейт. Трей не сравнивает Кирнана с тем, что был раньше. Он видит только то, что есть сейчас, то, что видно глазу теперь. – Он комкает свой пустой пакет из-под чипсов и засовывает его в карман. – Я, наверное, тоже не лучший судья, потому что мне очень не хочется возвращаться к мысли, что мой прадед был... или есть... козел. Поэтому я надеюсь, что Трей прав.

– Ну, тогда, – говорит Кэтрин, – что дальше? Ты собираешься вернуться в Истборн, чтобы забрать ключ Гудини?

Вообще-то я еще не решила, поэтому сверлю взглядом мотыльков, кружащих вокруг фонаря у гаражной двери, и на мгновение задумываюсь. Возможно, Трей прав и я должна доверять внутреннему голосу, который говорит мне, что Кирнан все еще на нашей стороне. Но мне нужно больше информации о том, что происходит с Пятой Колонной, прежде чем я снова встречу с ним. И я думаю, мне нужно еще немного времени, чтобы осознать, что он больше не тот человек, которого я знала, будь то друг или враг. И эта задержка не будет иметь никакого значения для Кирнана, потому что я вернусь в тот же самый момент, когда ушла. Он не стоит

где-то на тротуаре, ожидая моего появления, хотя какая-то часть меня вполне приняла бы и это. Посмотрим, понравится ли ему быть тем, кого оставили в неведении.

– Пока нет, – отвечаю я. – Дождусь встречи с Джулией. Прежде чем отправиться, я хочу покопаться в кое-каких файлах в библиотеке. О Гудини из предыдущих временных линий.

Кэтрин сжимает губы в тонкую линию.

– Думаешь, Джулия узнает, что ты не сдержала обещания насчет Лондона?

– Я не знаю. Она уже и так на меня сердится. Думаю, она верила, что мы просто отдадим ей все ключи, которые мы собрали. На видео Делия сказала, что у них только один, поэтому я думаю, что это тот, который был у Макса прошлой ночью. Скажем так, Джулия не очень обрадовалась, когда я сказала ей, что мы уничтожили большую часть из них.

Коннор собирается что-то сказать, но тут из кармана его рубашки раздается какой-то звук. Спустя мгновение я узнаю в нем мелодию из «Челюстей». Он достает телефон, смотрит на экран, хмурится и кладет его обратно.

– И что это было? – спрашиваю я.

– Новостное оповещение, которое я настроил на случай, когда в прессе появляется событие, связанное с киристами. Ничего особенного – очередное назначение на должность судьи, выдвинутое Паттерсон, подтвержденное Сенатом. А что я собирался сказать?

Мы с Кэтрин качаем головами, и тут Коннор вспоминает:

– О! Медальон. Я сохранил два запасных, как и обещал, если ты думаешь, что Джулии будет лучше находиться под защитой ключа. А еще это будет предложением мира на случай, если она разозлилась.

– Неплохая идея. Но если она знает про Лондон и злится, значит, она злится. Врать ей, может быть, и не лучшее решение для начала, но она практически похитила меня прошлой ночью, поэтому она тоже вела себя не лучшим образом. Или, может быть, это просто ее обычное поведение. Трудно сказать, ведь я почти ничего о ней не знаю.

– Я думаю, что смогу тебе помочь, – говорит Коннор, забирая папку с документами и другие предметы, которые Кэтрин держит в руках. – Ты можешь прочитать все досье, но в целом Джулия Моррелл Уотерс – большая шишка. Была контактным лицом киристов по связи с правительством в двух президентских администрациях до Паттерсон, которая сейчас на своем втором сроке, кстати. Одержала верх над предшественником с первой попытки на выборах, и не была разгромлена. Уотерс входит в совет директоров полудюжины фондов и часто выступает на слушаниях в Конгрессе. Она также была послом во время первого срока Паттерсона, но сейчас она на пенсии.

Я открываю папку и достаю фотографию Джулии, сидящей перед американским флагом. Натянута полуулыбка – единственная трещина на ее обычно каменном лице.

Я смотрю на фотографию и снова чувствую приступ тревоги. Я решаю сказать об этом и узнать, что подумают Кэтрин и Коннор.

– Вот что меня беспокоит. Джулия... она не кажется мне хорошим человеком. Даже ее собственная мама отчасти признавала это. Вы читали отказ от ответственности, который я должна подписать, по ее мнению? Зачем было включать пункты в защиту «Кирист Интернэшнл»?

– Может быть, это была просто стандартная форма? – предполагает Коннор. – Которой она пользовалась много лет и просто забыла стереть упоминание о киристах? Ты ведь не подписывала его, верно?

– Нет! И не собираюсь этого делать. Я не собираюсь записываться в ее частную армию, и это не какая-то работа. Я просто не могу не задаться вопросом, есть у этого какие-то корни. Может быть, она продалась? Может быть, вся эта Пятая Колонна – ловушка?

– Может быть, – говорит Коннор. – Хотя было бы очень, очень глупо с ее стороны оставлять упоминание о «Кирист Интернэшнл» прямо в этой юридической чепухе, если она и правда

работает на них, не так ли? Она должна была бы догадаться, что это заставит тебя насторожиться.

– Это верно, – говорит Кэтрин. – Хотя это и меня настораживает. – Она берет у меня фотографию Джулии и смотрит на нее так же, как и я, словно распечатка фотографии размером 10 на 15 сантиметров может дать возможность заглянуть в душу этой женщины.

Через мгновение она качает головой и протягивает ее обратно мне.

– Давай посмотрим на это с другой стороны. Если эта Пятая Колонна – ловушка, то что же нам остается? Из того, что мне рассказал Коннор, следует, что киристы сильнее, чем когда-либо, и у нас нет других союзников. Не имеет значения, попадем ли мы в ловушку или будем ждать, пока они сами не нападут на нас. В любом случае, это полная лажа.

Это настолько не похоже на Кэтрин, что я подавилась кофе, пытаюсь сдержать смех. А Коннор даже не потрудился сдержаться.

– Что? – спрашивает Кэтрин. – Вы не согласны?

– Нет, – говорит Коннор, все еще улыбаясь. – Ты совершенно права. Если это и правда ловушка, то это в значительной степени подводит итог.

– Тогда с какой стати тебе так смешно? – Она качает головой и смотрит на нас, прежде чем встать и направиться обратно в дом. – У вас очень странное чувство юмора.

Коннор не следует за ней. Его улыбка очень быстро исчезает, и я вижу, что его что-то беспокоит.

– Что такое?

Он качает головой, но включает планшет.

– Я сохранил резервную копию всего этого, поэтому ты можешь вернуть их планшет. Разумеется, с дневником я ничего не мог поделать.

Как только появляются значки, он щелкает, открывая временную линию.

– Скорее всего, здесь ничего особенного. Я просто думал об этих датах – те, что помечены как «Дедлайн»... Сначала 2024 год, потом 2025-й и 2034-й. Я думаю, что это, вероятно...

– Они думают, что Сол, скорее всего, проведет Отбор в эти даты.

– Да, – Коннор кликает, открывая временную диаграмму. – Поэтому я заинтересовался этими зачеркнутыми датами – когда они зачеркнули их и почему. И как бы сильно я обычно ни ненавидел эту функцию отслеживания изменения, на этот раз она действительно была полезна. Первые две даты, должно быть, уже были зачеркнуты до того, как они включили отслеживание изменений, но последние две правки гораздо более поздние.

Он переходит в панель обзора и меняет ее настройки с «*Конечный документ*» на «*Конечный, показать исправления*», и несколько маленьких кружков всплывают на полях. Некоторые из них розовые и помечены, как ДМУ. Остальные зеленые и помечены, как КПК.

– Я использовал твои инициалы – говорит Коннор. – Чтобы она не узнала, что твою домашнюю работу выполнило третье лицо.

Два из этих изменений касаются блока «Дедлайн». Одно из них, сделанное ДМУ, – зачеркивание даты 2034. Коннор нажимает на этот кружок, и появляется дата, когда была сделана правка, – три дня назад, как раз перед моей встречей с Джулией.

Однако второй кружок намного более интересное. Он был отредактирован ДМУ в то же самое время, но вместо четырех вопросительных знаков, которые теперь красуются в блоке, он когда-то содержал конкретную дату: 12252015.

Я бросаю на Коннора нервный взгляд:

– Сол не может воспользоваться ключом. И из всего, что я видела, я правда думаю, что он хотел бы лично лицезреть свою работу. Может быть, Джулия убрала эту дату, потому что поняла, что он не мог запланировать Отбор так скоро.

Коннор, должно быть, слышит в моем голосе нотки надежды, потому что его взгляд смягчается:

– Возможно. А может быть, она боится, что он случится раньше.

* * *

Коннор и Кэтрин ложатся спать около одиннадцати, а я провожу следующие несколько часов в библиотеке Кэтрин, просматривая книги и файлы, защищенные полем ХРОНОСа. Нашла немало информации о жизни Гудини в докиристской временной линии, большая часть которой идентична той, что мы с Треем нашли вчера вечером в Интернете. Единственное, что заметно отличается, – это описание книги о дружбе Гудини и Артура Конан Дойла. У Кэтрин нет настоящего экземпляра, только рецензия, опубликованная в историческом журнале, но в ней упоминается ссора между Гудини и Дойлом, которая разрушила их дружбу. Это предположительно ключевой момент книги, а я уверена, что в статьях, которые я просматривала вчера вечером, говорилось, что они были очень близки до самого конца.

Все остальное время я провожу, изучая файлы, собранные Коннором. Он ничего не нашел о Пятой Колонне в связи с киристами, только общие упоминания о пятых колоннах в различных войнах и в некоторых сериалах об инопланетянах. Ходит несколько слухов об антикиристском альянсе внутри правительства, но в основном на сайтах теории заговора, наряду с историями, утверждающими, что высадка на Луну была фальшивой, НЛО контролируют наш разум с помощью микроволновых сигналов, а иллюминаты контролируют все остальное.

Я открываю файл «4», Википедию Мега Будущего, и начинаю читать раздел с названием 2100–2199 (*Правительство*):

В начале века правительство США, как и большинство государств во всем мире, все еще имело дело с последствиями 2092 года. Попытки восстановить разрушенные союзы...

Я отрываю взгляд от экрана. Возможно, это влияние Кэтрин, но чтение этой информации кажется изначально неправильным и спойлерным, особенно когда она была так непреклонна в том, что мне не нужно знать о том, что произошло в 2092 году. Я подожду, пока не узнаю наверняка, что предлагает Джулия, прежде чем открыть этот ящик Пандоры.

А возможно, мой уставший мозг просто искал предлог, чтобы задремать. Мой телефон вибрирует на ночном столике в четверть восьмого, пробуждая меня от трехчасового сна. очередное сообщение от Шарлейн, напоминающее мне о нашей встрече стажеров в девять. Почему она так скромничает теперь? Если кто-то следит за нашими переписками, то ее предыдущее сообщение, приветствующее меня в Пятой Колонне, уже разоблачило нас.

Интересно, как много изменилось для нее в этой временной линии?

Мои воспоминания о барбекю в Кэррингтон Дэй определенно двойственны. В основном я помню разговоры с Шарлейн и доктором Тилсоном, который был в бешенстве, узнав, что его вечеринка по поводу выхода на пенсию проходит в киристском центре. Но какая-то крошечная часть моего мозга настаивает, что мы никогда не были на этом барбекю.

То же самое касается и моего первого дня в школе. Я помню одну версию, где мы с Шарлейн разговаривали между уроками и за обедом. И еще одну, где я увидела Шарлейн, болтающуюся около маленькой компании Евы, разговаривающую с девочками, которых она называла евистами.

А какую версию помнит Шарлейн? Изменения, которые привели к появлению Пятой Колонны, похоже, происходили постепенно, на протяжении десятилетий, поэтому я не понимаю, как она вообще может помнить меня, если только она не была под действием поля ХРОНОСа.

Единственное, что я знаю наверняка, это то, что не получу ответы, сидя здесь. Я плеснула немного воды в лицо и нашла чуть менее мятую одежду.

Я роюсь в своем ящике в поисках подходящих носков, когда чувствую безошибочный пинок в живот от временного сдвига. Падая вниз, я хватаюсь за край ящика. Раздается слабый щелчок, и ящик падает за мной, а носки дождем высыпаются мне на голову.

Комната наконец перестает вращаться, и я больше не чувствую, что меня сейчас вырвет прямо на ковер. Я приподнимаюсь и прислоняюсь спиной к краю кровати.

Этот сдвиг был гораздо сильнее остальных, во время которых я даже не находилась под полем ХРОНОСа. Что же могло вызвать такой мощный сдвиг во времени?

– Кейт? – Коннор стучит в дверь. – Ты в порядке?

– Да. Ты это почувствовал?

– Приступ боли. Я решил, что дело в испорченном буррито на завтрак, но оно ударило и Кэтрин с огромной силой. Я заставил ее лечь и сказал, что зайду проведать тебя.

Я поднимаюсь и открываю дверь:

– Мне уже лучше. Но да, это было жестко. – Мои глаза неохотно скользят в сторону библиотеки. – Я даже не знаю, хочу ли знать, чем это вызвано.

К сожалению, мое желание блаженного неведения исполняется. Спустя час мы все еще не имеем понятия. Даже автоматизированная программа Коннора, которая отслеживает расхождения истории и новостей онлайн с данными из защищенных файлов здесь, в библиотеке, не находит никаких аномалий.

Кэтрин отодвигается от компьютера, протирая глаза:

– Единственный логический вывод в том, что результат того, что встряхнуло временную линию, еще не наступил. Курс действий уже намечен, но реальные изменения пока не проявляются.

– Как... разве это возможно? То есть как мы могли бы это почувствовать, если бы сдвиг был вызван изменениями, которые еще не произошли?

– Потому что кто-то дал начало последовательности событий. То, что мы чувствовали, было... – Она замолкает, будто подыскивая нужное слово, а затем смотрит на Коннора с кривой улыбкой: – Не хочешь мне помочь?

– Я попытаюсь, – говорит он. – То, что мы чувствовали, – это передвижение нашего поезда времени. Который, возможно, сменил несколько путей. Они все ведут в одном направлении, так или иначе. Только на пути, по которому мы сейчас едем, где-то дальше стоит цементная стена. Мы еще не врезались в стену, нам даже не видно ее пока, но ключи ХРОНОСа обнаружили нарушение. Вот почему мы почувствовали этот сдвиг... и почему Кирнан, например, вероятно, также почувствовал это в то же самое время, с нашей точки зрения, даже если он находится в 1905 году или неважно где. Теперь понятно?

Я отвечаю «нет» в тот же самый момент, когда Кэтрин говорит «да», и они поворачиваются, глядя на меня.

– Ну, мне ничего не понятно! Я поверю Коннору на слово, но не стану лгать и говорить, что понимаю его. Так... вы хотите сказать, что нам нужно найти способ остановить поезд, прежде чем он ударится о стену?

– Ну, нет, – говорит Кэтрин. – Ты не можешь остановить время. Он будет продолжать катиться дальше. Ты просто должна подтолкнуть поезд обратно на верный путь.

Просто?

Глава 8

Штаб Пятой Колонны

11 сентября, 9:00

Шарлейн вздрагивает, когда появляюсь я, а потом улыбается. Это больше похоже на улыбку в стиле «Приятно познакомиться», чем на «Я рада, что ты вернулась», а значит, я уже получила свой ответ. Шарлейн не была под действием поля ХРОНОСа, и нам придется начать с самого начала. Снова.

– Ты ведь Кейт, верно? – Шарлейн закатывает свои карие глаза, выглядя смущенной. – Ладно, это было глупо. Конечно же, ты Кейт. Ты просто застала меня врасплох. Я только один раз видела это появление-из-ниоткуда, когда Макс... вот дерьмо, – она понизила голос. – Только не говори ему, что я тебе это сказала, ладно? Я не думаю, что должна была увидеть это, и он... ну... – она улыбается и вздыхает. – Я не хочу, чтобы Макс злился на меня.

Я не могу сдержать улыбки в ответ. Эта Шарлейн даже не знает меня, и ей все равно потребовалось меньше десяти секунд, чтобы рассказать о каком-то парне, в которого она влюбилась. Приятно, что некоторые вещи остаются неизменными в любой временной линии.

– Джулия должна была встретиться с тобой, но что-то произошло. Меня зовут Шарлейн, – она протягивает руку с татуировкой в виде розового лотоса, все еще красующегося на тыльной стороне. Однако она одета в джинсы и футболку, поэтому, возможно, эта версия немного ближе к моей бывшей лучшей подруге.

Когда я отпускаю ее руку, она припечатывает ее к лицу:

– И это тоже было глупо. Я читала все твое досье, поэтому знаю, что ты уже знаешь меня... ну, по крайней мере, меня ДПК.

– Все в порядке. Я уже начинаю привыкать к тому, что люди меня забывают. А что такое ДПК?

– До Пятой Колонны. Так Бен это называет. А еще есть ДКИ – До «Кирист Интернэшнл» – но даже Джулия не может вспомнить эту временную линию.

– Бен? Ты имеешь в виду Бенсена?

Ее брови взлетают вверх.

– О! Ты знаешь и Бена? Этого не было в досье.

– Ты познакомила нас в прошлой временной линии. В Браяр-Хилл.

– Ладно. Я сделаю заметку. И... ты не могла бы не говорить Бену, что я упомянула Макса? На самом деле он меня не интересуется, просто он очень горячий, понимаешь?

Я киваю, хотя Макс не подходит под мое определение горячего. Однако Шарлейн, похоже, требуется немного больше уверенности, чем кивок, потому что она смотрит на меня умоляющим взглядом.

– Макс практически женат, и в любом случае я слишком сильно люблю Бена, чтобы позволить ему ревновать.

Я стараюсь держать рот на замке, но это требует сознательного усилия, потому что мне трудно представить себе Шарлейн и Бенсена как пару. То есть я не думаю, что это плохо. На самом деле склонность Шарлейн быть абсолютно поверхностной в выборе бойфрендов (включая тех, кого она пыталась выбрать для меня) была одной из немногих вещей, которые меня раздражали. Но даже если это был недостаток, то это был ее недостаток, который я научилась

принимать. Часть ее. К концепции Шарлейн, которая влюблена в хорошего, умного, милого, но абсолютно не горячего парня, придется привыкать.

Мое слегка ошеломленное выражение лица явно обеспокоило Шарлейн, поэтому я пытаюсь успокоить ее:

– Я никому не скажу. Нет ничего плохого во взгляде, верно? Но разве вы с Беном не должны быть в школе?

Технически я тоже должна быть в школе, но у них нет ключа ХРОНОСа, который позволит им вернуться назад и наверстать упущенные дни, если и когда жизнь вернется в нормальное русло.

– Хм... это имеет первостепенное значение. – Ее тон повышается в конце, будто это вопрос, и она недоверчиво смотрит на меня. – Мы все очень долго готовились к этому дню.

Окей. Я правда не знаю, что сказать на это, поэтому просто слабо улыбаюсь в ответ и слеую за ней, когда она начинает пробираться через лабиринт пустых кубиклов к концу комнаты.

– Остальные ждут в четвертом конференц-зале. Не хочешь чего-нибудь выпить, прежде чем мы присоединимся к ним? Содовая, вода? В досье сказано, что ты тоже любишь кофе, но я не думаю, что тебе понравится тот, что есть здесь. Он просто ужасен.

– Если у вас есть диеты...

– «Доктор Пеппер»? – спрашивает Шарлейн с сияющей улыбкой.

– Да. Это тоже было в моем досье? – Я стараюсь говорить так, будто мне слегка любопытно, а не слегка страшно, но она выглядит немного виноватой, поэтому я, должно быть, потерпела неудачу.

– Мне очень жаль. Это должно быть очень странным для тебя. Ты все еще хочешь содовой?

– Конечно.

Мы проходим еще через несколько рядов кубиклов к комнате отдыха в задней части здания. Шарлейн открывает холодильник, берет мне содовую и бутылку воды для себя и указывает на выход, где прямо над дверью висит резной символ киристов. Он представляет собой странный гибрид анха и креста, с цветком лотоса в середине и знаком бесконечности, добавленным ради разнообразия.

Неприятности, как правило, случаются со мной в зданиях, отмеченных этим символом.

– А где именно мы находимся, Шарлейн? Макс дал мне только координаты. Я даже не знаю, что это за город.

– Официально это офисы межконфессионального альянса киристов. – Она открывает дверь комнаты отдыха и ждет, пока я войду. – Бен называет его Лэнгли, в честь города, где расположена штаб-квартира ЦРУ. Но на самом деле мы находимся недалеко от Силвер-Спринг. У нас с Беном в этом семестре стажировка, поэтому школа довольно снисходительно относится к прогулам.

Я оглядываю кубиклы, проходя мимо, и большинство из них пусты, если не считать редких стикеров для заметок или кнопок, воткнутых в стены, разделяющие рабочие места.

– Это место выглядит заброшенным.

– Да. Большая часть рабочих была переведена некоторое время назад. Несколько дней в неделю к Джулии приходит ассистентка разбираться с ее корреспонденцией – у них с Джулией есть кабинет чуть дальше комнаты отдыха. Пятая Колонна собирается только в те дни, когда помощника здесь нет. И нам скоро придется искать новое место. Срок аренды истекает через два месяца. На самом деле киристы сейчас не так уж много занимаются межконфессиональным союзничеством, – криво добавляет она. – А «союзничество» говорят вообще?

– Не думаю.

Мы уже в конференц-зале, поэтому у меня нет времени спрашивать еще что-либо. В комнате шесть человек, собравшиеся вокруг длинного стола. Три человека мне не знакомы. Тол-

стый мужчина в очках и с редеющими волосами стоит лицом к стене. Рядом с ним стоит худощавый афроамериканец в галстук-бабочке. Они оба в костюмах, как и взрослая блондинка у противоположного конца стола, хотя ее костюм не типичного офисного серого цвета, а скорее кислотно-голубого, который делает больно моим глазам. Выцветшая татуировка в виде лотоса украшает тыльную сторону ее ладони. Она что-то проверяет в своем телефоне, и выражение ее лица говорит о том, что у нее есть куда более важные дела, чем быть здесь.

Я узнаю двух самых близких к двери людей – Макса и более-чем-просто-друга-Шарлейн Бенсена.

Макс выглядит так, словно у него была тяжелая ночь. Он в мягкой одежде и, похоже, плохо спал. Его пристальный взгляд устремляется на мою грудь, а затем снова возвращается к моим глазам. В этом нет абсолютно никакого сексуального подтекста – я почти уверена, что он ищет медальон, а не любуется видом. И тут я понимаю, почему. В отличие от остальных в этой комнате, Макс тоже почувствовал бы «сход с рельсов».

Я также узнаю человека, идущего мне навстречу, но меня удивляет то, что он идет. Это доктор Тилсон, бывший преподаватель естественных наук в Брайр Хилл. В последнюю нашу встречу он был в инвалидном кресле, но сейчас он ходит с помощью костылей и двигается довольно хорошо. Тилсон определенно не член киристского фан-клуба, поэтому я немного удивлена, увидев его в здании, которым они, похоже, владеют.

– Мисс Келлер, – говорит он, протягивая мне руку. – Или вы предпочитаете Пирс-Келлер?

– Зовите меня просто Кейт, доктор Тилсон.

– Отлично. Я очень рад видеть вас снова. – Я озадаченно улыбаюсь ему в ответ, потому что не знаю, почему он добавил «снова». Трей сказал, что Тилсон не помнит, как мы встретились на барбекю. – Я надеялся, что мистер Коулман тоже мог бы присоединиться к нам сегодня утром, но его отец сказал, что его вызвали из города по личному делу. Могу ли я рассчитывать на то, что вы введете его в курс дела, разумеется, осторожно, – когда он вернется?

Тилсон и выглядит иначе. Его речь по-прежнему официальна, но он улыбается и не ведет себя, как ворчливый старик.

– Да, сэр, – отвечаю я ему. – Я с удовольствием это сделаю.

– Спасибо. Я полагаю, что мистер Раджи зарезервировал для вас места.

Шарлейн тянет меня за рукав, и я следую за ней к свободным стульям рядом с Бенсеном. Я сажусь в конце, лицом к Тилсону, который занят подключением ноутбука к проектору.

Я кладу свою газировку, планшет и дневник на стол перед собой. Брови Макса взлетают вверх, и он качает головой.

Мне показалось, он хотел сказать мне, что с напитками сюда нельзя. На самом деле над доской и правда висит табличка с надписью: «с едой и напитками вход воспрещен», но у блондинки, сидящей рядом с ним, стоит на столе кофейная кружка и почти съеденная выпечка, поэтому это правило явно игнорируется.

Потом я понимаю, что он переживает о дневнике. А что, по его мнению, я собиралась сделать? Передать его через весь стол и сказать спасибо за то, что он дал мне секретную информацию? Как и все дневники ХРОНОСа, этот похож на обычную старую книгу, и он лежит под планшетом. Никто даже не заподозрил ничего. Но я кладу его себе на колени и стреляю в Макса взглядом, кричащим: «доволен?» Он просто продолжает пристально смотреть на меня, поэтому я целенаправленно переключаю свое внимание на другой конец стола.

Стена позади Тилсона загорается. Он отодвигает свой стул влево, чтобы его голова не загромождала экран.

Я наклоняюсь к Шарлейн и шепчу:

– Мы ждем Джулию?

– Нет, она не придет. Возможно, мы увидимся с ней позже.

- А кто эта женщина рядом с Максом?
- Селена Элликотт, – шепчет она в ответ. – Сенатор.
- Она тоже киристка. У нее есть татуировка.

Шарлейн укоризненно улыбается мне и поднимает свою ладонь. Ее татуировка свежее, розовый цвет более яркий, чем на руке Элликотт. А еще татуировка выглядит немного иначе, чем раньше, хотя я не могу понять, что именно изменилось.

- Мы все киристы. *Новые* киристы, но все же...

Киристы есть киристы. Тем не менее я не говорю вслух того, о чем думаю, потому что не хочу оскорблять Шарлейн и потому что понимаю, что это, вероятно, уже не так. И возможно, это никогда не было полной правдой. Как заметил Кирнан еще в Джорджии, люди присоединялись к киристам по самым разным причинам.

– Всем видно? И слышно? – спрашивает Тилсон чересчур громким голосом для такой маленькой комнаты.

Раздаются звуки согласия, а затем Джулия говорит с ноутбука Тилсона.

- У нас все готово.

Ах. Значит, она сейчас на совещании.

Изображение, которое Тилсон проецирует на стену позади себя, похоже на куш-бол⁵ с разноцветными нитями из сердцевины. Очевидно, мы сразу переходим к брифингу, без вступлений.

– Вот с чем мы столкнулись, – говорит он. – Существует некоторое сходство с вирусом H5N1, который некоторые из вас, возможно, знают под названием птичий грипп, но есть также и некоторые довольно поразительные различия. Я не буду притворяться, что полностью понимаю, как он действует. Мой коллега-эпидемиолог понимает немного больше, но, в целом, это не естественный вирус. Он был создан с целью нести смерть и быстро распространяться через водопровод или через контакт с телесными жидкостями. Оказавшись внутри носителя, он быстро мутирует. Уровень заражения составляет девяносто семь процентов, и пятьдесят процентов испытуемых заразились воздушно-капельным путем – то есть через чихание и кашель – в течение двух дней.

Он на мгновение замолкает, позволяя нам переварить эту информацию.

– Он обладает прекрасным потенциалом боевого вируса, потому что в своей первоначальной, немутированной форме он не особенно опасен, если с ним обращаться осторожно. Время выживания вне носителя относительно короткое – максимум час на сухих поверхностях. Высокая концентрация отбеливателя или другого медицинского дезинфицирующего средства может убить его. И по образцу выжившего можно судить о том, что его можно обезвредить с помощью вакцинации без явных побочных эффектов.

От одного взгляда на эту штуку у меня внутри все сжимается в кулак. Не решаюсь прервать его, но, насколько мне известно, проба воды, которую я привезла из Шести Мостов, находится в холодильнике в доме Кэтрин. Коннор не говорил, что отдал ее Тилсону. И я понятия не имею, что он имеет в виду под «образцом выжившего».

- Извините меня, доктор Тилсон, но... как вы получили эти образцы?

После короткой паузы из компьютера отвечает Джулия:

- С ней еще не произошло этого.

– Оу... – Тилсон виновато смотрит на меня. – Очевидно, у нас возникли проблемы с расписанием. Я потом разберусь с этим вместе с тобой.

Ну, по крайней мере, это объясняет, откуда он меня знал.

Он кликает и переходит к следующему слайду, и кулак, который сжимал мой живот, теперь с силой бьет в него. На экране изображение – газетная фотография Шести Мостов, мас-

⁵ Куш-бол – мягкий мячик, сделанный из тонких резиновых ниток.

штабнее, чем та, что я видела раньше, потому что она проецируется на стену. Рука мальчика, свисающая с края скамьи, теперь почти в натуральную величину. Я вспоминаю слова Кирнана, когда Джексон и Вернон бежали по дорожке к часовне. *Призраки, думай о них, как о призраках.*

Сейчас это сделать ничуть не легче, чем тогда. И я явно не единственная, кто так реагирует на фотографию. Кажется, и остальным, сидящим за столом, стало плохо, и некоторые отводят глаза от экрана при виде десятков трупов, кожа которых странно испещрена пятнами, а тела истощены, как будто кто-то выжал их досуха.

– Вот как действует вирус. Большинство испытуемых умирали в течение одного дня. Этот снимок был сделан местными властями в 1911 году.

Я хочу спросить, откуда у него эта фотография, но уже знаю, что будущая-я отдам ее ему вместе с образцами.

Голос из компьютера спрашивает:

– Откуда мы знаем, что это был результат действия вируса?

Тилсон отвечает:

– Образец был взят из деревенского колодца.

Он щелкает снова, и я мысленно готовлюсь к следующей фотографии, но это всего лишь карта, и кажется, это региональная карта «Кирист Интернэшнл». Она разделена на шесть частей: Северная Америка, Латинская Америка, Европа, Африка, Восточная Азия и ЮЦАзия, что должно означать Южную Центральную Азию. Крупный город в каждой области помечен звездой и именем регионального представителя храма. Североамериканская звезда находится над Вашингтоном, и имя рядом с ней гласит: Франклин Рэндалл. Это странно... я думала, что Патрик Конвелл был местным представителем? Остальные имена мне незнакомы, хотя помню, что Кирнан упоминал кого-то по имени Эдна, и на карте есть Эдна Сова, отмеченная у звезды рядом с африканским рогом.

– Сейчас мы предполагаем, – говорит Тилсон, – что агенты киристов используют шесть региональных штабов в качестве распределительных пунктов для распространения вируса и вакцины в различных национальных и местных храмах. Все члены клуба были вакцинированы...

– Простите. – Голос женщины, доносящийся из компьютера, кажется смутно знакомым, но это определенно не Джулия. – Было несколько региональных программ иммунизации в храмах, расположенных в менее развитых странах, но это только...

Голос затихает, когда Тилсон поворачивает компьютер к Бену, Шарлейн и Максусу, которые поднимают свои правые руки с татуировкой лотоса, направленной вперед.

– Татуировки? – спрашивает она. – Серьезно?

Тилсон кивает и продолжает:

– Как я уже говорил, члены церкви были привиты с помощью подкожных татуировок с ДНК в своих местных храмах во время церемоний посвящения. В какой-то более поздний момент те же самые региональные и местные представители введут вирус в местные источники водоснабжения. Зараженная вода достигнет лишь небольшого процента населения, но в этот момент, учитывая быструю мутацию, будет невозможно...

Голос женщины снова перебивает:

– Вы ведь не хотите сказать, что все шесть региональных представителей замешаны в этом деле? И местные тоже? Я думала, в этом замешана всего лишь небольшая группа внутри круга приближенных...

На мгновение воцаряется тишина, а затем еще несколько человек за столом подхватывают подобные комментарии. Наконец Тилсон прочищает горло, и шум постепенно стихает.

– Вполне вероятно, что местные представители, а возможно, и некоторые региональные лидеры понятия не имеют, что они делают. Они просто будут выполнять приказы сверху. Будем надеяться, что причина в этом, иначе мы имеем дело с гораздо более масштабным злом, чем

хотелось бы надеяться. Но мы не знаем, насколько глубоок заговор, и мы не знаем, какие представители вовлечены в него. Когда на карту поставлено так много, мы должны предполагать худшее, не так ли?

Слышится бормотание, но никто явно не возражает. Затем таинственная женщина снова говорит:

– А как же дети? Киристы не получают своих татуировок, пока не станут послушниками. Обычно это происходит в возрасте около десяти лет, иногда даже позже.

Тилсон вздыхает.

– Дети, которые не были татуированы – и да, почти все они моложе десяти лет, – не защищены. Младенцы имеют некоторый иммунитет от своих матерей, но наша модель, основанная на ограниченных исследованиях, проведенных нами на животных, прогнозировала восьмидесятипроцентную смертность даже среди новорожденных и младенцев на грудном вскармливании.

– Но это ведь так... чудовищно. – Голос женщины звучит мягко. Кажется, будто она сейчас заплачет. – Как можно предполагать, что люди останутся верными тебе, если ты спасешь их жизни, но не жизнь их детей?

За этим следует долгая тишина, и я пользуюсь случаем, чтобы шепотом задать вопрос Шарлейн:

– Кто это говорит?

Она пожимает плечами:

– Даже не знаю. Кажется, босс Джулии.

Это смущает меня еще больше, потому что я и не знала, что у Джулии есть босс.

– Действительно, чудовищно, – говорит Тилсон. – Я должен также добавить, что статус иммунизации у всех, кто получил свою татуировку в Новом храме киристов, имеет подозрительный статус. У мисс Синглтон и мистера Раджи, например, не проявилось ни малейших признаков иммунитета.

Элликотт смотрит на татуировку у нее на руке и судорожно сглатывает. Два других мужчины тоже смотрят на свои, и тут я начинаю понимать, где они получили свои татуировки.

Тилсон кликает и переходит к следующему слайду. Появляются два изображения ключей ХРОНОСа. Один из них цел, но на другом изображении два металлических диска разделены на части, и между ними виднеется, как это называет Коннор, «нутро путешествий во времени». Очевидно, у Тилсона есть инструменты в распоряжении, которых нет у Коннора, потому что все, что Коннор смог сделать, это добраться до серной кислоты, что и деактивировало ключ.

Тилсон нажимает на клавишу и приближает изображение, чтобы рассмотреть его поближе. Похоже на кучку маленьких точек, но в центре находится область, которая напоминает мне шар, который когда-то был у моего отца в офисе. При прикосновении к нему он менял цвет, и маленькие электрические дуги поднимались к внутренней поверхности шара, прямо к тем точкам, где пальцы касались поверхности.

– Это плазменная батарея, – говорит Бен.

Он шепчет, но у Тилсона, должно быть, очень хороший слух, потому что он снова прочищает горло и говорит:

– Может быть, вы и нам расскажете, мистер Раджи?

– Нет, сэр, – выпаливает Бен и снова смотрит на экран.

– Наш юный друг прав. Одна из моих бывших студенток, профессор Массачусетского технологического института, помогла мне проанализировать устройство, которое историки ХРОНОСа называли ключом. Она подтвердила, что он действительно питается от плазменной батареи. Мы знаем, основываясь на экспериментах, что устройство имеет механизм для обнаружения генетического состава человека, держащего его. Например, я не могу управлять ключом, в то время как мисс Келлер и другие, кто унаследовал ген ХРОНОСа, могут это сделать.

Кроме того, единственное, что нам удалось расшифровать, – это то, что один из чипов управляет счетчиком, который переворачивается каждые двадцать четыре часа. Господин Раджи предположил, и, я думаю, что он может быть прав, что счетчик отмечает фактический возраст устройства – то есть сколько дней прошло с момента его создания в примерно 2250 году.

Сенатор Элликотт весело переглядывается с одним из двух мужчин, сидящих напротив, который качает головой и тихо посмеивается. Очевидно, они не верят во все это.

Когда Тилсон снова кликает на указатель, на экране появляется большой вопросительный знак.

– Это должно визуально напомнить вам, что все остальное, что я собираюсь вам рассказать, в значительной степени является гипотезой, основанной на информации, которую мы имеем под рукой. Она может быть не совсем точной.

Элликотт смеется:

– Этот слайд должен был быть в самом начале вашей презентации.

Тилсон бросает на нее короткий взгляд, но не поддается. В течение следующих нескольких минут он объясняет, как работает ключ ХРОНОСа. Я практически ничего не понимаю из того, что он говорит. Я изучала физику только на уроке общих наук, и мы не обсуждали ничего, связанного со временем. Но я все-таки понимаю кое-что из того, что он рассказывает о теории множественных миров – предположении, что каждое наше действие может породить новую реальность. Кэтрин и Коннор упомянули эту идею, и она мне отчасти нравится, потому что это означает, что другие дети папы, с которыми я мельком встретилась, возможно, все еще существуют. С другой стороны, Трей не такой большой поклонник этой теории, поскольку это означает, что мое спасение Кэтрин на выставке спровоцировало какую-то альтернативную вселенную, где он просто остался позади.

– ...склонны считать, что появление бесчисленных альтернативных вселенных просто неуправляемо...

– ...ответ, вероятно, можно найти в направлении теоретической физики, как теория струн...

В какой-то момент мои глаза стекленеют. Должно быть, у Тилсона есть сверхъестественная учительская способность находить ученика, чей мозг покинул здание, потому что следующее, что я слышу, это его слова: «...вы согласны, мисс Келлер?»

Ну почему он не обратился к сенатору Элликотт? Я же просто сидела, а она копалась в телефоне, пока он говорил.

Я обиженно улыбаюсь Тилсону:

– Не могли бы вы повторить вопрос, пожалуйста?

– Конечно. Я спрашивал, соответствует ли ваш опыт в большей степени гипотезе о множественных мирах, с бесконечными параллельными вселенными, или теории струн, которая предполагает, что они ограничены. Приводят ли малые изменения к сдвигу во времени?

– Хм... – Я останавливаюсь и делаю глоток содовой. – Нет. Каждый раз, когда я перемещалась, каждый раз, когда кто-то из первоначальных историков совершал перемещение, происходили *небольшие* изменения. Я выхожу на тротуар перед кем-то, и этот человек упускает такси и, следовательно, пропустит встречу или что-то еще – это изменение, верно? И даже те перемены, которые привели к созданию Пятой Колонны, казались... не знаю... наверное, локализованными? Я что-то почувствовала, но это было не то же самое ощущение, которое мы, люди с геном ХРОНОСа, испытывали в трех случаях, когда происходили масштабные изменения.

Хотя произошло уже четыре крупных изменения, последнее из которых стерло в пух и прах предыдущие. Но я почти уверена, что из всех остальных в комнате только Макс почувствовал это, и я не знаю, захочет ли Джулия, чтобы я рассказывала что-либо остальным.

– Думаю, небольшие изменения не порождают новую реальность, – говорю я, – а если и порождают, то эта реальность снова сливается с другой. Но вот часть о теории струн... понятия не имею.

– Так, – говорит Бенсен, – ты говоришь о временной инерции? Время как бы латает само себя, если трещина не очень большая? – Вопрос адресован мне, но все, что он получает в ответ, это взгляд, полный недопонимания. – Как в «Докторе Кто» или «Звездном пути»? Время сопротивляется изменению.

Селена Элликотт хихикает:

– На случай, если вы не знаете, это научно-фантастические сериалы. О вымышленном. Искусственном. Не реальном.

Правая бровь Бенсена приподнимается на несколько миллиметров. На самом деле это довольно яркая реакция с его стороны. Клянусь, такое чувство, будто кто-то напичкал ботоксом его лицо.

– Оборудование ХРОНОСа создали люди из будущего, которое наступит лет через двести, – говорит Бенсен. – Вернитесь на каких-нибудь сто или пятьдесят лет назад, и кто-нибудь, особенно люди с ограниченным воображением, скажут вам то же самое о самолетах, вертолетах, ракетах, ядерном оружии, не говоря уже об устройстве, которое вы только что использовали для проверки своей электронной почты.

Элликотт закатывает глаза, но ничего не отвечает.

Тилсон смотрит на Бена и медленно кивает. Должно быть, его мысли все еще сконцентрированы на вопросе Бена, который он задал до того, как вмешалась Элликотт.

– Вполне возможно. Очень может быть, что только масштабное изменение вызывает полный сдвиг временной шкалы или запускает новую реальность, как бы вы это ни называли. Ключ ХРОНОСа создает что-то вроде пузыря вокруг владельца ключа, если у этого человека есть ген.

– Это поле действует и на других, – говорю я. – Они не могут использовать оборудование, но если кто-то без гена находится внутри поля, когда происходит изменение, они будут помнить обе временные линии. Это неприятное ощущение, и для них оно болезненнее, чем для тех, у кого есть ген. Но если вернуться к тому, о чем спрашивал Бенсен, то я не знаю, исправляется ли время само по себе. Скорее, новые изменения переписывают второстепенную историю. Пейзаж немного меняется, но поезд остается на прежнем пути. Но, возможно, это лишь наше восприятие.

Элликотт откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди, явно не веря ни единому нашему слову. Не знаю, то ли дело в отвратном цвете ее пиджака, то ли в густо покрытых лаком платиново-светлых волосах, то ли в татуировке на руке или во всем вышеперечисленном, но Элликотт вызывает у меня плохое предчувствие. Я не могу не думать о том, что Джулия или кто-то еще, проверяющий членов Пятой Колонны, допустил ошибку, включив ее.

Должно быть, Тилсон думает о чем-то подобном.

– Полагаю, мы должны обратиться к тем, кто скептически относится к путешествиям во времени, прежде чем двигаться дальше.

Он пододвигает к середине стола сложенную газету «Вашингтон пост»:

– 17 сентября. Передайте ее по кругу, чтобы все трое могли найти объявления, которые вы подали. Один из вас решил немного пошутить, поэтому я сразу заметил ваши – обведены синим кружком. *Пропала собака. Доберман. Отзывается на кличку Пинчер. Награда за возвращение в храм на Шестнадцатой улице.*

Парень рядом с Тилсоном берет газету и некоторое время изучает ее, затем бормочет проклятие, прежде чем передать ее человеку с галстуком-бабочкой.

– Ты, случайно, не захватил с собой биржевые страницы? Или, может быть, спортивную газету?

– Нет. На самом деле я пропустил большую часть этой газеты через измельчитель, даже не читая. Но те из вас, кто являются нынешними или бывшими членами храма, теперь должны иметь хорошее представление о том, почему у киристов такие толстые инвестиционные портфели.

– Это может многое объяснить, – говорит галстук-бабочка. Он бросает косой взгляд на сенатора Элликотт и протягивает ей газету. – Например, почему им так повезло на последних выборах. И с принятием Конгрессом их законопроектов.

– Дельное замечание. – Элликотт поворачивается ко мне: – «Кирист Интернэшнл» сейчас неплохо устроилась. Зачем им устраивать глобальную катастрофу, когда они могут безнаказанно делать почти все, что им заблагорассудится? Почти все члены Конгресса у них в кармане.

– Не говоря уже о президентстве, – добавляет Макс.

Элликотт, кажется, на мгновение растерялась, хотя я и не знаю почему.

– Да. Верно. Верховный суд уже много лет не выносил против них никаких решений по каким-либо важным делам. И дело обстоит так не только в США. Большинство мировых правительств за последнее десятилетие стали исключительно дружелюбны к киристам. Зачем же отказываться от этого?

Она явно ждет от меня ответа, но у меня его нет, по крайней мере, такого, который мог бы воззвать к ее здравому смыслу. Все, что я вижу, – это лицо Сола в часовне в Шести Мостах. Или взгляд женщины в конюшне в Истеро, когда она перерезала себе горло. Их лица были очень похожи – радостные, почти умиротворенные.

– Вы просите меня дать вам логическое объяснение геноциду? – спрашиваю я. – Разве какое-нибудь разумное общество когда-нибудь шло на геноцид? Я уверена, что лидеры и члены церкви думают, что они действуют рационально, но никто другой не видит этого.

Элликотт, очевидно, нашла объявление, которое искала, потому что теперь она протягивает газету Тилсону.

– Ну и что? Это ничего не доказывает. Вы могли прослушивать наши телефоны или следить за нашими компьютерами. Возможно, вы вступили в сговор с кем-то из «Вашингтон пост». Мне нужны первичные доказательства того, что она может путешествовать во времени.

– Например? – спрашивает Тилсон.

– Сделайте что-нибудь простое, если хотите. Пусть она вернется на пятнадцать минут назад и вмешается в совещание.

– Нет, – говорю я. – Я уже была в комнате в тот момент, и я не хочу пересекаться с самой собой. Это образует что-то вроде обратной связи в мозгу. Я видела, что это сделало с моей тетей, поэтому избегаю такого. И это может быть нелегко для всех остальных. От этого голова идет кругом.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает Тилсон.

– По моему опыту, когда люди без гена ХРОНОСа видят что-то... противоречивое... у них болит голова. Они чувствуют тошноту в течение нескольких минут. Трей считает, что это похоже на морскую болезнь. Мозг не может обработать диссонирующие образы или воспоминания, поэтому он бьет по желудку.

Элликотт одаривает меня покровительственной улыбкой:

– Я думаю, что мы можем справиться с небольшим дискомфортом, мисс Келлер.

– Да, для вас это может быть всего лишь одно маленькое воспоминание. Но тот факт, что вы видели меня раньше, изменит кое-что в нашем разговоре. Вы этого не запомните. А я запомню, – я смотрю на кружку, стоящую на столе перед ней. – В котором часу вы были в кафе?

– Около восьми-десяти, – осторожно отвечает она.

– На М-стрит?

– Да. А что?

Я достаю из кармана телефон, открываю приложение камеры и фотографирую Элликотт. Затем я достаю свой ключ ХРОНОСа и перемещаюсь.

* * *

Джорджтаунский университет

11 сентября, 7:40

Когда я помогала маме подготовиться к ее исследовательской поездке, одной из моих обязанностей было переносить книги из ее офиса обратно в таунхаус, чтобы она могла упаковать их и отправить в Италию. У профессоров истории бывает безумное количество книг, и все они тяжелые. Вместо того чтобы взять напрокат грузовик, мама решила, что будет дешевле и проще (по крайней мере, для нее), если я отнесу коробки вниз и несколько раз вызову такси.

Учитывая то, что мама была занята совещаниями, а я каждый день тратила добрых двенадцать часов на исследования, связанные с ХРОНОСом, я решила, что будет лучше пропустить часть с переноской коробок и вызовом такси. Я установила локальную точку в ее офисе на территории кампуса, упаковала коробки и переместилась обратно в стабильную точку в нашей гостиной. Через полчаса я уже закончила.

Теперь я вдвойне рада, что срезала себе путь. В 7:40 утра в мамином доме никого нет. Спустя несколько минут я уже пересекаю Копли-Лоун, выхожу на тротуар на О-стрит и около восьми оказываюсь в кафе «Дин & ДеЛука». Я могла бы оказаться там еще раньше, но заглянула по пути в одно место, которое мне очень нравится на О-стрит, чтобы купить кофе и бискотти.

Это не какая-то минутная слабость (ну, за исключением бискотти). Кофе – неотъемлемая часть моего плана.

Уже скорее 8:15, когда черный седан подъезжает к магазину. Водитель открывает дверь Элликотт и направляется вниз по кварталу, свернув налево на улице Висконсин. Спустя несколько минут машина уже объезжает квартал и оказывается на Потомак-стрит, прямо напротив кафе.

Я прислоняюсь к кирпичной стене и жду. Через несколько минут Элликотт выходит из магазина в своем отвратно ярком синем костюме, держа в руках кофе и маленький белый пакетик с вредным завтраком. Она не замечает меня до тех пор, пока последние 20 процентов моего кофе – теперь уже теплого – не встречаются с передней частью ее пиджака.

Но даже тогда она не смотрит мне в глаза. Я бормочу извинения, а она бормочет ругательства. К этому времени ее машина уже стоит у обочины. Она снимает пиджак, как только садится на заднее сиденье, и начинает промакивать его салфеткой, пока седан отъезжает.

Я шагаю по противоположной стороне Потомак-стрит, пока не нахожу переулок между студией йоги и офисным зданием. Затем я вытаскиваю ключ и перемещаюсь обратно в конференц-зал, на тридцать секунд позже того момента, когда я ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.